

Юрий Стрелов

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Художественно-документальные зарисовки

**Иркутск
2013**

УДК 821-161-1
ББК 84(2=Рус7)

С 84 **Стрелов Ю. Первопроходцы:** Художественно-документальные зарисовки. – Иркутск, 2013. – 196 с.

© Ю. Стрелов, 2013

*Посвящаются памяти жертв
политических репрессий.*

От автора

30 октября объявлен в России Днем памяти жертв политических репрессий.

Этот день воистину может быть объявлен всеобщим днем траура, потому что в период тоталитарного режима страна пережила национальную трагедию.

С 1991 года решением Верховного Совета День памяти жертв политических репрессий отмечается официально.

Перелистывая пожелтевшие страницы своих записок о старожилых, обнаружил страшные истории из далекого прошлого. О том времени и людях, что начинали строить автотрассу от Ангары до Лены и железную дорогу от Тайшета до Лены, нельзя было писать. Есть общие сведения. Как-то в районной газете «Маяк коммунизма» была напечатана обзорная статья краеведа из поселка Заярск Сергея Плющенко. И, все-таки, кто же строил эти дороги? Что это были за люди? Меня всегда интересовал не протокольный, а конкретный человек, переживший то страшное время. Ещё в шестидесятые годы я знал многих, которые строили эти дороги. В основном, меня знакомила с ними наш руководитель местного радио и литературного клуба Лидия Ивановна Тамм. Как она находила этих людей, ей только было известно. Почему для этой цели она выбрала меня – не знаю. Может, из-за того, что я сам испытал, как и она, лагеря того времени. Долбил камень. Катал тачки. Она настаивала, чтобы я знакомился с этими людьми. Когда-нибудь, мол, эти материалы пригодятся. Несколько раз я пытался напечатать свои художественные зарисовки о том страшном времени, но редакторы не принимали их.

Было советское время, и не надо было раздражать коммунистов. А потом всё это вошло в привычку. И опять мне сказали, что не надо раздражать коммунистов. Какие же они все раздражительные, психоватые. При упоминании того времени, этих людей начинает трясти от злости. Руки и губы трясутся. В этот момент мне их даже до слез становится жалко. Всё им не так и всё им не эдак. Господи, ну, почему они такие!? Всё это было. Мы не имеем право, забывать об этом. Мои художественные очерки и зарисовки необычные. Эти раздражительные люди мне говорят, многие, мол, не поймут. И какие-то они ещё непонятные. А я их понимаю. Они вздыхают о тех прошедших жестоких временах. А раздражаются и вздыхают те, кто не был на зоне, кто служил на охране, кто был в военное время в заградительных отрядах, бывшие партийные и советские работники, лекторы марксизма-ленинизма, и просто обманутые пропагандой люди.

Я не описывал трудовые подвиги ради светлого будущего. Я много писал о трудовых буднях комсомольцев. И сейчас я работаю над книгой о комсомольцах со дня рождения комсомола. Что вам ещё надо? Вряд ли кто больше меня писал о них во многие газеты, и просто о рабочем человеке. И вот насмелился издать вот эту книгу. Когда-то же надо было исполнить мечту моей наставницы и второй матери Лидии Ивановны Тамм. Подвиг каждого героя моих зарисовок был только ради жизни. Многие выстояли. И это был подвиг каждого. Это были не враги народа, это были честнейшие и благородные люди. Я трудился с этими людьми. И как никто знал этот народ. Вот мой ответ трясущимся в злобе товарищам. А вот о чем думают те, если ещё кто из них живой, кто до 20 съезда 1956 года издевался над заключенными, расстреливал невиновных? Конечно, врут, и придумывают себе другие биографии. А совесть? У таких людей она отсутствует. Как бы мне хотелось, чтобы они почитали мои зарисовки. И я уверен, что некоторые бывшие партийные деятели после прочтения взвоят и скажут: «Зачем ворошить?» У меня готов ответ. Ворошили историю со дня революции в газетах, на радио, в книгах, в кино. Наступило время рассказать правду о простых людях. Статьи были. Много. Я читал их. Мне захотелось конкретно рассказать о простом человеке из той страшной истории. И что-

бы она не повторилась. Мои первые зарисовки начинала печатать районная газета. Я успел увидеть только три зарисовки, как начались звонки в редакцию, чтобы прекратили печатать. И мне было обидно, что даже мои коллеги по перу, на одном из литературных заседаний, запретили мне писать об этом. Пиши, мол, очерки о передовиках производства. Так, что и в наше время, некоторые товарищи почему-то защищают то жестокое время. С чего бы это? Странно. Неужели, никто из них не пережил, что пережили миллионы людей? Мне жалко тех людей, кто забыл прошлое, и я на них не в обиде. Да не забыли они! Конечно, не забыли. Такое невозможно забыть. Просто они тоскуют по тем временам, когда за сбор колосков давали срок, когда мы голодали, ходили без обуви и в лохмотьях. Потом выстаивали очередь за куском хлеба по карточкам. Когда ночью вздрагивали, если стучали в дверь. За кем пришли, чтобы отправить в лагерь? Возможно, эти люди, которые запрещают мне писать о тех временах, не пережили страшные годы бесправия и страха. Жили они в свое удовольствие, и были сытые и одетые. Тогда я их пойму. И поэтому они защищают те времена и запрещают мне печатать в газете мои зарисовки. Они жили счастливо. И пусть это будет на их совести. Я не для них написал эту книгу. Пусть почитает молодежь. Они должны знать историю. Потому что первопроходцами на нашей стройке были именно заключенные и ссыльные. И не дай Бог, чтобы не повторить страшные годы бесправия, и унижения человеческого достоинства. Поэтому книгу я назвал – первопроходцы.

Многие герои моих зарисовок, очерков и рассказов в шестидесятые годы работали со мной в одной бригаде Николая Трифонова, Николая Торкунова и в моей бригаде. Они многое, что рассказали о том, как они строили железную дорогу. После 1956 года, когда началось массовое освобождение политических из лагерей, многим из них некуда было ехать. Они устраивались работать в экспедиции, которые находились в нашем районе. А когда начались работы по строительству города и комбината, перешли в «Коршунвстрой». Некоторые фамилия я подзабыл. Пусть извинит меня читатель. Но многие случаи из того жестокого времени я запомнил.

Недавно в наш город приезжал бывший начальник Братскгэсстроя, а также главный инженер Коршуновстроя Анатолий Николаевич Закопырин. У него в одном из издательств вышло две большие книги. Бывшие строители собрались на встречу с ним и ознакомиться с его книгами. По вопросу о лагерях я ему помог для его книги. Когда он вручал мне книгу, то он сказал:

– Товарищи, мы не должны забывать о тружениках за колючей проволокой. А ведь многие это забыли, а некоторые умышленно не желают вспоминать. Я их не пойму. Кто эти люди? Не могу понять причину запрета писать об этом? Не пойму. Как так можно запрещать? Доброго тебе здоровья, Юра, что ты не забываешь о том времени, и смело пишешь о белых пятнах в нашей истории. Лагерники, это тоже люди. Они заслужили, чтобы о них тоже написали. Именно они были первыми первопроходцами.

Часть первая. Работать по-Сталински

Он хотел мира

Гужевою дорогу от Илимска до реки Лена люди знали с незапамятных времен. По ней ходили первые казаки, служилые люди, крестьяне, гулящие, бродяги, лихие люди, приискатели. На этой дороге много людей погибло. Ещё при царе планировали построить железную дорогу до Якутии. Также нужна была трактовая дорога для гужевого и автомобильного транспорта. Груза возили именно через Илимск. В середине двадцатых годов началось строительство трактовой дороги. Есть только общие статьи об этой дороге. Кто конкретно её строил – неизвестно. Ещё в шестидесятые годы я знал некоторых её строителей. Они трудились шоферами, плотниками в «Коршуновстрое». Я по крупицам собирал истории об этих людях.

Разными путями они попадали на эту дорогу политую кровью и потом. Её строили: заключенные, ссыльные, вербованные и просто бродяги. Вот первая зарисовка.

1926 год. Кузьма Павлов отбывал срок в концлагере под Вологдой. Потом его этапом отправили в Иркутский централ. Через полгода отправили в Илимскую тайгу. От Ангары до Лены была гужевая дорога. Из Илимска его пешком вместе с другими заключенными пригнали в лагерь у деревни Избушечная (Хребтовая). Двадцать дней они шли от Ангары до места. На всем пути, где были деревни, люди, приносили хлеб, молоко, картошку. На Руси, особенно в Сибири, всегда относились к этапам сурово. И конвойные не препятствовали благородному делу. Потом это властям не понравилось. Придумали концлаге-

ря. Кстати, в те времена наши лагеря назывались концлагерями. Некоторые современные товарищи, оказывается, не знают, что лагеря именно так и назывались. Именно немцы у нас переняли эти названия. Так, что именно мы пионеры таких лагерей с усиленным режимом. Вдалбливали в головы народа через радио, газеты, выступления политиков, что нас окружают враги народа. Мол, из-за них мы так плохо живем. Высшие власти Москвы всё изощреннее придумывали, как бы больше уничтожить политических. Пока народ подкармливал заключенных.

На Илимскую землю кого только не присылали. Нет возможности все статьи перечислить.

Работы велись вручную. Главный инструмент: тачка, лопата и кайла. Узкая грунтовая дорога. И надо было её расширить. Валили лес, корчевали пни. Убирали верхний грунт, и на тачках увозили в отвал. Вдоль дороги были карьеры, где добывали камень. Дробили его вручную. До наших дней можно увидеть заросшие карьеры. Камень укладывали, и специальными колотушками из лиственницы уминали его в грунт. Делались ещё деревянные катушки высотой в полтора метра и такой же ширины с воткнутыми шипами (зубьями) из лиственниц или березы. На это огромное колесо укреплялась площадка, на которую укладывались мешки с песком. В это устройство впрягались две лошадки. Так уминали камни в дорогу. Между камнями засыпалась мелочь. Если проходил дождь, то мелочь растворялась и облипала камни. Создавался естественный раствор скрепляющий камни. Слои за слоями вырастала дорога. Зимой, в морозы, заливали водой в камнях. К утру камень разваливался. Помню, когда в середине пятидесятых годов, я был на зоне, то таким методом мы разваливали камни, а нас, работающих в каменоломне, называли каменотесами. Так что, я на своей шкуре всё это испытал. И обо всем этом мне легче вспомнить ту далекую и страшную эпоху, чем тем, кто начитался о том времени из книжек и газет о зоне и тюрьмах.

Кузьма Павлов ловко управлялся с лошадьми. Его две лошадки таскали колотушку, уминая камни в грунт. Кузьма работал на пару с конокрадом, цыганом. Бывший махновец Кузьма говорил:

– Я на тачанке ловко поработал. И белых и красных косил.

– Как ты мог в красных стрелять? – в ужасе спросил бывший командир полка Игнатьев. – Тебя надо к стенке!

– Красных? – переспросил Кузьма. – Кто красные? Большевики один вред принесли для России. Белые страну профукали. Мы всех наказывали. Мы хотели жить мирно. Сеять зерно, растить детей. Мы хотели создать своё, мирное общество. Там не должно быть насилия над личностью. Вы, большевики, не дали нам мирно жить. Вам только воевать. Без вас лучше. Во всем вы виноваты.

В те времена ещё можно было так рассуждать. Власть большевиков ещё «плохинько» боролась с вольнодумцами. Но уже шло к тому, чтобы «зажать» таких людей. С ними вели беседы, но уже строились для них концлагеря.

Некоторое время на зоне служил комиссар, любитель поговорить с умными заключёнными. Такие люди потом сами попали за колючую проволоку.

– Откажитесь от теории анархизма, – говорил комиссар. – Ваша теория абсурдна.

– А ваша? Поверьте мне. Свернете шею. Есть предел. Вас уничтожат. Россия будет процветающей страной, но только без большевиков.

Комиссар ударился в работы Ленина, а Кузьма в идею Кропоткина, Букунина, Махно. Не выдержал комиссар, и стал топтать ногами и стучать по столу.

Была осень 1926 года. Пробрасывал снег. У костра сидели: Кузьма, Игнатьев, цыган, белогвардеец и священник.

Кони стояли под навесом. Берегли лошадей. У каждого каменного карьера были такие навесы, чтобы можно было укрыться от дождя. И был, конечно, сарай, в котором было два отсека. Один для заключённых, другой для конвоиров. В этих двух отсеках стояли железные печки.

– Всех вас надо было бы к стенке, – говорил Игнатьев.

– Россия потеряла стержень, – сказал белогвардеец. – Большевики изломали его.

– За клячу мне приписали контру, – ответил цыган.

– Хорошо сказали. Потеряли стержень, – ответил священник.
– От Бога отвернулись. Церкви разрушили. Многих священнослужителей расстреляли. Пришел на землю антихрист и развел своих питомцев. Страна пошла по ложному пути. Надо больше молиться.

Он и белогвардеец перекрестились

– Эй вы, говоруны, а ну, за работу! – крикнул старший надзиратель. – Снег с дождем перестали. Все работают. Мне за вас получить выговор, наряд?

Кузьма и цыган пошли к своим лошадям. На этот раз их правили возить бревна. Мастер с бригадиром поставили на обрубку сучьев бывшего командира полка и белогвардейца. Зря они это сделали. Два врага стояли друг перед другом с топорами и готовые пустить их в ход.

– Я тебе покажу мировое господство! – кричал белогвардеец.

– Да, мы придем к мировой революции! – отвечал Игнатъев.

– Царя и малого дитя загубили изверги!

– В распыл вас и ваших попов! К стенке всех вас!

И стали махать топорами. Кузьма и цыган бросились спасать мужиков. Кузьма кричал:

– Хватит воевать! Надоели вы с вашей революцией и войной!

Посадили мужиков в карцер на десять суток. После развели их на разные работы.

Из Илимска гнали этап. Оборванные, грязные, измученные люди.

– Куда вас, братцы и откуда? – крикнул Кузьма.

– Дорогу строить, будь она проклята!

– Анархисты есть?

– Нас тут, анархистов, шестеро. Матросы с Балтики! Восстание против большевиков подняли. Почти все полегли. Нас сюда.

Конвоиры стали бить прикладами заключенных.

Этап пошел дальше.

Кузьма Павлов освобожден в 1930 году. За выступления на одном из собраний его арестовали и осудили на 25 лет. В начале

войны его отправили в штрафную роту. После ранения пошел в разведчики. Был награжден орденами и медалями. После войны снова арестовали. Строил железную дорогу. Остался в Коршунихе. Ушел из жизни в 1972 году.

Крестьянский сын

1927 год. Семнадцатилетнего крестьянина Ивана Никифорова из-под Ярославля арестовали. Был суд. Отправили в концлагерь на восемь лет.

...На селе было два брата. Отменные лодыри. Всю зиму лежали на печи. За зиму сжигали весь забор и всё, что есть деревянное. После революции пошли в милицию. У крестьян отбирали лишнее зерно. Пришли к Никифоровым. Отец, мать и три сына встали на защиту зерна. Вооружились. К ним на помощь пришли и другие крестьяне. На машине приехала районная милиция. В перестрелке погиб отец, братьев и мать арестовали. Дом сожгли. Двух братьев увезли на суд в столицу, мать умерла. Младшего Ивана судили в районном суде. Старших братьев расстреляли. Ивана втолкнули в столыпинский вагон, и поезд отправился в Сибирь.

Полгода Ивана бросали по пересылкам. Лапти износились. Закалился быть босиком. Из Иркутского централа часть этапа отправили в каменоломни на Байкале, а часть на север. Через поселок Качуг, что стоял на берегу Лена, на барже этап сплавили до Усть-Кута. Здесь сердобольная старушка принесла Ивану чирки с соломой. Ногам стало тепло. Народ к этапам в Сибири относился хорошо. Не знаю, как в России, а у нас, в Сибири, всегда так было. Приносили всякие продукты, одежду.

Когда по стране прокатился клич: «Бей врагов народа!» люди будут бросать камни в политических. Таков уж наш народ. Так он приучен.

Этап гнали пешком до деревни Избушечная (Хребтовая). Недалеко был расположен лагерь. Была здесь грунтовая дорога. По ней шли подводы с провизией. Автомобильный транспорт состоял из газогенераторных машин. Они работали от печей, прикрепленных у кабины. Работала печь от коротких дровишек.

Груза везли до порта Осетрова на реке Лена. Потом товары грузили на карбаса. Целый месяц Иван и несколько заключенных загружали карбаса. Их подцеплял грузовой пароход, и караван отправлялся на север. Там карбаса шли на строительство домов. Якутск, в основном был построен из добротного леса этих карбасов. В основном погрузкой занимались профессиональные грузчики. Многие из них после отбытия срока заключения, оставались здесь навсегда. Устраивались грузчиками. Обзаводились семьями. Заработки были хорошие. Да и с продуктами было легче.

Иван Никифоров этапом был доставлен в лагерь у деревни Избушечная. Зона воротами выходила к дороге. Их поселили в сарай. Он продувался всеми илимскими ветрами. От одной железной печки в углы тепла не хватало. Более молодые и здоровые заняли места поближе к печке. Пожилые и больные заключенные устроились на нарах из круглого леса по углам. Иван зазевался. Он помогал старому и хромому человеку добраться до нар. Ивану досталась нара внизу в самом дальнем углу. Хорошо ещё было то, что в маленькое окошечко лучи солнца падали прямо на Иваново место. В окно заглядывала красная рябина, и её ветки от ветра скребли по стеклу. Иван бросился на нары. Тусклая, единственная керосиновая лампа почти у потолка едва освещала угрюмые лица людей. Они ругались и спорили из-за места у печки.

Иван уснул мгновенно. Ночью проснулся от холода. И пришел в ужас. Восемь лет жить в таких условиях! Выдержит ли он?

Утром их вывели на перекличку. За ночь умерло двое старых эзков. Похоронили их за отвалом. Можно только представить, сколько косточек покоится за этой дорогой, по которой мы сейчас ездим. Широкая асфальтированная дорога. И мои современники даже не догадываются, сколько здесь загублено душ. Неужели трясущиеся в злобе товарищи это не ведают? Знают. Конечно, знают. На крови она построена. На крови. Будете читать дальше? А то ведь некоторые начнут зубками скрипеть. Ну и не читайте! Бог с вами. Кто не хлебал лагерную похлебку, кто не катал тачки и не ломал камни, зубами не будет скрипеть.

Ивана определили в только что созданную бригаду из ста человек. Бригадиром назначили бывшего меньшевика Николая Игнатъевича Климова. До лагеря он работал в жилищной контроле бухгалтером в Москве. Меньшевики собирались на чаепитие у старого князя Соколовского. Бдительные соседи сообщили в уголовный розыск, что меньшевики готовятся кого-то убить. Осудили каждого на десять лет сибирских концлагерей. Ивана увезли в Сибирь. Два года Иван строил карбаса на реке Лена. Готовил дрова для пароходов. На третий год его отправили в сторону Илимска.

– Бухгалтер, говоришь? – спросил начальник лагеря. – Занято. Пойдешь бригадиром. Надо строить дорогу. Мастером у тебя будет бывший анжинер, ученый, бывший большевик. Имел связь с попами. Поднял руку на представителя власти, который хотел разрушить поповское гнездо. Один год тачку катал. Теперь вот мастером стал. Два института у него. У меня два класса всего. Над ним. Разве не антиресно? На воле нос воротил от меня, и тоже антилигентишка? Это я из вас всё вышибу. У нас нельзя выделяться. Нехорошо. Еслив переучился маненько, то помалкивай, и не пузырись.

Иван Никифоров и вся бригада Климова занялась раскорчевкой пней, снимали природный грунт, и на тачках отвозили в отвал.

На повороте автомашина с грузом скатилась в овраг. На этой машине до порта Осетрово везли мешки с солью, сушеную картошку для севера. Всё это было разбросано. Бригадир Климов снял всех эков с работ для того, чтобы вытащить машину и собрать груз.

У шофера была сломана нога. Он заснул за рулем. Машин было мало, а груза требовались на север. Да и дорога была плохая. В те времена груза и на подводах возили. Надо было много лошадей. На всем пути было несколько конных дворов. Деревенские жители выделяли на гужевую дорогу и сено и овес. Как могли, помогали. Конюхи и возницы были из местных. За труд организация Дальдорстрой за работу расплачивалась деньгами. Места на возницу не пустовали. Кому из колхозников не хотелось получить хорошие деньги.

Среди заключенных было два врача. Они что-то сделали с ногой шофера, и повезли его в фельдшерский пункт, который находился в лагере. Врачам-меньшевикам не доверяли. Вдруг навредят. Тогда уже началось движение – враги народа.

Иван один из первых бросился помочь врачам-меньшевикам. Они сами управились.

Перевернутую машину толпой поставили на колеса и вытолкнули на дорогу. Собрали мешки. Нашли механика. Поврежденный в машине не было.

Люди отдыхали на обочине дороги.

На вороном коне примчался начальник лагеря. Он грозно шевелил усами. Сапогом пнул бригадира Климова.

– По какому праву снял бригаду!

– Авария. Человек ногу сломал. По какому праву деретесь?

– Чо?! Ах, ты, меньшевикская морда! Ишо указывать? Тачку катать! Быстро очки сбросишь! Мало вас постреляли! Надо было вас всех уничтожить! И здесь вредишь? Встать всем, враги народа!

Заключенные стали подниматься. Разбрелись по своим местам.

Начальник крикнул:

– Ткачук! Подь сюда! Бригаду принимай!

Подошел, почти подкатился кругленький и вертлявый. Начальник уехал, а новый бригадир подкатился к Климову.

– Я ужо устрою тебе веселую жись! У меня робыть буде!

Климов стал катать тачку.

Работа замедлилась. То, что намечал мастер – бригада не выполняла. Так продолжалось две недели. Приехало начальство. Всех опросили. Почему не выполняют план? Бригадиром снова был назначен Климов.

Начальника лагеря перевели в другое место. Такое в то время ещё было. Потом всё изменится. Стали даже жалобщиков наказывать. Пока шел 1927 год. Такие начальники лагеря будут нужны. Даже ордена получали, премии.

Судьба Климова мне неизвестна.

Иван Никифоров уйдет на фронт. Будет возводить пантоны. В 1950 году снова арестуют. Освободится в 1952 году. Через год

опять арестуют за анекдоты о наших правителях. Освободится в 1956 году. Будет работать со мной в одной бригаде Николая Торкунова. Уйдет из жизни в 1980 году.

Терпеть и выжить

Дядя Витя был приглашен нашим руководителем радио и литературным клубом Лидией Ивановной Тамм на местное радио. У дяди Вити голос сочный, с хрипотцой. В общем, был членом нашего клуба. Даже басни сочинял. Он работал плотником в моей бригаде. Я его и сманил на общественное дело. В основном, он был молчалив, даже угрюм. На перекуре садился в сторонке. Как-то я стал рассказывать ему, как мой отец скрывался от милиции, и сидел в подполье. Меня, как старшего, двенадцатилетнего, в кабинете подвешивали на крюке и тушили папиросы под мышками, чтобы я выдал отца. Ничего не добились. Меня даже водой отливали. Да и сам я был на зоне, и катал тачку. Дядя Витя тихо улыбнулся и сказал:

– Знакомо. До сих пор душа горит. Поверь мне. Ещё долго старые и выжившие из ума люди будут ходить с портретами Сталина. Просто они не испытали ужасы сталинских лагерей. Мечтают о былых временах партийные и советские работники, и запудренные ими мозги простых людей.

1928 год. Виктор Огородников в свои семнадцать лет работал токарем на Путиловском заводе в Ленинграде наравне со старыми рабочими. Иногда выступал на собраниях, писал в местную газету критические материалы. Как-то выступил в защиту балтийских матросов. В своем выступлении Виктор покритиковал комиссаров в том, что они жестокие к простым людям. Через два дня Виктора арестовали. Осудили на десять лет с отправкой на восток. В Иркутске небольшую партию эзков высадили. Этапом привезли в поселок Качут на реке Лена. Там их загрузили на баржу, и пароходик сплавил баржу до поселка Усть-Кут.

Недалеко от поселка стоял концлагерь. Бригаду, в которую вошел Виктор, направили валить деревья.

По специальному жёлобу очищенные бревна сбрасывали с гор. Потом их тащили к берегу Лена, и готовили карбаса. Ещё

заготавливали дрова для пароходов и для лагеря. Виктор ловко научился владеть топором. За три минуты он мог повалить любое самое толстое дерево.

– Чо стараешься? – заметил уголовник. – Лишнюю похлебку решил заработать? Не выйдет. Обманут. Знамо дело.

– И то, правда, – поддержал его бывший меньшевик. – На таком пайке надорвешься. Здесь нет чести и славы. Себя загубишь.

Виктор послушал своих новых товарищей. Одно дерево он стал валить за тридцать минут. Это заметил мастер, который отбирал лес для карбасов.

– Что с тобой? Хвалил я тебя. А тут сел?

– От вашей похлебки ноги скоро протяну, – ответил Виктор. – Смысл? Кормить людей надо лучше.

– Я уже говорил начальству. Такая государственная норма. Стране не хватает хлеба.

– Мы тут причем?! – крикнул уголовник.

– Ещё хуже будем работать, – сказал Виктор.

– Это ваше последнее слово? – спросил мастер. – С меня тоже работу спрашивают. Прекратите. Советую по-хорошему.

Волна сопротивления прокатилась по всей сотенной бригаде. Все сели. Мастер ушел.

– Ну, господа, ждите побоев, – сообщил меньшевик. – Я уже был на каторге при царе. А теперь снова на каторгу.

Шеренгой шли конвоиры с собаками. Впереди с тростью, прихрамывая, шел начальник лагеря. Остановились в метрах двадцати. Собаки так и рвались с поводков.

– Шумим! – крикнул начальник. – Опять меньшевики постарались? Контра! Встать!

Виктор в ответ тоже крикнул:

– Не кричи, гражданин начальник! От такого пайка скоро ноги протянем!

Многие стали кричать проклятие на начальство.

– Прекратите кричать! – надрывался начальник. – Страна только что прошла огонь войны с белогвардейцами. Сейчас страна поднимается на ноги, а меньшевики не дают подняться.

– Плевать нам на ваши ноги! – крикнул кто-то. – Страна на нас плюет, так и мы на неё.

– Предупреждаю! У меня есть приказ для вашего усмирения!

– Требуем нормального питания!

– Оноприенко! Они ещё требуют. Пускай собак!

Конвоиры пустили собак, и сами пошли с винтовками.

Рычание собак, крики раненых. Конвоиры били людей прикладами. В этом избиении было убито несколько человек.

Конвоиры с собаками ушли.

Ночью арестовали несколько человек, в том числе меньшевика и Виктора. Привели в кабинет начальника. Фельдшер перевязал раненых. Начальник спросил Виктора:

– Кто приказал поднять бунт? Меншевик? Отвечай, сволочь?

– Я сам себе приказал, сволочь.

– Как посмел? Я шашкой рубил врагов революции, а ты на горшок ходил! Отвечай, мерзавец!

– Паек увеличьте, мерзавец.

Избили Виктора и уволокли в карцер. Он был оборудован в скале. Стены каменные. С них стекала вода, и каменный пол был покрыт водой. Отопления и света не было. Да и откуда он мог взяться? В бараках, у потолка была подвешена одна керосиновая лампа.

Трех меньшевиков увезли на центральную базу. Прошел слух – расстреляли. Виктора и несколько эков посадили в карцер на десять суток. Кусок хлеба один раз в сутки, и чашка жидкой баланды. Через десять суток они выползли. Ноги одеревенели. Их увезли в лазарет. Там продержали их три дня, и отправили на работу. Виктор попал строить карбаса. Свежий воздух, близость реки укрепили Виктора. Порой жители села приносили поесть. Стало немного лучше жить.

Бригадир и мастер всё время подгоняли. Люди работали от зари до зари. Двое пытались бежать. Решили переплыть Лену. Их пристрелили. Выловили и закопали за лагерем. В 1964 году я ездил на то место, где было кладбище заключенных. От него нет следа. На этом месте люди выращивали картошку. Хороший

урожай бывает на месте кладбища. В конце тридцатых годов лагерь перевели в другое место. Потом, в девяностые годы, люди вырубали лес. Там я был в 1999 году. Там раскинулся дачный поселок.

Через два года Виктора перевели на строительство шоссейной дороги от Илимска до Лены. Попал в бригаду Климова. Я уже писал о нем. Стал работать на пару с Иваном Никифоровым. Я тоже о нем писал.

Бригаде достался сложный участок. Надо было расширить дорогу в сторону скальной горы. Ломали камни кувалдами, железными клиньями. Все работы велись вручную. Шли осенние дожди 1928 года. Приходилось бригадой выгаскивать машины из колдобин. Подводы с грузами проходили нормально.

Когда пошел снег, и ударили первые морозы, с транспортом стало легче. Поубавилось и гулящих. Особенно ранней весной, когда ещё Лена не тронулась, гулящие люди ехали среди грузов на машинах, шли за обозами. Гулящие люди были всегда. Что это за люди? Современники должны знать, потому что у кого-нибудь предок был гулящим. Это обыкновенные бродяги, ищущие лучшей доли, бегущие от всех властей. Я хорошо знаю этот народ. В конце тридцатых годов мой отец был бродягой, гулящим. За подводами и наша семья двигалась на север. Мы были гулящими.

Оборванные, измученные долгой дорогой, гулящие шли за каждой подводой.

– Каторжанам хоть баланду дают, а нам подзатыльники, - отозвался кто-то из гулящих. – Комиссары всё отобрали. К свободе идем. На север. Подальше от советов. Там воля!

Караван подвод с грузами и гулящими прошел мимо Виктора. Как бы ему хотелось уйти с ними. Голодные они, но вольные. Он с ненавистью отбросил кайлу. Подошел бригадир.

– Стукачи доложат. Надо, Виктор, терпеть, чтобы выжить. Попробую тебя защитить.

Всё-таки, кто-то наступал на Виктора. Вызвали к начальнику лагеря. Там был следователь.

– Меншевики подговорили? Отвечай.

– Никто. Я сам вижу, что вокруг творится.

– Это буржуазный взгляд на ситуацию в стране.
– Причем тут народ? – ответил Виктор. – Вы во всем виноваты.
– Подпиши, что тебя подговорили меньшевики, – потребовал следователь.
– Я сам себе меньшевик. Я так думаю.
Били палками. И снова его определили в карцер. Потом ему добавили ещё десять лет.
В 1935 году освободился, а через год снова в лагерь. В 1942 году попал в штрафбат. Был ранен в бою. В 1950 году снова арестовали. Даже сам не знал, за что. В 1956 году его освободили. Он остался на Коршунихе навсегда. Работал в моей бригаде. Ушел из жизни в 1982 году. Его сын Иван Никифоров был моим другом и членом литературного клуба. Некоторое время работал корреспондентом в нашей районной газете «Маяк коммунизма».

Раскулаченные

1929 год. Семью Тимофеевых пришли раскулачивать. Добротный дом в деревне Болотниковой под Ярославлем, четыре коровы, три коня, и другие домашние животные. Хорошо жили. Всё это создавалось великим трудом предков. Обидно. В комиссию по раскулачиванию записывались самые отменные лодыри. Отец взялся за вилы. Его арестовали. Сын Игнат выстрелил по коммунарам и ранил одного. Пришлось бежать. Ночью пришел.

Хозяйство разграбили. Ждали предписание – куда выслать. Игната грозились убить. Собрала мать еду на дорогу. И этой же ночью бежал. Добрался до железной дороги. Поезд шел на восток. Пятнадцать суток ехал до Иркутска. Здесь его голодного, оборванного, грязного безбилетника захватила милиция. За бродяжничество его приписали в трудовую команду бродяг. Загнали их в баржу. Доставили к глухому берегу. Здесь они пилили лес на дрова для пароходов. Гоняли их в деревню чистить навоз и отвозить на поля. Бежал. Добрался до поселка Усть-Кут на реке Лена. Здесь пристал к раскулаченным. Тогда уже были такие люди на всем севере сосланные из западных областей страны. Добрались

до Якутии. Поселился в городе Олекминск на реке Лена. Работал конюхом на пригородном хозяйстве. Раскулаченные быстро стали осваиваться, строить дома. И тут их никто не раскулачивал. В северной части России не очень увлекались. Игнат больше не захотел заниматься хозяйством. Он потерял веру в советы. Устроился матросом на пароход. Ходил до Якутска. Побывал на море Лаптевых.

Как-то на пароходе прибыл в поселок Усть-Кут. Здесь он встретил земляка. Тоже он был из раскулаченных крестьян. Он работал сплавщиком леса. Рассказал, что семью Тимофеевых сослали в Казахстан.

Устроился Игнат сплавщиком. В верховьях Лены из бревен собирали плоты. Сплавляли их до Усть-Кута. Из них строили карбаса.

Осенью он перебрался в Усть-Кут. Устроился в Дальдорстрой на строительство Ангаро-Ленского тракта.

Создали сборную бригаду. В неё вошли ссыльные, раскулаченные, бродяги, беглецы от советской власти. Многие не знают, что такие люди на севере были. Например, мой отец таким беглецом был. Я всякого народа навидался. Поэтому писать о них мне легче, но больно, и обидно, что до сих пор некоторые товарищи запрещают мне об этом писать. Нельзя, мол, ворошить прошлое. Это ещё одна у них любимая фраза. И она меня настораживает. Отчего бы это?

Бригадиром назначили бывшего кулака из-под Нижнего Новгорода Коновалова. Крепкий мужик с окладистой бородой, и с ухватистыми, длинными руками. Работал он на самых тяжелых работах. И других заставлял трудиться хорошо. Он говорил:

– Здесь мы все равны. Можем хорошо заработать. Все мы здесь раскулаченные. И должны доказать, что мы и без глупых советов можем отменно и сытно жить.

Все старались. Коновалов установил восьмичасовой рабочий день. Зарботки были хорошие. Свой повара. Была общая касса. И она постоянно пополнялась. Свой бухгалтер подсчитывал, что и куда тратить средства. В выходные дни ездили на своих лошадях в Усть-Кутский клуб. Все были прилично одетые. Широкие, плисовые шаровары, хромовые сапоги, косоворотки из красного

атласа, широкие кушаки с бахромой, шляпы, кубанки. Впереди всех ехал бригадир. Все его звали батей. Между собой называли его батька Махно. Селяне говорили:

– Махновцы едут.

Все завидовали этой бригаде. Высокий процент в работе, хорошие заработки, дисциплина. Всё общее, даже одежду покупали сообща. Мечтали построить дома в одном месте. Уже и невест приглядели. Работали и жили дружно. Многие даже пить бросили. Как-то Игнат сказал бригадиру:

– Батька, в деревнях и в других бригадах, на зоне, завидуют нам. В зависти кроется пакость.

– Не бойсь, Игнат, – ответил Коновалов. – Мы и здесь докажем коммунякам, что они совершили ошибку насчет раскулачивания в стране. Вот вам, мол, и раскулаченные. Мы трудом, трудом! За нами пойдут другие бригады, участки. И пойдет, пойдет!

Сообща, построили дом, поселили в него одного бывшего бродягу. Он женился на местной девушке из деревни. Помогли приобрести животных.

В один из дней, когда все были на работе, загорелся построенный дом и стайки. Затушить не смогли. Это был явный поджог.

– Подлецы! – кричал Коновалов. – Что за народ?! Мы своим примером показываем, что так жить, как они – нельзя! Мы всем даем пример! А коммуняки будут довольны!

Так оно и вышло. Начались комиссии, придирки по технике безопасности, отчеты высокому начальству, кучи справок. Наконец, Коновалова вызвали в спецотдел. Там было несколько человек. Долго разглядывали возмутителя спокойствия. Главный чекист спросил:

– Умнее решил себя показать? Вас же раскулачили. Выслали сюда на нашу голову. И не надо бы выделяться. Свою вольную республику захотели создать? Махновщины у нас не будет. Вы даете ложный пример. Вами все недовольные.

– Лодыри недовольные, – ответил Коновалов. – Поощряете лодырей и поджигателей?

– Не умничайте. Вы обособились от народа. Вот он и пошел против вас. В нашей стране нельзя обособляться. Сейчас в нашей

стране создаются коллективные хозяйства. Ими руководит партия. У вас есть партийная ячейка? Коммунисты есть?

– Таковых нет. Нам и без них хорошо.

– Значит, вы против партии? Хорошо. Против партии. Против народа. Против коллективных хозяйств. Махновщину развели. Мы знаем. Вас прозвали батька Махно. Не стыдно? С кого взяли пример?

– Махно хотел мира. Такие люди, как вы, помешали ему построить свободную республику, – ответил Коновалов.

– Значит, тоже захотели построить республику?

– У нас была свободная община. И она себя оправдала. Маленькая коммуна.

Главный чекист в черной куртке стукнул по столу.

– В нашей стране нельзя строить общины! Мы – единая страна! И не позволим махновщины. Арестовать негодяя! Свободы он захотел! Я тебе покажу свободу! Мало вас стреляли! Конвой! Увести с глаз моих!

Коновалова арестовали. Бригада распалась. Приходил мастер. Уговаривал не бунтовать.

Что произошло дальше? Пришли конвоиры и стали избивать тех, кто поднял голос за Коновалова. Побоище длилось около часа. Самых непослушных увезли на суд. Других разогнали по бригадам. Игната осудили на пять лет, и отправили в лагерь строить дорогу.

Бригады на зоне были большие. Игнат попал в бригаду из ста пятидесяти человек. Игнат катал тачку с камнем. Ловко с ней справился. Это заметили многие.

– В своей общине многому научился, – сказал один. Слух о бригаде Коновалова разнесся по всем лагерям. – И здесь решил возродить общину? Не получится. Не дадут. Надсадишься. Утихомирись.

– Не поняли смысл нашей идеи, – ответил Игнат. – Мы хотели быть свободными.

– Анилигентом заделался? – сказал другой. – У нас их не любят. Будь как все. И всё будет нормально.

– Что вы к нему прилипли, – подошел крепкий мужик. – Все мы трусы. Мы подобны куклам. И нами играют. Они не пожелали

быть куклами. Такая уж наша страна. Молодцы они. Доказали и трудом показали, что и так можно жить. Жаль. Не дали жизни сволочи.

Все разошлись. Игнат продолжал возить тачку. Как-то к нему подошел тот человек и очень тихо сказал:

– Кругом стукачи. Коновалову присудили расстрел. У нас не любят выделяться без разрешения партии. Если меня хорошо прижмут, я на тебя настучу. Ты извини. Приучили нас на всех стучать.

– Я вот не стучу.

– Поэтому таких людей судят и расстреливают. Потише будь.

Потом Игнат работал в карьере. Долбил камни. Тяжелая работа. От зари до зари работал.

Как-то Игнат не выдержал, и рассказал, что в общине они работали по восемь часов, и всегда перевыполняли план. Вдохновенно рассказывал. Кто-то опять настучал на Игната, и его привели в кабинет. Там его избili. Добавили ещё пять лет. Как-то к нему подошел тот мужичок.

– Ты извини. Я на тебя настучал. Знали, что я с тобой икшаюсь, ну и раз ударили. Я и не выдержал. Ты извини. Мы все такие. А вы особенные. Ну, зачем ты такой? Потом из-за таких людей, честные люди страдают.

В 1942 году из лагеря попал в штрафбат. Был ранен. Имеет награды. Войну закончил в Берлине.

За резкие выступления снова попал на зону. Освободили в 1956 году. Остался на Илимской земле. Работал плотником. Куда-то уехал.

Все мы рабы

1930 год. Вот уже, какой день стояли жуткие морозы. Даже вокруг барака стреляла земля, трещали деревья. В бараке была одна железная печь. Она постоянно была красной. Вокруг её, прижавшись, друг к другу, сидели люди. Тепло не доходило до углов барака. На стенах образовался серый куржак. В углах спина к спине лежали доходяги и старые. Они не могли пробиться к печке. Над головами веревка, на ней портянки, носки. От них

шел удушливый запах. Если кто разогрелся, то начинал чесаться. От разогрева начинали действовать вши. Бельё «варят» в котлах, ведут дезинфекцию. Ничего не помогало. Вши непобедимы. Они будто из тела возникают. Особенно они донимали дохляк. Недавно умер сосед по нарам. Тимофей Бердников видел, как вши вылазили на одежду. Страшно было смотреть, как они копошились в поисках жертвы. Умершего, осторожно, чтобы не стряхнуть вшей, вынесли за барак. Там их был штабель. Весной похоронят за отвалом дороги. А сколько таких могилек вдоль Ангаро-Ленского тракта. Каждый раз, когда я собираю грибы и вижу бугорки, то я думаю, что это одна из братских могил. И всегда читаю молитву и крещусь. В трех местах я поставил кресты. Родные так и не узнали, где похоронен один из рабов сталинского концлагеря.

Тимофей Бердников пробился к печке. Приятное тепло недолго тешило тело. Начали кусаться вши.

Тимофей работал в моей бригаде плотником. В 1962 году я разговаривал с ним у Лидии Ивановны Тамм. Он сказал:

– Вши даже голод заглушали. Куда там голод. Борьба с ними, вот главное. Есть процесс сна. Это когда после начинаешь замерзать. В этот момент и засыпаешь. А летом полный ужас. Комары, мошка заедают до корост, а тут ещё вши.

Тимофей Бердников из семьи раскулаченных. Отца расстреляли. Они со старшим братом взяли за оружие. Ушли в лес. Вскоре их окружили. Брат умер от ран, а Тимофея связали, избивали и отправили в районный центр. Состоялся суд. На десять лет осудили. И было тогда Тимофею всего семнадцать лет. Попал Тимофей на строительство автодороги от Илимска до Лены.

Сунули ему тачку, а справиться с ней не смог. Вместе с ней упал под откос. Конвоир наставил на него винтовку со штыком.

– Бежать захотел? Чичас уложу здесь.

– Сил нет от баланды, – ответил он.

Пришел бригадир и накричал на парня. В доходяги ему было рано. Кто доходяги? Это те люди, что потеряли силы совершенно. Из них выжимали последнее. Они или умирали от холода зимой или их забивали до смерти конвоиры. В основном, это были интеллигенты: учителя, ученые, библиотекари. В общем, все те,

кто не ведал физического труда. Выживали в основном, крестьяне, рабочие, гулящие. Тимофей был деревенским. Просто он ещё не окреп. Бригадир это понял. Он взял парня за шиворот и повел к лесорубам сучки рубить. Поставил его к Путиловскому рабочему. Засмеялся.

– Сделай из него настоящего и крепкого раба!

Рабочий Николаев сказал Тимофею:

– Пойми, парень, мы все здесь рабы. Каждый человек в нашей стране – потенциальный раб.

– Опять за своё! – возмутился бригадир. – Зря я сунул парня к тебе. Узнают, и поведут с парнем куда надо. Стукачей много.

– Хуже этого ничего нет, – ответил Николаев.

– На Колыму отправят. Там хуже будет. Я там два года на охране стоял. Вот где ад.

– Я там тоже два года золото мыл. Тебе-то чего переживать? – спросил Николаев. – Ты там вертухаем служил. Одет, обут, сыт. Чего сюда в бригадиры попал?

– Мало вашего брата побил, – ответил бригадир и ушел.

– Вот таких людей миллионы, – сказал Николаев. – И с ними большевики решили коммунизм построить. Да и раб не может попасть в коммунизм. Вот, парень, и думай, в какой стране мы живем.

Тимофей рассказал о своей судьбе.

– Зря они крепкого мужика разоряют, – ответил Николай. – Россию под корень рубят. Они же сами и есть враги народа. Россия всегда стояла на крепких хозяйствах. И, вдруг, кулак – мироед. Я – рабочий. Жил крепко. Зарабатывал хорошо. Понимал зажиточного мужика. Послали нас в одну деревню хлеб изымать. Указали, у кого взять. Смотрю – добротный дом, скотина во дворе, птица разная. Стоит передо мной мужик. Руки мозолистые – труженик. Я отказался грабить мужика. В городе меня не допустили до работы. Скрутили меня, как нарушителя каких-то там директив. Со мной к этому мужику пришли двое – отменные лодыри. Я всё это сказал на суде. Кого, мол, грабите? Вот я и здесь.

За лето Тимофей вытянулся, окреп, возмужал. Вот только комары и мошка совершенно заели.

– Мы, как мошка, – сказал Тимофей, – тоже постоянно есть хочется. Я комаров и мошку понимаю.

– Если большевики так будут делать с народом, поверь мне, пупок развяжется, – сказал Николаев. – Мы делали революцию не для этого.

Они рубили сучки и разговаривали. Это заглушало голод. И время проходило быстрее. Когда поспела ягода, хватали её горстями. Грибы насаживали на прут и поджаривали на костре. Долго засиживаться у костра не давали.

Пришли холода. Исчезла мошка. Спали спина к спине. На одних нарах лежало несколько человек. «Господи, – думал Тимофей. – Столько лет такой жизни. Выдержу ли?» За что? Где справедливость? Кто виноват в том, что он здесь? Он решил написать письмо Сталину.

На другой день он поговорил с Николаевым. Он печально засмеялся и ответил:

– Ты что?! Всё завязано! Писал я Сталину, мол, революцию я делал, в гражданскую воевал с белыми. И что? Ответ был. Вызвали на суд, и чтобы не жаловался – пять лет добавили. Всё это он знает. Так решили в Кремле.

– Дядя Коля, это страшно. Что они делают с народом?

– В страхе всех держать.

По пояс в снегу они пилили деревья двуручной пилой. Какие деревья меньше, рубили топорами.

Один заключенный двигался медленно, иногда падал. Ослаб совсем. А тут пошел на охранника с топором.

– Воли хочу, – прохрипел он. – Замучили, сволочи.

Расстреляли мужичка. В морозы жалели собак. Могли обморозить лапки. Человека не жалко. Он – раб. Его надо ненавидеть. Так говорили офицеры конвоирам.

Был случай. Один конвоир проявил сожаление. Разрешил людям дольше погреться у костра. И что? Больше его никто не видел. Поговаривали, что его отправили в строительную роту. Там трудились военные преступники. Были такие роты всегда. Потом они стали называться – штрафные роты.

Дядя Коля и Тимофей поддерживали друг друга. Так они договорились.

Чуть потеплело. Гнали строить дорогу. Ломал камни. Их зимой легче всего ломать. Залил водой трещину, и лед разрывал камни. На деревянных санках свозили их в кучу. Оттаёт земля, можно будет и развезить вдоль дороги.

За зиму умерло в бригаде около двадцати человек. Их раздевали, вшей выпаривали, а одежду и обувь распределяли живые. Уголовники играли в самодельные карты на такую одежду. Карты на зоне запрещены. Их отбирали. Многие придумали играть в шашки. Играли на деньги, на паек, на одежду. В конце тридцатых годов будут играть на вновь прибывших политиков. Отбирали у них одежду, и даже нижнее бельё. Жизнь политика на зоне ничего не стоила.

Пришла весна. Стали прибывать на зону раскулаченные. В эти годы их было много в лагерях.

Тимофей воевал. Был ранен. После войны трудился на шахте под городом Сталинск Кемеровской области. За антипартийные выступления был сослан в Красноярский край на три года. В 1955 году был переведен на строительство Коршуновского комбината. Сначала работал в геологической партии, а когда началось строительство города, перешел работать плотником. Остался навсегда. Он работал в бригаде Николая Торкунова. Там я и узнал сложную историю моего нового товарища Тимофея Бердникова. Потом он трудился шофером.

Мост

1931 год. В стране образовались коллективные хозяйства. В Сибирь отправлялись эшелоны ссыльных, раскулаченных. К ним примкнули беженцы. На Украине, в южной части России, стояла жара. Всё выгорело. Нечем было кормить народ. Многие, чтобы не умереть от голода, бросали свои дома, и бежали за Урал. Люди слышаны, что в Сибири отменные урожаи. В эти годы вымирали целые деревни. В более зажиточных областях хозяйничали комиссии по изъятию излишков хлеба и животных.

Семья Ведерниковых имела двух коров, лошадь и другую живность. Зерно люди оставили на весну и на то, чтобы про-

жить до нового урожая. И это зерно спрятали от комиссий на огороде.

Яшка по кличке Кривой стал комиссаром. Он был дотошный. Приехал на повозках с тремя вооруженными людьми.

– Открывай ворота, хозяин! Излишки давай!

Яшка на селе был первый лодырь. А тут кожаную куртку одел, наган нацепил и заделался чекистом. И три его прихлебая тоже отменные на селе лодыри. А теперь вот – уполномоченный от советской власти.

Нашел Яшка зерно. И стали они мешки на подводу таскать. Жена в слезы.

– На кой ляд мне нужна ваша советская власть! Она на зиму детей голодными оставила. Плевали мы на вашу подлую власть!

– Мы при царе лучше жили, – говорил Ведерников. – И тебя, Яшка, калачом кормили лодыря. И сейчас не хочешь работать!

– Вы все против советской власти! – кричал Яшка. – Не поняли линию партии! Мы ведем борьбу с врагами крестьянства! Мироед! Контра!

Вместе с зерном увели скот и прихватили хозяина. В общем, разорили семью Ведерниковых. Отца отправили куда-то на север. Так Сергей больше отца не увидел. Семью Ведерниковых довезли на станцию районного центра. Там уже было несколько семей.

Везли их в телячьих дырявых вагонах. Мать дорогой простыла и умерла. Умер и пятилетний сын. Двух сестер и меньшего брата определили в детский дом. Восемнадцатилетний Сергей отправился бродяжничать. Как тунеядца отправили в трудовой лагерь.

В 1963 году я встретился с ним у нашего руководителя местного радио Лидии Ивановны Тамм. Богу известно, как она находила людей со сложными судьбами. В эти годы он работал бульдозеристом в УМ-6. Она говорила:

– Юра, собирай историю таких вот героев в стол. Они настоящие герои, если сумели пройти мельницу концлагерей. Придет время, и ты обязательно напиши о них.

И вот это время пришло. Долго я ждал этого момента. О тех временах уже никто не расскажет и не напишет.

– Попался я, всё-таки, – улыбнулся Сергей Иванович, – Даже воровал. Поймали. Был на лесоповале под Качугом. Потом отпустили строить дорогу. Прошел все муки.

Сергея направили с группой заключенных под Илимск. К дороге подходила дремучая тайга. Иногда, по дороге проходили машины, а в другой раз вереницей шли груженые подводы. Задача заключенных – убрать деревья по десять метров с каждой стороны дороги. В эти годы автотранспорт всё больше вытеснял конский транспорт. Лошадей брали туда, где не могла пройти машина. Вывозили деревья, камни. На лошадях ездили конвоиры и офицеры лагеря. С лошадьми занимался цыган. Он здесь с 1926 года. Освободился из лагеря и отбывал ссылку. Построил маленький домик, рядом оборудовал кузницу. Из Шестаково к нему пришла молодуха. У них было два сына.

Сергей и группа заключенных работали в низине. Здесь протекал ручей. Весной и в дождь он превращался в бурный поток. Они строили из лиственницы мост. Приходилось работать по пояс в воде. Машины в этом месте буксовали. Мошка тучами вилась над спинами людей. Они общими усилиями вытаскивали машины из грязи. Если рядом были лошади, то и они помогали. Ноги под вечер сводило судорогой. Конвоиры, бригадир и мастер палками подгоняли людей. Мост надо было построить за август. Потом начнутся дожди, и тогда каждую машину придется вытаскивать на сухое место.

Как-то пришли на работу, а в грязи стояла машина. Засела ещё вечером. Шофера, а их было двое, ругали заключенных, что так долго строят мост. Один заключенный сказал:

– Тебя бы посадить на нашу баланду. От сумы и тюрьмы не зарекайся. Ты на машине. Если мы твой груз растащим? Помолчи.

Шофера замолчали. Заключенные вытащили машину.

Надо было долбить камни. Здесь ледяная вода была по пояс. Камни плохо поддавались кувалде и ломику. Работа продвигалась медленно. Даже приехал начальник участка Дальдорстрой.

Он бы в военной форме. Прибыл и начальник лагеря. Он был высокого роста, с животом, похожим на пивную бочку.

– Вот куда уходят лишние продукты, – проворчал бывший председатель колхоза Белов. Он отказался отдавать лишнее зерно. Судили и приговорили к десяти годам концлагерей.

Заключенные засмеялись. От начальника вкусно пахло котлетами, водкой и духами.

– Вот, видите, народ веселится. Весело живет народ, – сказал начальник лагеря и сыто отрыгнулся. – Пусть этот мост будет показывать путь в светлое будущее.

– Гражданин начальник, в никуда он нас всех скопом ведет в никуда, – ответил председатель колхоза Белов.

– Кто таков? Почему перебивает? А мне говорили, что все послушные.

– Выродки и среди послушных есть, – ответил начальник участка.

– Значит, не поняли линию партии. Надо им прочесть лекцию. Тише станут. Лекцию читать!

Все знали, что чтение лекции самое сильное наказание. Начальник лагеря ввел такое наказание. Бригаду выводили под дождь или в мороз. А то и в жару на съедение комарам и мошки. Перед заключенными лектор сидел на стуле, а люди стояли. Лектор читал лекцию час-другой. Некоторые люди падали в обморок. Их поднимали и заставляли слушать. Были и смертельные случаи. Зэка убирали, а лекцию продолжали читать.

На другой день приехал «лектор». Бригаду выстроили. Люди стали возмущаться.

– Председатель выступил, и пусть отвечает! Мы с какого боку? Нас ведь мошка заест!

– Внимание, граждане заключенные, сейчас я вам прочту лекцию о социализме.

– Плевал я на твою лекцию! – кто-то крикнул из эков. Конвоиры окружили бригаду. «Лектор» нежно улынулся.

– Сейчас вы прослушаете лекцию. Я тебя увидел. Ты плевал на наш социализм. Другой лектор тебе отдельно будет читать лекцию, чтобы не было повадно перебивать мою лекцию.

Лекция началась.

– Когда Ленин находился в шалаше, то товарищ Сталин посещал его, и они вместе готовили план революции.

– Лучше бы он там навсегда остался! – крикнули в толпе.

«Лектор» стал кашлять, а потом начал кричать:

– Кто это сказал? Буду читать лекцию до утра. У меня хватит силы! Выходи!

Вытолкнули маленького человечка. Вылез из грязи и крикнул:

– Великий Боже, обрати внимание на этого изверга! Накажи тех, кто творит подобное! Аминь.

– Ты кто таков? – спросил «Лектор».

– Духовное лицо. Дьякон я. У меня на селе Макарьево на Ангаре был приход. Разорили антихристы. Все изолгались. Господин лектор, окститесь! Зачем мучить народ? Я – виноват. Меня и судите.

– Героем захотел быть? Оноприенко, ты много лет мастер по экзекуциям. Всыпь попу двадцать палок. Пока его наказывают, то я буду читать лекцию.

Дьякона подхватили под руки, вытащили на сухое место, уложили на бревно, привязали веревками. Выступил бывший председатель.

– Товарищ горе-лектор, прекратите поясничать! Это я крикнул. Вы же офицер. Нет такого права бить человека! Не стыдно?

– Оноприенко! – крикнул «Лектор». – Этого уведи в кабинет. Там я ему лекцию прочитаю, а потом на суд отправим.

На двенадцатом ударе дьякон умер. Конвоиры зацепили его за ноги и утащили за отвал. Там и закопали. Конечно, запишут, что был убит при попытке к бегству. Председателя увезли, и больше его никто не видел. Прошел слух, что его расстреляли.

Мост построили. За это время Сергей Ведерников описал в письме к Сталину все зверства в лагере.

Через месяц Ведерникова вызвали в кабинет. Там был Оноприенко.

Месяц Сергей провалялся в лазарете. Написали в журнале, что Ведерников упал под упавшее дерево по неосторожности.

В будущем дорогу проведут левее. Бревна от того моста ещё не сгнили. По ним люди переходят через речку за черникой. И я через него ходил. Долго он ещё послужит людям.

Ссылные

1932 год. Из-за разоренных деревень центральной России и Поволжья и из-за страшного голода, люди бежали за Урал, в Сибирь. И Сибирь всех принимала. Народ здесь жил сердобольный к беженцам. Их предки были ссылные, каторжане, беглые крестьяне, гулящие. Передалось детям – помогать беглым и переселенцам. Мой дед коренной сибиряк рассказывал, как женщины специально пекли калачи для едущих переселенцев в телячьих вагонах. Помнил это и Илья Афонин. На станции Черемхово старушка передала ему калач, яйца, картошку.

– Ешь, сынок. Ты совсем дошел. Сил набирайся. На тебе и лапти износились. Я бы тебе ичиги принесла дедовы, царствие ему небесное, да вчерась ондала такому же парню.

Продуктами Илья поделился с ребятишками. Дорогой познакомился с многодетной семьей. Их высадили на станции Черемхово.

Часть попали в местные колхозы. Илью и несколько парней отняли от семей. Конвоиры отгоняли женщин от парней. Посадили их в крытые машины и повезли к реке Ангара, в село Макарьево. Там загнали на баржу, и пароход отправился по реке. На второй день их высадили у деревни и погнали в тайгу. На третий день их остановили на большой поляне недалеко от концлагеря. Пришел человек в военной форме.

– Граждане, ссылные, здесь вам нужно построить барак. Будете расширять автодорогу от Ангары до Илимска. Почетное дело вам доверили. И заработки будут. Кто начнет мудрить – в бараний рог согнем.

Спали под открытым небом. Валили лес вдоль дороги и начали из него строить барак. Вырыли в горе землянки, стены забрали бревешками, пол тоже из бревен. Ссылных было сорок человек. Построили четыре землянки. Посредине железная печурка.

За продуктами на лошадях с двумя телегами ездили в Илимск за мукой, крупами, растительным маслом, кусковым сахаром, солью. Жители знали, что кто поселился от них недалеко, и помогали, чем могут. Особенно требовалась обувь. Дарили ичиги. Порой из близких колхозов привозили муку, хотя сами жили бедненько. Замучили налогами. Не забывали и о ссыльных. Они тоже старались помочь колхозникам. Привозили готовые бревна, помогали косить траву, убирали урожай, молотили зерно. Некоторые ссыльные даже невест присмотрели. Ссыльные были добрыми тружениками. Конечно, попадались среди них и лодыри, а вот болтуны были отменные. В основном, это были бывшие партийные и советские работники, бытовые уголовники, закоренелые тунеядцы.

В землянке, где жил Илья Фонин, было десять человек, двое из них лодыри. Один из них возмущался. Он был до ссылки секретарем на селе. Дом добротный себе отстроил. Крестьяне на него работали. Со склада они таскали ему муку, мясо. Отбыв срок за кражу, отправили в ссылку. Другой парень, чистый тунеядец. Два года ему надо отбыть за трудовую повинность.

Пять утра. Восемь человек встали, сбегали на ручей, искупались. Двое спят. Пришел бригадир Григорьев. Отменный трудяга. Раскулаченный. Семья поселилась в селе Шестаково.

– Не стыдно вам, – сказал Григорьев. – На хлеб не хватит вам.

– Мы требуем равноправия, – ответил бывший секретарь. – Мы строим коммунизм. Восемь часов рабочий день. Всё поровну. И надо заниматься умственным трудом. Я могу быть вашим секретарем.

– Мы здесь все беспартийные. Не дай Бог, чтобы нами командовали большевики. Они страну разграбили. До нищеты народ довели.

– Федя свидетель. За такие слова, бригадир, ты заплатишься.

– Да. Я хороший свидетель, – поднялся с нар тунеядец Федя. – Например, я до нищеты дошел. Да, как закричит: – Грабят! Никакой жизни нет! До нищеты народ довели!

– Цыц, сука, – прошипел секретарь. – Ты на кого руку поднял? Всё перепутал.

– Бес вас знает, кто из вас кого довел до нищеты. Дайче так бы и сказал, каво прижать. Каво? Большевиков прижать, или каво? Запутаешься с вами.

Бригадир плюнул и вышел из землянки. Этих ничем не проймешь.

Работали по десять часов на дороге. В свободное время строили землянки и барак. На всей дороге, как шоссе, так и железной, можно увидеть следы бывших лагерей. Не осталось следа и от Коршуновского лагеря. Там сейчас стоят дома десятого квартала и церковь. На Соловках, на Колыме стоят памятники погибшим заключенным. Почему нельзя поставить обелиск в нашем краю в память о тех страшных временах. Это была бы заслуженная память тем, кто строил эти дороги.

Бригада ссыльных кирками, ломиками и лопатами «вгрызались» в гору. Время подгоняло. Надо было к зиме закончить со скалой и построить барак.

Бригадир Григорьев вызвали в кабинет следователя. Зайдя на территорию лагеря, бригадир мог отсюда не выйти. За красным столом сидело трое.

– Свободный, говоришь? – спросил офицер. Двое в гражданской одежде. – Анархия это. Свободы он захотел. Страну, значит, большевики разграбили? Ловко. Большевики продолжают пакостить. Значит, ты за них.

– Я ни за кого. Все одинаковые. Некоторые к власти рвутся, а народ от этой возни страдает.

– Ты в бригаде так говоришь? – вкрадчиво спросил один из следователей. – Облегчите душу. Признайтесь.

– Я сам так думаю. У нас ведь нельзя говорить не так, как требует власть. У меня было хозяйство. Всё отобрали ваши комиссары. Кулак оказался. Крестьянина разоряете. И вы хорошие? За что вас хвалить?

– Хватит! – стукнул по столу военный. – В лагерь захотел? Там тебе место, кулацкая сволочь! Ещё и бригадиром его поставили. Всех кулаков на зону! А их ещё в колхозы принимают на Илимской земле. На зону всех!

– Они самые лучшие труженики, – ответил бригадир.

– Для виду трудятся. А сами готовы навредить. Нельзя им доверять колхозное добро! Нельзя!

Григорьева осудили на пять лет, и оставили в лагере. Все знали, что если ссыльного вызывают в кабинет, который находился рядом с зоной, плохая примета.

Утром пришел мастер. Привел расконвоированного мужика. До этого тайно сообщили, что пришлют стукача.

– Если нет Григорьева, бригадира мы сами выберем! – крикнул Илья Афонин. – Справедливого нам надо!

– Можете все на зону угодить, – ответил мастер.

– В нашей стране всё возможно, – ответил пожилой мужчина. Он был секретарем райкома партии под Новосибирском. Отказался выселять кулаков. Даже поощрял тех, кто заводил хозяйство. Ездил по колхозам и агитировал за крепкие хозяйства. Он не выдержал линию партии, а, значит, враг народа. Арест. Срок десять лет. Были и такие секретари. Их было мало. И то всех пересажали. А с 1937 года расстреливали. И что это была за страна такая? И сейчас есть бывшие, и они, вздохнув твердя, что мы жили хорошо. Я с детства хватил лиха. Всё испытал.

– За Григорьевым захотели? – спросил мастер.

– Я наведу порядок, – ответил стукач.

Секретарь Севастьянов сел на бревно. Рядом с ним сел Илья Афонин. Бригада расселась на бревнах. Афонин крикнул:

– Желаем в бригадиры Григорьева или Севастьянова.

Мастер со стукачом ушли.

– Если мы всей бригадой сообщаем, то мы победим, – сказал Илья.

Прибыло начальство. Уговаривали. Григорьевым занялся секретный отдел. Тут лагерь бессилен. В общем, назначили бригадиром Севастьянова.

Работали по десять часов. Заключение по четырнадцать часов. К октябрю 1932 года с откосом скалы справились. Участок дороги сделали. Закончили и барак. Из Илимска привезли кирпич. Колхозники выделили строительный материал. Большую помощь оказывал председатель колхоза Перетолчин. Помогли сложить две печки. Затопили печь, и тепло разлилось по обще-

житию. Сварили картошку с мясом. Колхозники привезли овощи.

Все сели за большой стол, и подняли первый тост за новоселье. Был здесь и Перетолчин. Он обещал помочь построить свинарник и дать поросят на развод.

Илья Афонин воевал. Дошел до Берлина. В 1950 году был арестован по 58 статье за то, что критиковал начальство. Откуда, мол, столько врагов народа? Может, высшее начальство, сами враги? Отправили строить железную дорогу от Тайшета до Лены. В 1956 году освободили. Остался в Коршунихе. На родине его никто не ждал.

С его сыном я работал в экскаваторном участке. Афонин работал на участке механиком.

Судьба Прошки Комарова

1933 год. Родители Прошки Комарова были партийными работниками при орловском обкоме. Их арестовали и увезли неизвестно куда. Детей отправили в детский дом. В четырнадцать лет Прошка сбежал. Бродяжничал. Ловили. Снова убежал из детдома. Постоянно хотел есть. В семнадцать лет он попал в милицию. В станционном буфете украл буханку хлеба. Приписали, что он чуть ли не весь буфет унес. Отправили в тюрьму. Два года провел на зоне. Освободился. Как-то в газете прочитал, что требуются строители в будущий город Сталинск Кемеровской области. И Прошка завербовался на три года. Деньги авансом выдали, сухой паек. За три месяца получил профессию каменщика. Часть денег отчислили на покупку зерна для голодающих районов страны. Текучесть кадров была на стройке огромной. Создавались трудовые лагеря охраняемые красноармейцами. Присылали сюда и заключенных. В советское время писали, что Сталинск и Комсомольск-на-Амуре строили комсомольцы-добровольцы. Это прямая ложь. Эти города начинали строить заключенные. Там и создавались трудовые лагеря. Много было вербованных. Отец мой не отдал своего коня для Красной армии, и его отправили в трудовой лагерь строить Сталинск. Так

что в нашей семье не из книг и газет, знали про всё это. А ведь там тоже были свои герои труда. О них забыли.

Прошка Комаров стал работать в бригаде трудовиков. Так назывались трудовые отряды. Утром им давали работу, отмечали каждого, после трудового дня опять переключка. Опоздание, уход с работы положенного срока, постоянное не выполнение плана – докладная. Суд. Срок. На зону. Люди бежали из трудовых отрядов без документов, лишь бы дальше от кабалы. Без документов ловили и отправляли в трудовые лагеря, на зону. Замкнутый круг. В 1954 году я тоже бежал из Сталинска без документов. Бродяжничал. Поймали и осудили в трудовой лагерь, и отправили на зону.

В Прошкину бригаду назначили бригадиром трудовика. До этого он был учителем. Школа расположена в землянке. Он пошел в партийный комитет, а они там кому-то юбилей отмечали. Он и покритиковал сборище. Сняли его с учительства и отправили в трудовой отряд.

Бригада не выполнила план. Не завезли кирпич и раствор. Весь строительный материал завезли избранной бригаде. Нужна была для показа высокому начальству. У нас всегда так было. Выбирали лучшую бригаду и всё везли для этой бригады. Сам работал строителем и навидался такой несправедливости.

Бригадир и несколько рабочих, в том числе и Комаров, пошли к директору строительства. Там их встретили солдаты с винтовками. Бригаду расформировали по участкам. Учителя и несколько рабочих отдали под суд. Прошку Комарова отправили на север в лагерь под Усть-Кут. Здесь строили автодорогу, вернее расширяли и укрепляли.

Прошка попал в только что созданную бригаду расконвоированного дядю Ваню. Он был из бывших кулаков. Старший конвоир выстроил бригаду, а дядя Ваня до этого всех предупредил:

– Только молчите. Сейчас нарисуетя «Лектор». Замордует.

Кто-то ответил:

– Наслышаны. Самое сильное наказание – читка лекции часами.

Перед бригадой возник упитанный офицер с животом, похожим на пивную бочку. Я уже писал о нем. Он мог читать лекцию в любую погоду часами.

– Я не буду вас долго задерживать. Вы находитесь на передовом рубеже стройки. Скоро будете участвовать в великой стройке железной дороги. И нам никакая вражеская сила не страшна. Мы победим любого врага.

Когда «лектор» ушел, дядя Ваня сказал:

– Фу, устал. Как можно издеваться над человеком?

– Если с таким человеком мы войдем в коммунизм, то пусть меня расстреляют, – сказал рядом стоящий с Прошкой старый. – За что я революцию делал? В коннице Буденного был. Зря всё? Ради всего вот этого?

Бригада укладывала камни. Трамбовали при помощи волокуши. Современники не знают, что это. Огромное деревянное колесо с деревянными шипами. В среднем высота была в человеческий рост и ширина полтора метра. Разные бывали. Я уже писал об этом. Эту волокушу тянули, как правило, две лошадки. Бывали случаи, что тянули и заключенные. Были ещё ручные колотушки. По пояс сутунок из дерева с прибитой поперечной палкой, за которую держались двое. Такой колотушкой утрамбовывали камни в грунт. Под конец смены болели руки, плечи, гудела голова. Через год такой работы у заключенного начиналась вибрационная болезнь. Такого человека ставили на земляные работы. Ещё через год этот человек становился доходягой. И тогда он вскоре умирал, или его забивали до смерти.

Прошка работал с тачкой. Она продолжала быть основным транспортом на зоне. В помощниках была кайла и лопата.

Укладывали камень в болотистое место. Когда проходили дожди, дорогу заливало водой. Дорожный мастер постоянно находился в бригаде. Молчаливый, хмурый дядя. Иногда, он приносил заключенным махорку, газеты, чай, хлеб.

Прошка к концу дня уставал до предела. Падал на нары, не обращая внимания на вшей, мгновенно засыпал.

В бригаде появилось пять уголовников. Вообразили себя блажными. Те совсем не работали. Начальство знало про это. Что, мол, они за порядком в лагере следят. И на работу их не

гоняли. Иногда, в бригадах появляются такие зэки, которые пытались не работать. Сидели у костра и, чифирили. Всё зависит от бригадира. Ему тоже выгодно держать блатного в бригаде. Где они могут заставить работать зэка. Кстати, отпущенный план на бригаду записан в журнале на всех. В общем, их обрабатывали. Никто не мог возразить. Все знали лагерный закон. Никому не хотелось получить заточку в спину. Заключение знали всех блатных в лицо. А тут вдруг появились новые блатные. И это вызвало у всех подозрение.

– Чего это они у костра чифируют? – спросил у бригадира Прошка. – С блатными всё ясно. А эти кто? Четыре дня сидят у костра.

– Два дня я им о совести говорил, – ответил бригадир. – Они мне ответили, что они блатные воры, и им труд противопоказан.

– Я их знаю, – сказал один из заключенных. – Двое из них скатерть в столовой украли. Двух старушек обокрали. Какие же они воры? Эй, крохоборы! А ну, на работу!

– Это кто там гавкает? – ответил один из крохоборов.

К бригадиру дяде Ване встал Прошка и почти вся бригада. Уголовники вытащили заточки.

Люди почувствовали коллективизм. Пошли на крохоборов. Двое из зэков были ранены, но крохоборов смяли, избили, и выкинули за дорогу в грязь. Конвоиры не вмешивались.

– Я от вас отказываюсь, – сказал дядя Ваня. Вечером в барак к зэкам пришел представитель от блатных воров. Он сказал, чтобы они не беспокоились. Хулиганы, он так их назвал, будут наказаны. Через месяц эти крохоборы, а они лежали в лазарете, вышли на работу. Возили тачки, долбили камни и уже больше не возникали. И трудились нормально.

Заканчивался 1933 год. Долбили камни. Поливали их водой, чтобы трескались от мороза. Прохор и несколько зэков сидели у костра. Больше пяти минут сидеть запрещалось. Прохор сказал:

– наших бы руководителей посадить у костра на пять минут. Кто только такое придумал?

Стукачи доложили куда надо. На другой день Прохора вызвали к «Лектору». Он долго молчал. Потом вкрадчиво спросил:

- Каких руководителей с тобой рядышком посадить?
- Кто рукой вшей вылавливает.
- Юморист? Я тебе лекцию подготовил. Труд – дело чести.

Он читал лекцию по книге. Поднимал на Прохора томные глаза и нежно улыбался. Он говорил о революции, о врагах, что мешают нормально жить.

Прохор не смог больше стоять. Упал. «Лектор» сказал:

– Оноприенко, всыпь ему десять палок, чтобы очнулся до конца моей лекции. Вся лекцию испортил, мерзавец.

И это было самое страшное наказание. Страшнее палок и вшей.

В эту зиму он обморозил пальцы на ногах. Был инвалидом. Во время войны работал в шахте в городе Черемхово. В 1953 году был сослан в Илимские края.

Начало начал

1934 год. Ссылным тоже было нелегко. Выход на работу отменялся в журнале. В бригаду назначили двух конвоиров. Они наблюдали за действиями каждого. Отмечали в журнале. Раньше с работы не уйдешь. После работы тоже отмечали. Один из пожилых эков сказал:

– В царское время урядник отметит в журнале, и гуляй. В тридцатые годы стали прижимать ссылных. Нашим правителям не понравился слабый режим. Ещё, ребята, хуже будет. Человека в раба превращают.

Ссылный Алексей Мещеряков слушал старого эка и думал, много таких, как он, невиновных находится в лагерях. Миллионы. Они больше дали бы пользы на свободе. Неужели непонятно правителям. Сажали на несколько лет за колоски, за кусок хлеба, за пачку соли. На одном из собраний он решил защитить одного парня. Он вынес с поля несколько пучков колосков. Того парня осудили на три года. Алексея осудили за критику на пять лет ссылки на север.

– И что это за страна такая, – сказал эзку Алексей. – Пять лет за правду.

Алексей уже знал, что недалеко от лагеря, где жили ссыльные, была зона, и намечалась железная дорога.

Мещеряков работал лопатой. Подчищал грунт для закладки мелкого камня.

Рядом остановилась машина. Надо было залить водой радиатор. Старый шофер, страдая одышкой, сказал:

– Начинаются новые дела. Железку будут вести. Разговор идет. До Якутии поведут. Лагерь строят за Илимом. Зимой я в Шестаках был. Начали с двух сторон Илима. Тьма заключенных там будет. Россия большая. За пачку соли на зону.

Дорога после нескольких лет невольного труда, выглядела хорошо. Теперь машины могли свободно проходить по тракту от Ангары до Лены. Работы хватало. Занимались подправкой – сбивали камни с навесов. Крепили мосты. Самая тяжелая работа – это со скалами. Весь день долбили камни, потом дробили. Возили их на тачках, а то и на телегах.

В этом году она будет сдана в полную эксплуатацию, и перебросили на строительство железной дороги от Тайшета до Лены, и далее до Якутии. В те годы именно был такой план. А, в общем-то, эту дорогу хотели строить ещё в начале двадцатого века при царе Николае втором. Началась война, революция, Гражданская война, разруха, голод. Не до этого было. И когда начались великие стройки, то задумали строить и эту дорогу, тем более проект на неё сохранился. И уже в 1933-34 годах топографы, гидрологи и геологи работали в полную силу. Здесь трудился знаменитый геолог Кошурников. Готовились места под поселки, лагеря. Их тоже намечали геологи, чтобы не селить их на местах природных ископаемых.

После двухчасовой лекции о коммунизме, когда от жары упали в обморок четверо ссыльных, лектор завершил заниматься болтовней. Лекторы были не только для эсков, но и для ссыльных. И слушание лекций было своеобразное наказание. Если кто возмущался против прочтения лекций, того приглашали в зону. Там шел допрос, суд и срок.

Как-то в бригаду пришел мастер и сказал, чтобы все собирались в поход на новое место. Вышли утром, к вечеру прибыли на указанное мастером место. Рядом протекала речка Рассоха. Мастер затесал кол и воткнул его в глинистую почву.

– Вот здесь, с вас и начнется новый лагерь.

В далеком будущем здесь будет построен десятый квартал города Железногорск.

Могучие деревья стояли стеной. Их надо было вырубать. Поставили три палатки для конвоиров и мастера, вторая палатка для гостей – офицеров, разных комиссий, и ещё одна палатка для ссыльных. На телегах привезли строительный материал, инструмент. К вечеру пришел тракторишка с санями, на которых тоже был стройматериал. Стали устанавливать стойки для распиливания бревен в длину для бруса и досок. Привезли дизельный двигатель. Наладили свет в палатках, сделали нары, столы.

Прошел месяц. Вокруг спилили деревья, выкорчевали пни. Работали от зари до зари. Надо было убрать лес на большой площади. Алексей Мещеряков на стойке пилил бревна под брус и доски.

Вечерами разводили костры, чтобы как-то уменьшить напор мошки. Рядом грозно притихла тайга. Казалось, что рядом темная, мрачная стена. Иногда раздавался рев медведя.

– В этой округности по склону горы есть два семейства медведей. Мы нарушили их покой. Тут рядом много смородины и черники. Медведи грозят нам, – сообщил местный охотник.

– Убей их, – подсказал кто-то.

– Вы что?! – удивился охотник. – У нас во всех деревнях по Илимуну непринято зазря пугать человека. Всё должно быть в норме. Если начнет нападать на человека, то тогда уж можно. Так просто убить, нельзя.

Конвоиры утром выкрикивали номера, а ссыльные отвечали свои имена. Офицер проверял журнал, и что-то записывал. Никто из ссыльных не собирался убежать. Кругом глухая тайга.

Жарили и засаливали грибы. К осени выросла картошка, ягоды разной много, ловили рыбу вместе со свободными от дежурства конвоирами. Из Илимска или Шестаково привозили муку, растительное масло, соль. Колхозники помогали ссыльным. И

ссылки, с согласия офицеров, ездили по близким колхозам пахать, косить, убирать урожай. В общем, друг другу помогали. Хорошо ещё было то, что в строящийся лагерь пока не приезжало начальство. Офицеры набирали водки и напивались. Вольница для них здесь была отменная.

Зимой чаще сидели в палатке. Не успели построить барак. Палатку засыпали снегом. Две печки согревали палатку. Спали не раздеваясь. Весной 1934 года стали крыть крышу барака.

Такая вольница не должна долго продолжаться. Нагрянула комиссия во главе с «лектором». Я уже писал об этом товарище. Уволили дежурного офицера. Он был пьян. Заменяли конвоиров.

И вот ссылки выстроили под палящими лучами солнца. «Лектор» и его подручный палач Оноприенко сидели в тенечке.

– Расслабились, соколики? – нежно и с улыбочкой спросил «Лектор». – Рожи понаели. Даже лекции вам никто не читал. Ну, ничего, вы у меня быстро и крепко запомните мою речь о пользе труда на благо коммунизма. Стоять! Я вам здесь всё. Думаете, если не за колючей проволокой и свободные, так уж и того? Есть приказ. Непослушных на суд и в зону. Кто возникнет – на зону. Стоять! Свободы захотели, мерзавцы? Если даже я не свободный, а из вас все не свободные. Коммунизм не за теми горами. Он близко. И ради него, я вас, подлецов, упырей в дугу согну! Стоять!

Читал он лекцию о социализме и коммунизме. Даже бедненький взмок. Люди падали, их поднимали и ставили ближе к «лектору». Издевательство длилось около четырех часов. В сильную жару он заставлял снимать лагерные фуражки. Люди падали в обморок.

– Изверг! – крикнул кто-то.

– Ко мне в палатку. Я ему отдельную лекцию прочту. Оноприенко! Для полного порядка всыпь ему десять палок, а потом ко мне, на лекцию.

Его знаменитый подручный всегда ездил за своим начальником. Через год его найдут в тайге повешенным. Слух дошел до Алексея, что блатные с ним расправились.

Алексей Мещеряков воевал. Был ранен. Есть награды. У нас очень бдительные соседи, особенно на тех, кто отсидел срок или был в ссылке. В 1951 году его арестовали по политической. Вме-

нили шпионаж от нескольких государств. Строил железную дорогу. Находился в Коршуновском лагере. Освободился в 1956 году. Остался на Коршунихе. Копал шурфы, строил первые дома. Работал в бригаде Веряскина.. Потом работал на экскаваторе. Я был у него помощником.

Жестокость

1935 год. Среди тайги был построен барак для заключенных. Здесь работали ссыльные. Поляна отгорожена колючей проволокой, четыре вышки по углам. Рядом с зоной собачник с выгоном. В одном домике жили конвоиры, в другом временная администрация. Столовая для них была в палатке. Ссыльных перебросили на другой участок. Здесь заключенные строили ещё три домика. Один для офицеров, второй под лазарет, в третьей доме будет клуб. Коршуновский лагерь разрастался. На этом месте в будущем будет десятый квартал.

Заключенных распределили по двум бригадам. Одна работала на строительстве объектов, другая по очистке тайги под просеку, где будет проходить железная дорога. От Тайшета до Лены строились лагеря. Они относились к двум главным – Тайшетлаг и БАМлаг.

Бригада, в которой работал Егор Сысоев готовили просеку под железную дорогу. Вековые лиственницы плохо поддавались топору и двуручной пиле. В каждой бригаде было до ста человек. По бокам конвоиры с собаками.

Егор только что свалил лиственницу, Пот застилал глаза. Мошка тучей вилась над ним. Дышать было трудно. Мастер и начальство требовали план. Но борьба с мошкой выматывала силы. Только что приехал на коне офицер. Это был «лектор». Я уже писал о нем. На зоне о нем наслышаны. Самое страшное наказание – лекция. Выстраивали бригаду в жару, в мороз, и он читал лекцию по два-три часа. Некоторые люди падали в обморок, а некоторые даже умирали.

Бригаду выстроили. «Лектор» погладил выпирающий живот и гулко кашлянул:

– Граждане заключенные, вы не выполнили план. Нехорошо. Значит, у вас нет сознания. Стране нужна эта дорога. Вы, оказывается, с душком. Меншевики среди вас. Ну, ничего. Я вышибу из вас вражину. Стоять! Есть мудрая статья – о марксизме и ленинизме. Вот я вам её прочту.

И он начал её читать. Он сидел в тенечке и пил чай. Он всегда пил горячий чай в любую погоду. Двое расконвоированных заключенных махали над «лектором» ветками.

В конце второго часа кто-то крикнул:

– Злыдень! Гунн!

«Лектор» ещё некоторое время сонно читал и вдруг остановился. Начал кашлять. Потом вкрадчиво спросил:

– Меня ли назвали не пристойным именем?

– Все тебя так называют, сволочь! – ответил кто-то. – Ты хуже гунна. Как ты посмел издеваться над великим учением Ленина? Ты есть враг народа! Это тебя надо отправить на наше место!

– Кто таков? Выходи!

Покачиваясь, и опираясь на лопату, вышел пожилой мужчина.

– Сергей Иванович Павлов. Повторяю. Вы есть враг ленинизма и социализма. Вы издеваетесь не над нами, а над учением Ленина

«Лектор» даже подскочил на стуле. Свидетелем этой сцены был Егор Сысоев. В 1964 году он рассказал о том страшном времени и секретаре Павлове. Многие его тогда помнили. Это был поступок. Ни все были послушными рабами. Шли на явную смерть. В те времена жизнь человека ничего не стоила на зоне. Для конвоиров и офицеров сами заключенные были отбросами, враги народа. Во всех лагерях избивали за любую провинность, расстреливали порой без суда и следствия. На их место привозили других. Страна большая.

«Лектор» встал и, выпучив и без того выпученные глаза, неожиданно затрясся. Сжал кулаки и ногой отбросил стул.

– Что?! Я – враг? Как ты посмел?! Я у таких, как ты, мироедов и кулаков, хлеб лишний отбирал! Ты ведь тоже из этой породы! Значит, ты враг! Ты и сейчас народ баламутишь! Вас вешать надо! Конвой! Оноприенко! Забыл. Очень жаль, что его повесили.

Потом он немного отдохнул и закричал:

– Михайленко! Ко мне! Всыпь ему двадцать палок! Потом ко мне в кабинет. Лекцию прочту, и увезти на суд.

Павлова скрутили веревками, повалили на лавку. Михайленко стал бить Павлова.

Вылили на него воду, и за ноги потащили в лазарет.

Через два дня Павлова и несколько человек из другой бригады заставили бежать. Стреляли в спины. Закопали в тайге.

Егор Сысоев валил топором деревья. Мошка, кажется, стеной гудела над ним. Егор видел, как на спинах людей шевелилась черная масса. Так выглядела мошка со стороны.

Он шагнул к следующей листовнице, как на его пути встал олень. Он бил копытами, фырчал и мотал головой.

– Ты чего, лесной олень? – улыбнулся Егор.

И тут понял. В кустах лежала олениха. В боку была рана. Рядом с ней пытался встать олененок. Олениха успела дать жизнь своему олененку. Она тоже пыталась встать. Егор увидел в глазах животного слезы. Она понимала, что животное на двух ногах не пощадит её и её дитя. Мордой она пыталась поднять его. Стали подходить лесорубы. Один маленький, шустрый потер руки.

– Горячую печенку попробовать бы.

– Я тебе попробую! Видишь раненая. Она же мать. Это дитя. Побойтесь Бога.

– Бог не заметит, как мы её на мясо. Жрать хочется. Сил нету, а тут мясо вон сколько.

– Заглохни, Свист, – сказал Егор. – Зашибу.

– Пошутил я. Она же мать. Мама – святое слово.

– Кто мама? – услышали они знакомый голос. Это был старший конвоир и новый подручный «лектора» Михайленко. – А ну по местам! Палок захотели по хребтам? Устрою.

Он и двое конвоиров подошли ближе. Два выстрела и олень-самец упал.

– О, тута олениха. Михайленко её подстрелил. Она вон куда убежала. Мы тебя-то и ищем. Товарищ Михайленко, мясо-то для начальства, да и нам свеженького достанется.

– Побойтесь Бога! – сказал один из лесорубов.

– Чо жалеть-то? Животное, оно и есть животное.

Лесоруб пробурчал:

– Даже уголовник пожалел, не тронул, а вы тогда кто?

– Я чо? Не человек? – обиделся Свист. – Я ведь просто так сказал. Подумал про печенку и ляпнул. Жрать хочется.

Михайленко и другие конвоиры штыками доби́ли животных. Олененка поддели на штык.

– Да и зверюга этот Михайленко, да и все они такие, – прошептал Свист. Конвоиры унесли оленей. На всю жизнь молящие глаза оленихи остались в памяти Егора Сысоева.

К осени «лектора» куда-то направили. Была комиссия из Москвы. Все-таки, кто-то «накапал» на него. Конечно, можно было что-то другое придумать для издевательства над людьми. В лагере слух быстро разносится. Поговаривали, что его определили в дом для умалишенных.

На смену ему пришел маленький, чистенький, нежненький офицерик. Собрал бригаду. Голосище у него не по возрасту. Будто в рупор на стадионе кричал.

– Я вам лекций читать не буду. Я вам план увеличу. Надо своим трудом ударить по японским милитаристам. Не понравились лекции, сволочуги? Понравится вам мой план. Шагом марш на работу!левой!левой!

К нему прилипла кличка: «левой». Через год его «случайно» бревном придавило. Блатные воры постарались. Следующего офицера прозвали: «Держиморда». Чуть что не так, бил по лицу.

Перед войной Егор Сысоев освободился. Ушел на фронт. Дошел до Праги. Имел награды. В 1952 году осудили на десять лет. После освобождения остался на Коршунихе. Работал на железной дороге обходчиком. Ушел из жизни в 1987 году.

Ссылный Федор Белобородов

1936 год. Знаменитый А. М. Кошурников, начальник разведывательной экспедиции по изысканию железной дороги от Тайшета до Лены, выставил вешки, составил маршрут на карте. Теперь было дело за прокладкой дороги.

Был поставлен план – за десять лет по этой дороге пойдут поезда. Автодорога Заярск-Осетрово не справлялась с завозом товаров на север. Вдоль дороги намечались новые промышлен-

ные объекты, леспромхозы, поселки, города. Надо было оживать север. А на что заключенные, ссыльные, раскулаченные? Разрастались по стране концлагеря. Сталинская мечта о перевоспитании врагов народа и их уничтожение начала сбываться. И надо было разгрузить Соловки, Колыму. Срочно стали строиться лагеря вдоль будущей железной дороги. В кадры руководства концлагерями подбирались надежные, жестокие к врагам народа малограмотные комиссары.

Из многих уголков страны в закрытых и душных столыпинских вагонах для скота, везли уголовников, врагов народа, и других ненадежных людей на строительство дороги века. Сталинскую мечту надо было претворять в жизнь.

Федя Белобородов ехал в Сибирь на вечное поселение. Отца у Феде расстреляли комиссары. Мать умерла по дороге в Сибирь. Маленьких братьев и сестер сняли на станции Тайшет и отправили в детский дом. Семнадцатилетнего Федю затолкали в вагон к раскулаченным и ссыльным. В Иркутске их посадили на пароход. Сгрузили у какого-то селения. Федю и тридцать парней несколько суток гнали до строящегося лагеря.

Перед парнями выступил человек в полувоенной форме.

– Здесь будет лагерь для врагов народа. Вы его начнете строить. Теперь стройке для себя барак.

Недалеко от лагеря протекал Илим. По его берегу раскинулось село Шестаково. Крестьяне приходили к ссыльным, чтобы покормить парней.

– А что здесь будет? – спросил Федя. Комиссар ответил:

– Будете вместе с заключенными строить железную дорогу. Я бы вас, кулацкое отродье, на Колыму бы отправил. Я буду начальником будущего лагеря. Я вышибу из вас кулачьи замашки.

– Какие мы кулаки? – возмутился Федя. – Была у нас одна корова, конь и две овцы. Вот и всё хозяйство. Сосед наш был лодырь. Всю зиму на печи лежал. Мы даже ему калачи давали, чтобы с голоду не умер. Потом комиссаром заделался. Он пришел к нам с такими комиссарами, как он, и всё у нас отобрали. А нас раскулачили. За что?

– Так ты против советской власти?! – закричал комиссар. – А ну, братцы, всыпьте ему десять палок!

Конвоиры связали парня, повали на сутунок, и стали бить по спине. Федя стерпел удары, промолчал.

Ссылные поселились в палатке. Сделали нары, натаскали соломы. Так и спали, зарываясь в солому. Работали от зари до зари. Выходной пока ещё был. Воскресенье. За картошкой ходили в село Шестаково. За продуктами шли по тропе к геологам в деревню Коршуниху. Здесь геологи построили конюшню, баню, барак для рабочих и ларек. В нем можно было хорошо отовариться. Геологов хорошо снабжали.

Через пять месяцев, когда они закончили строить дом для ссылных, а для лагеря поставили четыре вышки, их направили на сооружение ещё одного лагеря за поселком геологов Коршуниха. Здесь уже были ссылные и «враги народа». Они жили в палатках, хотя мороз доходил до 50 градусов. Конвоиры и начальство жили в сборно-щитовом доме с двумя печками. Ходили они в тулупах и полушубках. Заключенные одеты в телогрейки-бушлаты. Шапки сшиты из тряпок. Из тряпок шили и обувь. Такую одежду я тоже носил. Как правило, почти у всех заключенных обморожены лица, руки, ноги.

Когда совсем темнело, Федя и его товарищи по ссылке шли пешком до отведенного для них места в конюшне в деревне Коршуниха.

Геологи и рабочие встречали их с горячим чаем и вкусной едой. Смазывали лица гусиным жиром. Перевязывали обмороженные руки, растирали ноги. И все удивлялись к такому отношению к ссылным. Начальство лагеря пригрозило геологам, чтобы не вмешивались. Все они, мол, тоже враги народа. Лучшей доли они не заслужили. Время было опасное. Что-то не так сказал – в лагерь или расстрел. Меня всегда удивляет то, как можно некоторым товарищам болтать, что мы жили хорошо в свободной стране. Все мы жили в огромном концлагере. Лично я испытал прелести лагеря, как и вся моя семья.

– Закончится ссылка, останусь здесь. Подамся в охотники. Хочу тишины. Зимовье срублю. От людей подальше, – сказал Федя.

Поселяли ссылных в одно место с отметкой каждый день в лагере, или в поселковом совете у милиционера. Опаздывать на

работу нельзя. Снимали пятьдесят процентов заработка или на год в зону. В Фединой бригаде два парня опоздали на 15 минут. Мастер доложил начальству. Их осудили на шесть месяцев в лагерь. Через месяц один из них умер от переохлаждения. Появилась первая могилка из ссыльных. Потом их будут тысячи безвестных, сваленных в общую могилу. И поставят на этом месте столбик с цифрами. Не сосчитать их на протяжении всей дороги.

Федя боялся лагеря. Он видел истощенных, оборванных людей-скелетов, которые прорубали первые просеки. И могилки, могилки...

Федя не опаздывал на работу. Он и работать старался отменно. Надеялся, что вдруг в стране что-то изменится, и не надо тогда отмечаться в лагере.

И вот он опоздал на десять минут. На это была уважительная причина. Федя и двое ссыльных шли по берегу Илима к крайнему дому, чтобы купить картошку. Ребятишки скатывались с горки на санках. Один мальчишка провалился в полынью. Федя быстро сбросил с себя одежду и бросился в воду. Мальчишку он вытащил. Кто-то принес в крайний дом самогон. Растерли им Федю. Ссыльные парни быстро ушли, чтобы сообщить о случившемся.

Федя на работу опоздал.

– В лагерь каналью! – кричал комиссар, которому было поручено наблюдать за ссыльными. – Если бы ты утонул, то это была бы уважительная причина. Пусть ребяtnю не отпускают! Тебя никто не заставлял! Если каждый будет делать такое, то мы не выполним план!

Осудили на один год в лагерь. Валил лес. За зиму обморозил руки, ноги. На ноге отняли два пальца.

После лагерей, поселился в селе Шестаково. Познакомился с колхозницей Надей. Она родила ему двух сыновей.

Когда началась война, ссыльный Федор Белобородов сбежал в Братск. Добровольцем ушел на фронт. Он погиб под Курском.

С его сыном Никитой я работал на экскаваторе. Он и рассказывал мне о тяжелой судьбе своего отца.

Часть вторая. Лагерная страна

Подвиг Николая Елисеева

1936 год. Вот уже два месяца не было дождей. Будто везде солнце. Скрыться от его обжигающих лучей невозможно. В тайге стояла духота пропахшая смолой и выжженной травой. Тут ещё мириады мошки и комаров. От всего этого было трудно дышать. Незаживающие раны от укусов насекомых, от пота нестерпимо жгли. Рядом с Николаем Ведерниковым упал человек. Это профессор из Москвы. Обморок от жары и голода. Конвоир стал пинать несчастного.

– Вставай, доходяга! Вставай, враг народа! В лазарет захотел? Кто план будет выполнять? Вставай, сволочь!

Заключенные боялись подойти к упавшему профессору. Знали, что избыбют.

– Сдох что ли? – перестал пинать конвоир. Подбежал бригадир из мелких уголовников. Перевернул профессора.

– Отжил, вражина! Что будем делать?

– Возьми двух доходяг, и пусть закопают за просекой.

Николай с напарником Федором Бутаковым шахтером из Черемхово, осужденный на десять лет за антипартийные выступления, двуручной пилой валили деревья. Третий зэк срубал сучки и складывал в кучу, чтобы потом их сжечь.

Бригада мелкого уголовника, осужденного за то, что отбирал у старушек сумки с продуктами, рубили просеку от села Шестаково до деревни Избушечная /Хребтовая/.

Бригадир по кличке Жук был маленького роста, истеричный, как все мелкие уголовники, и вертлявый.

Было такое постановление, использовать политических на самых тяжелых работах без трудовых зачетов и активированных дней от жестоких морозов. В 50 градусные морозы уголовники и осужденные по бытовым статьям в такие морозы сидели в палатках или в бараках. У всех политических обмороженные лица, руки, ноги. Порой даже отрезали их. И тогда хоть месяц можно отдохнуть. Потом без работы не оставляли.

Мой отец рассказывал, что он был счастлив, когда он отморожил пальцы на ногах. Отрезали три пальца на левой ноге. Пережил морозы. Весной он с группой заключенных бежал из лагеря. Он скрывался под Бодайбо на прииске Апрельском. Даже устроился в бригаду старателей мыть золото. Побег из лагерей были и удачные. Если догоняли, то травили собаками или расстреливали на месте. Если кто выживал после побега, добавляли срок. В нашей бригаде плотников Торкунова работал Михаил Петрович Коноваленко. До 1941 года строил железную дорогу. Бежал из лагеря. Добрался до родного села Макарьево на Ангаре. Ушел добровольцем на фронт. Дошел до Берлина.

Итак, бригада уголовника Жука вела чистку леса для просеки. Политическим не доверяли руководство над людьми. Николай Ведерников и Федор Бутаков пилили и рубили деревья, а сучками занимался Николай Елисеев.

Николай Ведерников до лагеря работал в шахте мастером. Был взрыв. Один человек погиб. Пятеро ранено. Комиссия признала, что была диверсия. Начальника участка, мастера и бригадира арестовали. Начальника участка расстреляли. Мастера Николая Ведерникова и бригадира осудили на десять лет.

Пот застилал глаза, руки плохо слушались от жары и голода. Конвоирам тоже вменялась обязанность следить за работой.

– Вкалывать, вражины! Опять план не выполнили! – кричал старший конвоир, и прикладом ударил в спину Елисеева, пнул Ведерникова. – Мне опять за вас отвечать?

И он стал пинать заключенных. Их было на этом участке срок человек. Все работы велись вручную. Были и лошади. Местами для заключенных выделяли и трактор. Но их было мало. Были и газогенераторные машины. На механизмах трудились местные крестьяне или ссыльные.

Осенью пошли дожди. Политикам не разрешалось прятаться от любого дождя. Заключенные горстями собирали ягоду, ели сыроежки. Этим утоляли голод. Если выпадала возможность, грибы поджаривали на костре.

Федор поскользнулся и упал. В этот момент по соседству двое спилили дерево. Оно накрыло Федора. На помощь к нему подбежал Николай Елисеев и вытащил парня. Конвоир вскинул винтовку.

– Застрелю и тебя и симулянта! Он специально упал под дерево! В лазарет захотел?

– Он ногу сломал, – ответил Елисеев.

– Бунт! – закричал бригадир Жук. И стал палкой бить мужиков.

– Вставай, филон! – кричал бригадир. – Задумал план сорвать? Ползком, но ты должен вкалывать!

– Не могу встать. Нога, – простонал Федор.

Бригадир и конвоир стали избивать Федора. Он перестал двигаться. Остановились.

– Оочурился? Ну и хорошо. Надо же, из-за него я взмок. Как теперь высохнуть? Надо ведь переодеваться. Тварь!

Подошел начальник отряда. Он постоянно приходил проверять работу. Подошел к Федору. Осмотрел его.

– Он без сознания. Нога сломана. Филон. В лазарет захотел. Сегодня уже второй попал в лазарет.

Федора повезли на телеге в сторону села Шестаково.

– Лодыри! – кричал начальник и пошел к навесу, по пути раздавая пинки и оплеухи заключенным. – Я вас, врагов народа, научу, как надо работать! По-Сталински надо работать!

Николай Елисеев сжал топориче и крикнул:

– Попробуй, тронь меня – зарублю суку! Сталина нет с нами. Откуда мы знаем, как бы он с нами работал.

– Грамотный шибко?! – закричал начальник. – Антилигент вшивый! Институты у вас. У меня один класс. А я над вами начальник. Взять его!

Конвоиры окружили Елисеева. Он двоих ранил. Его подстрелили. Потом скрутили.

Елисеева увезли в центр. Прошел слух. Расстреляли.

Дали нового сучкоруба, маленького доходягу. Зимой он замерз.

В 1939 году Федора освободили, а через год арестовали. Бдительные соседи сообщили, что к нему ночами приходят странные люди. Соседям нужна была лишняя площадь.

В 1942 году он был направлен в штрафбат. Был ранен. Закончил войну командиром роты разведчиков.

Работал в Коршуновской геологической разведке. Дальнейшую судьбу Федора Бутакова и Николая Ведерникова не знаю.

Сын врага народа

1937 год. Семью врага народа Романова осудили по 58 статье без права переписки. Значит, расстреляли. Жену и троих детей отправили в Якутию. Старшего сына Леонида сняли с поезда в Иркутске. Парней от 17 и старше, отправили на Колыму или в окрестности города Бодайбо добывать золото. Леонида и несколько парней загнали на пароход и поплыли они до Заярска на Ангаре. Была весна и они по тропе, через распадки, высокие горы, через горные речки шли несколько суток. Их сопровождало восемь конвоиров. Никто не хотел убегать. Кругом глухая тайга, места незнакомые, зверье разное бродит. Плохо ещё то, что заедала мошка. Наконец их переправили на больших лодках до села Шестаково.

Отдохнули немного и снова отправились в путь вдоль бурной речки Коршуниха. Здесь заключенные валили деревья под просеку для железной дороги

– Здесь нет техники? – спросил Леонид. Конвоир ответил:

– Вы на что? Вы и есть техника.

Велели остановиться. Ночевали на берегу речки Коршуниха. Ночью была первая, весенняя гроза. Конвоиры спрятались в расставленную палатку, а ссыльные сгрудились в кучу. Дождь и холод, кажется, пронизали насквозь.

Утром пришел военный и закричал:

– Почему на место не доставили?! В дороге кто заболел, это ведь убыток! Ещё не начал работать, а уже начнет филонить в лазарете! За это время он успел бы несколько деревьев спилить,

или несколько кубов земли перевезти на тачке. Вставай, кулачьё! Не ленись, подтянись, мироеды!

Они пришли в деревню Коршуниха. В документах эту деревню писали, как посёлок геологов. Что это за посёлок? Один дом, конный двор, конюшня, баня, барак для рабочих и продуктовый ларек.

Офицер ускакал на коне в тайгу. Геологи встретили ссыльных радушно. На улице стоял длинный стол. За него усадили всех молодых. В дорогу дали консервы, хлеб.

На коне опять появился офицер.

– Прикрывать кулачьё? Если я доложу куда надо? Пригрели? Это из-за них местами был голод в стране. Вы тут зажирили в тайге. Смотрите у меня! Я здесь всё могу! И за вами надо присматривать. В прошлом году эков подкармливали. Врагов народа! Двух геологов уже отправили в лагерь. Бдительность потеряли. Я вам быстро глаза открою!

Ссыльных повели по тропе к месту назначения. В километрах четырех от посёлка геологов они увидели на склоне горы колючую проволоку, вышки, барак, три домика. В стороне стоял ещё один барак. Здесь жили ссыльные. Работали здесь и местные. Им платили отдельно. В основном, они работали с лошадьми. Здесь стояло два дизельных двигателя. Они давали электричество. В бараках для ссыльных были керосиновые лампы, и одна большая железная печь. В полу щели, и оттуда несло холодом и гнилью.

Парней определили в бригаду лесорубов. С одной стороны работали ссыльные, с другой заключённые.

Сначала у ссыльных был бригадир из местных Кузьма Шестаков. Он снабжал парней хлебом и другими продуктами.

Потом бригадира уволили. Бригадиром назначали бывшего эка из уголовников. После освобождения, ему надо бы ещё отбыть ссылку.

Бригадиры построили для себя домик. Им платили от кубометров. Пошли северные надбавки, коэффициент. Бригадиры подгоняли ссыльных.

– Я вам не Кузьма! – кричал бригадир. – У меня приказ – в бараний рог вас согнуть. Что же это такое, куда не плюнь – кула-

чьё или враги народа! Никакой жизни от вас! Честному человеку негде развернуться!

Когда уходил Кузьма, он сказал:

– Ваш будущий бригадир на воле грабил старушек, а двух удавил. Пятнадцать лет ему присудили. В лагере проявил себя, как отменный стукач. Его приблизили к начальству. Освободили досрочно на поселение. Над блатными ему нельзя командовать. Может нож в бок получить. Направили к ссыльным.

Бригада из 20 человек пилили деревья, другая бригада из бытовиков снимала грунт, и на тачках вывозили за отвал. Что такое бытовики? Растратчики, казнокрады. Потом они вместе грелись у костра и бывшие кулаки и бытовики. Блатные или воры в законе, не работали. Они отдыхали на нарах в удобном для них месте, или ложились в лазарет. Начальство лагеря блатные устраивали. Блатные присматривали за порядком на зоне. Единственное, что запрещалось в лагерях – игра в карты и приносить на зону химические карандаши. Ими рисовались карты. В те времена блатные играли в стос или в буру. Блатные никогда не играли в очко. Это игра бытовиков и обыкновенных мужиков на воле.

Зимой совсем было плохо. Ссыльные грелись у печки, но она не очень грела людей в рваной одежде.

Жители села Шестаково с подозрением и жалостью относились к этим людям. Всё-таки, бывшие «кулаки и мироеды». Картошку продавали дешевле. Даже угощали хлебом и рыбой, хотя сами жили бедненько.

Активированные дни у ссыльных были, которых у политиков не было. В свободное время ссыльные стирали, избавлялись от вшей. В бараке стоял удушливый запах пота, гнили, подгоревшей у печки одежды.

Чуть потеплеет, бригаду ссыльных вели на просеку, пилить деревья. На лошадях свозили готовый лес к пилораме работающей от дизельного двигателя. Здесь готовили брус, шпалу для будущей железной дороги, доски.

У Леонида Романова оказался талант столяра. Он и ещё несколько ссыльных соорудили столярку. Делали тумбочки, табуретки, рамы, двери, столы. Здесь же спали. Все было теплее и свободнее. Стали зарабатывать. Даже купили по костюму. Хо-

дили на танцы в село Шестаково. Там Леонид познакомился с колхозницей Галей. Поженились. Построили дом. У них родилось три сына.

Началась война и Леонид ушел на фронт. Погиб под Берлином.

Один сын Иван Романов работал на бульдозере в УМ-6 Братскгэсстроя. На пенсии. Живет в Братске.

Неужели все были врагами народа

1937 год. К осени на строительство Байкало-Амурской магистрали \БАМ\ прибыла большая партия «врагов народа». Можно только представить, сколько заключенных было от Тайшета до Лены. Через каждые 20 километров стоял лагерь. Но ведь и с востока вели магистраль. По всей Восточной Сибири строились лагеря. Главное – не щадить «отбросы общества». И это вменялось лагерному начальству и всем охранникам.

Населению страны внушали, что «враги народа» должны быть уничтожены, и чтобы от них даже следов не осталось. И, что они, мол, виноваты, что мы так бедно живем. И многие в этот абсурд верили.

Расстрелы велись почти каждый день. Кто подсчитал людей расстрелянных, замерзших и забитых до смерти? Никто.

Партия заключенных, в которую входил и бывший председатель колхоза Игнат Слободчиков, шла пешком от Ангары куда-то на север. Ночь провели у ручья. Охрана для себя поставила палатку. Ночью была гроза, и был ливень. Люди жались друг к другу. Утром пошли дальше. Проходили деревню. Жителям сообщили, что ведут «врагов народа», изменников родины. Мальчишки бросали камни. Один камень угодил Слободчикову в лицо и рассек его. Шрам остался на всю жизнь. Шрам остался и в душе. Конечно, было обидно, что так вот встречали их крестьяне. Разве каждому объяснишь, что он не виноват. Просто Игнат Слободчиков покритиковал секретаря райкома партии, что требовал увеличить сбор зерна в два плана. Осудили по 58 статье, пункт первый «а» – измена родине. На 25 лет отправили в лагеря. Обычно эта статья расстрельная. Случилось так, что

следом за ним арестовали самого секретаря. О том указе 1937 года мало, что известно. Расстреливали тысячами. Летом 2007 года исполнилось 70 лет тому страшному указу. Игнату расстрел заменили на большой срок, который мало кто в те годы выдерживал.

Теперь Слободчиков и бывший секретарь Скворцов шли плечом к плечу.

– Ты на меня не в обиде? – спросил Скворцов. – Мне тоже 25 лет дали лагерей. Не сердисься?

– Как можно? С тебя требовали свыше, а там ещё выше. Кто виноват? Никто вроде не виноват, а врагов половина страны.

– Да брось ты. Нас так учили, – возразил Скворцов.

– Меня никто не учил, – ответил Игнат.

– Значит, я не доглядел. Партия никогда не ошибается. Значит, нас за дело.

– Я не думаю так. В стране что-то не так, – ответил Игнат.

– Значит, партия не так делает? – повысил голос Скворцов.

– Зачем совать партию? Есть ведь в ней отрепья.

– Я – отрепья?! Мало тебя сюда! Повесить тебя надо.

И он полез душить Игната. Начали драться. Подошли конвоиры и стали избивать мужиков. Пинали и били прикладами.

В 1962 году Игнат Слободчиков работал в нашей бригаде плотников. Он жил недалеко от меня по Камскому переулку в щитовом домике. Он и рассказал нам, как они строили железную дорогу ещё до войны. Осенью 1937 года было ещё одно постановление – кроме расстрела применять пытки к заключённым. Игната допрашивали весной. Не били. Кто приходил на зону осенью, рассказывали, что признание выбивали побоями. А на зоне били всегда.

Этап, в который входил Игнат, гнали через тайгу осенью. И как «врагов народа» их били и пинали за малейший проступок. И за просто так били.

Грязных, оборванных, избитых, их доставили в зону, когда была ночь. Поселили в барак. Его освещала одна лампочка. Люди упали на голые и сырые нары.

Утром, после переключки, определили корчевать пни, сдирать дерн, и возить на тачках в отвал. Игнату вручили тачку, а

Скворцов и ещё один политик накладывали грунт в тачки. Недалеко от них падали деревья, и их ту же обрабатывали и стаскивали в одно место. Кругом шевелились люди. Их было много.

– Как много врагов народа. Неужели все были враги народа? – спросил Игнат у Скворцова.

– Значит, так надо, – прохрипел бывший секретарь. – Меня то за что? Я писал докладные на врагов народа! Помогал органам раскрыть образ врагов, а также изменников.

И сейчас некоторые не понимают. Говорят, что так надо было.

– Ты честных людей предавал!

– На зоне нет честных людей! – ответил Скворцов, – Раз помогли, значит, враг.

– Но и ты враг!

– Это ошибка. Скоро меня освободят. Письмо Сталину написал.

– Все пишут, – ответил Игнат. – Ответ один. Виноват. И что говорит об этом? Думай, секретарь.

– Молчать, вражины! – закричал конвоир, и ударил Скворцова прикладом винтовки. Ударил и Слободчикова. Бригадир бил их палкой.

Избитые, два непримиримых врага снова стали работать. Во многих местах слышны удары, крики конвоиров и бригадиров. Рабы должны вкалывать, и не должны жаловаться на судьбу. Иначе избиение, или пуля в спину. Те страшные годы назывались – ежовщина.

«Врагам народа» надо было работать, и в пятидесяти градусные морозы. На заключенных рваные бушлаты, матерчатые ушанки, и бурки, сшитые из рукавов бушлатов или ватных штаннин. До костров допускали редко. На всех была обгорелая одежда. Если сильно подогреет, то начинают донимать вши. Конвоиры и бригадиры не давали долго сидеть у костров.

Однажды Скворцов подошел к Игнату.

– Что-то не то в стране. Никому нет ответа. В чем смысл? Неужели Сталин не понимает, что творится в его стране? Все мы работали честно. Зачем надо было два плана по сбору зерна, когда был не урожай? Кто давал на это приказ?

Игнат продолжал пилить. Скворцов крикнул:

– Я – человек! За что меня так? Все вот эти не люди! Плевать!

– Эй, ты, философ! – крикнул бригадир. – Работать, мерзавец!

Скворцов пошел с топором на бригадира. Игнат попытался остановить секретаря. Он оттолкнул Игната. Он упал. Бригадир стал пятиться и визжать. Один из конвоиров выстрелил и Скворцов упал. Он был мертв.

Игнат понял, что Скворцов был на пределе, как физически, так и духовно.

Игната, как напарника Скворцова избили. Потом доставили в политчасть. Там учинили допрос с избиением. После допроса попал в лазарет. В журналах пишут – попал под дерево.

В 1942 году Игнат добился, чтобы его отправили в штрафбат. Был ранен. Потом служил в артиллерии. Имеет награды. В 1952 году был снова арестован на 10 лет. В Коршунихе остался навсегда.

Так сказал Сталин

1938 год. Ссылный Кузьма Терехин сказал ссыльному Степану Вязьмину, что от Тайшета на сотню километров ходят паровозы. Подвозят рельсы, строительный материал. Кузьма работал там. Их сменили политики и бытовики. Часть ссыльных отправили до Братска-острожного. Так на Ангаре люди называли старый Братск. Помню, в детстве я бывал здесь у родственников. Маленькое, с грязными улочками старинное село протянулось вдоль красавицы Ангары.

Ссылных перевезли на больших лодках, и там гнали пешком через Мамырь и Заярск к Илимю. По всей просеке и просто в тайге стояли лагеря. Степан Вязьмин попал сюда через деревню Избушечную/ Хребтовая/. Здесь готовили площадку под железную дорогу. Люди валили деревья, корчевали, убирали грунт на тачках, подвозили щебенку, гальку, камень со стороны Лены.

Кузьма Терехин и Степан Вязьмин работали вместе. Корчевали пни. Жили в бараке. Он стоял на берегу села Шестаково. В

бараче парни жили с пятью семьями. Их раскулачили на Алтае и сослали в Илимскую тайгу. Ещё повезло. Многие семьи отправили в Якутию на вечное поселение. Четыре семьи расселили по местным колхозам. Молодых и здоровых мужиков и парней отбирали у семей и определяли на строительство железной дороги. Ослушаться нельзя. Могли применить и 58 статью. Родителей, меньших братьев и сестер у Кузьмы и Степана отправили в Якутию, осваивать пригородное хозяйство в городе Олекминск. В 1948 году я жил в этом городе и знал эти две семьи Терехиных и Вязьминых. Эти труженики и там освоились, имели добротные дома, крепкие хозяйства. Какие же они кулаки? Своим трудом они давали другим пример.

Бригадой руководил бывший растратчик /бытовик\ Василий Василенко. Добился бригадировать стукачеством. Кличка его была Василек. Он жил у вдовицы в селе Шестаково. Этот Василек бил палкой и правого и виноватого. Избиение политиков и ссыльных, начиная с 1938 года, поощрялось. Ежовщина «работала» по всей стране. Ссыльные, что попадали на строительство железной дороги, эксплуатировались беспощадно. Работали они отдельно от заключенных. Многих ссыльных отправляли на поднятие колхозных хозяйств, в тайгу на строительство поселков для леспромпхозов. Селились в тайге под открытым небом. Начинали строить для себя дома, разрабатывали целину. Старики и малые дети умирали быстрее, выживали самые здоровые. Концлагеря разрастались по всей тайге, а недалеко от них расселяли ссыльных. Можно только представить, сколько миллионов невинных людей были брошены в лагерь и в ссылку в тайгу, на целину в те страшные годы.

Ссыльные Кузьма Терехин и Степан Вязьмин выкорчевывали вековой пенёк.

– Вот так бы выкорчевать тех, кто послал нас сюда, – сказал Кузьма, а Степан ответил: – Все мы, Кузьма, подневольные рабы. Ты посмотри, какая красота кругом. Так бы и остался здесь навсегда.

И действительно, рядом шумела тайга, рыба хариус так и плескалась, дикая и непуганая птица рядом летает. Вчера стадо сохатых прошло. Бригадир Василек бросил в них камень. И сохатые скрылись.

- Кыш, рогатые! От работы людей отнимаете!
Подошел мастер из вольных Шестаков с ружьем.
- Чо, Василёк, шумишь? Оленя подстрелил. Сегодня у вас будет хороший ужин.
- Они и так отменные филоны, – ответил бригадир. – А мне надо, чтобы они по ширине трассы пни убрали до вечера. План – есть план. У маркшейдера всё записано. К завтраму дню надо подготовить всё под снятие грунта.
- От голода и понуканий, избиений люди хуже работают. Люди думают не о работе, а о еде. Так нельзя делать, – сказал мастер.
- Мастер, я тебя не пойму, – сказал бригадир. – Вредить собрался. Меня не толкай не преступление.
- Люди ведь не рабы! – крикнул Шестаков.
- Они и есть рабы. Бывшие мироеды! Нет им пощады. Так сказал наш вождь Сталин. Ты против нашего любимого вождя?!
- Причем здесь Сталин? Он не знает об этих безобразиях! – возмутился Шестаков.
- Он так сказал о кулаках и врагах народа, что их надо уничтожать, как класс врагов!
- Он не мог так ляп... сказать!
- После работы парни утащили оленя к бараку. Работали они в километрах четырех от села Шестакова. Женщины приготовили ужин.
- Утром мастер не пришел. Стукачество приняло по стране широкий, повсеместный размах. На самого стукача могли тоже стукнуть, написать анонимку. Враг народа. Срок или расстрел.
- Ссылных везли эшелонами. Бесправные заселяли необжитые места. Бывало, и везло. Селили в колхозы. И здесь надо было трудиться отменно. Люди с подозрением смотрели на ссыльных. Всё-таки, они были против советской власти. Такое вот вдалбливали в народ.
- Кузьма и Степан корчевали пни. На сколько, хватало зрение, работали люди. Их было много.
- Рядом с друзьями оказался маленький, рыженький мужичок. Он прислушивался к ним, приглядывался.
- На другой день на просеку приехали на конях военные. Повели Кузьму и Степана через тайгу в лагерь. Завели в палатку.

– С кем связаны? – спросил военный. – Я представитель полевого суда.

– Не очень понятно, – ответил Степан. Военный зачитал бумагу, где корявым почерком написано, что они вели пропаганду против советской власти, плохо отзывались о нашем вожде.

– Ничего мы про это не знаем, – ответил Степан.

– Правильно сказал товарищ Сталин, что надо уничтожить кулаков и мироедов. Вы настоящие враги народа.

В палатку зашли конвоиры и стали избивать парней.

– Не имеете право, – прохрипел Степан. – Мы ссыльные.

– Теперь заключенные, – ответил военный.

Отливали водой, и снова били. Добивались признания.

Потом отправили в лазарет.

Через десять дней их отправили в бригаду заключенных-политиков. На тачках возили щебенку для укладки полотна. Однажды, Степан спросил у Кузьмы:

– Неужели так сказал Сталин, чтобы нас уничтожить? Не верю.

– Надо поверить. Если такое творится везде, значит, правда.

– Тогда, как это всё назвать? Против собственного народа.

– Потому что, все они сами враги народа, – ответил Кузьма.

Впереди их ждал долгий срок в десять лет.

Дорога, политая кровью

1938 год. Ссыльных Кузьму Терехина и Степана Вязьмина по доносу бригадира маленького и рыженького стукача, их осудили на 10 лет по 58 статье, пункт десять – «Враги народа». Жили они в бараке на краю села Шестаково. Когда их допрашивали, то отменно избили, что даже попали в лазарет. В журнале написали, что попали под дерево. Писать в медицинский журнал, что был избит – нельзя. Порой приезжали проверяющие, и шли в лазарет искать филонов. Всё это было для отчета. Пожаловаться, что был избит конвоирами – боялись расправы.

Инспектирующий майор остановился у сидящих на бревне Степана и Кузьмы. От офицера пахло водкой. Он сыто икнул, рас-

крыл в улыбке рот со вставленными золотыми зубами и спросил, вставляя между словами мат:

– Болеем? Чем? Как умудрились попасть под дерево? Каналы! Филоны! Против советской власти?! Мироеды! Сволочи! Я вас научу родину любить!

Майор никогда не слушал ответ, а шел к другим. Потом, уставший от работы, шел в палатку, где его ждал накрытый стол.

Через год парни узнали, что майор сам попал под 58 статью, и где-то под Усть-Кутом зарезан блатными. Сталинская машина никого не щадила. Концлагеря перемалывали миллионы разных людей. Следователям, начальникам лагерей, а особенно конвоирам в тот 1938 год вменялись жесточайшие пытки над беззащитными людьми по 58 статье. Для них это были не люди, а рабы. Пожилых людей забивали до смерти. Конвоиры умело подбирались офицерами необразованные, темные, жестокие типы из низшего сословия крестьян и рабочих, напичканные идеями нелюбви к политическим. Такие конвоиры подбирались ещё из беднейших слоев азиатских семей.

После переключки на работу, гнали пинками и прикладами. Бригадиром назначался заключенный из бытовиков, но не из политиков. Если кто падал, то нельзя было помогать ему встать. Таков был порядок. Тогда доставалось упавшему и помогающему.

Убирали верхний слой вручную. Его отвозили на тачках в отвал. Деревья спиливали двуручными пилами. Готовили бревна. Потом цепляли к тракторам. В болотистых местах бревна вывозили на лошадях. Были пилорамы, которые работали от дизельных моторов. Там готовили брус, шпалу, доски, рейки. Там же делали столярные изделия. Политики для этой работы не допускались. Здесь работали бытовики и уголовники. Пожилые заключенные по 58 статье не выдерживали тяжелого труда и побоев – умирали. Если кто-то выжил в 1937 году, то в следующем году не выдерживал. А этапы шли и шли на пополнение концлагерей. Они разрастались по стране.

Кузьма Терехин в 1972 году, больной, старенький, худенький, выживший в том аду, был у меня дома. Мы сидели и пили чай. Он рассказывал:

– Насколько хватал взгляд, люди, как муравьи, в рваных черных гимнастерках и бушлатах мелко-стеганных, в сшитых из старых рукавов и ватных штанин бурках, серой массой двигались по просеке. Везде слышны удары палками, крики отчаяния и боли. При переключке, чтобы идти к бараку, в бригаде не оказывалось до пяти человек. Мертвых хоронили за отвалом. Страшные были годы. Скажу прямо, кто сейчас тоскует по Сталину, тот не пережил ту эпоху.

В особых местах шли расстрелы врагов народа. Газеты пестрели от материалов о врагах народа. Людям вдалбливали в головы об уничтожении этих врагов. И то, что было в лагерях, можно только представить. Мне повезло в том, что при помощи моего старшего товарища и бывшего «врага народа» Лидии Ивановны Тамм, я познакомился в шестидесятые годы с теми, кто прошел сталинские концлагеря. Об этом запрещали писать и печатать. Надо было писать только о комсомольцах-добровольцах. Сколько раз я пытался рассказать через газету о тех временах. Я стал собирать рассказы выживших. Я давно мечтал создать книгу таких вот рассказов. Много лет у меня ушло на создание вот этой книги. Каждый из них боролся за жизнь. Проходят десятилетия. Вот и наступило новое тысячелетие. Ведь о том времени мало, что известно. Появлялись в печати общие сведения о сталинских лагерях. Но о простом человеке не было. Решил написать о каждом конкретном человеке. Молодежь должна знать о тех далеких и жестоких временах. Я написал эту книгу для молодых, и только для молодых. Надо знать историю своей страны.

Кузьма Терехин и Степан Вязьмин катали тачки со щебенкой. Неделю назад они валили лес. Отдых политикам не положен. Новый бригадир, бывший казнокрад и мошенник, под началом которого было около сотни политических, и человек двадцать мелких уголовников и бытовиков. Уголовники юлили около бригадира и мастера. Следили за политическими и докладывали. За стукачество надеялись получить благодарность и облегчение в работе. Хотя смертность и среди стукачей была велика. Но каждый из них надеялся отлынить от работы, и не получить нож в бок от блатных. На сходках блатных решалась судьба любого заключенного замешанного в стукачестве. Сами воры в законе за ножи не

брались, это доверяли молодому, начинающему вору (порчаку). Это была проверка на преданность старшим по зоне.

Силы были на исходе. Стоял мороз под 50 градусов. Конвоиры жгли костры, хотя были одеты в полушубки и тулупы. Бригадир и его подхалимы тоже часто были у костра. Планы и проценты выполнения тоже шли на них. Бригадир часто отходил от костра и бил всех палкой. Он кричал:

– Я вам покажу, троцкисты, как родину любить! Изменники!

Степан не выдержал и ответил:

– Это ты родину любишь, лагерный стукач.

Бригадир сбил с ног Степана. Стал избивать. Помогали ему два конвоира. Степан полз к ногам бригадира, и хрипел:

– Бить не буду, загрызу!

На помощь другу пришел Кузьма. Началась свалка. Степан, всё-таки, ухватил бригадира за ногу. Тот стал визжать. Началось избиевание Кузьмы и Степана. Избитых увезли в лазарет. После лечения увезли в спецчасть. Кузьме Терехину добавили десять лет, а Степана Вязьмина расстреляли.

Через какое-то время бригадир «случайно» попал под дерево. Такие случаи частенько бывали на зоне.

Как остался живой Кузьма Терехин? Повезло. В тот год многих расстреляли. Хоронили в общей могиле за отвалом. Вот и представьте, сколько могилек вдоль железной дороги.

Воевал в штрафбате. Был ранен. Воевал до 1944 года. После тяжелого ранения был комиссован. Имеет награды. В 1954 году снова арестовали за антипартийные высказывания. После освобождения в 1956 году остался в Коршунихе.

Комиссии

1939 год. Григорий Лихолетов отсидел два года за мешок муки. Конечно, он не крал её. Кто-то подставил его. Кто-то ночью принес этот мешок в его стайку.

Его отец погиб на границе. Григорий старший в семье. Хотел жениться на соседке Вере. Он только что пришел со службы в армии. В Веру был влюблен мельник, вдовец Жихарев. Конечно, он подставил Григория. После двух лет лагерей его

сослали на пять лет строить железную дорогу от Тайшета до Лены. Ссылных везли в телячьих вагонах ранней весной до таежного полустанка. Потом этапом гнали до старого Братска. Переночевали на краю села, потом через Ангару до Мамыря, а там и до Заярска. Здесь целый месяц разгружали рельсы. Небольшой участок уже был проложен, и по нему бегала дрезина с одним рабочим вагоном.

Ссылных погнали через тайгу, через болота, речки, распадки и горы. Проходили вешки, которые указывали, что здесь будет проходить железная дорога.

Ссылных поселили за лагерем. Здесь уже жили ссылные, которые были сосланы сюда ещё в 1936 году. Работали бригадами. Семейные ссылные селились в деревнях по Ангаре и Илимю. Они хорошо трудились в колхозах и оставались здесь навсегда. Илимская долина давала хорошие урожаи. И нельзя было равнять с голодной европейской частью страны за Уралом с диким и суровым, но благодатным илимским краем. Ссылным молодым и одиноким пришлось остаться на строительстве дороги.

Григория и около тридцати парней распределили в три бригады ссылных. Проверять, как они работают, и не ведут ли агитацию против советской власти, приезжал человек из спецчасти. Как правило, после осмотра, проверяющий и его свита заходили в домик к начальнику. Через какое-то время они выходили оттуда довольные и красные. Помню, когда я работал в газете, то навиделся этих комиссий. Секретарь райкома и его лихая команда посещали какой-нибудь посёлок. На окраине их встречали дамы в кокошниках, с хлебом и солью. Начальство показывало им объекты, а потом шли в столовую, где ждали их запотевшие бутылки и разная закуска. После застолья достойно отмечали в сводках. Чем не жили они в коммунизме?

Бригадиром был маленький, толстенький, подвижный Федя со смешной фамилией Сморгчов. Он любил писать докладные, жалобы на ссылных. На воле он обкрадывал старушек, отбирал последние рубли. На зоне был назначен бригадиром над политиками. Стариков забивал до смерти. Он говорил:

– Они не имеют право жить, потому что это из-за них мы так живем.

Он писал докладные, и просил прислать комиссию. Провинившихся перед Сморчковым, увозили в спецчасть, и добавляли срок.

И вот его назначили бригадиром над ссыльными. И здесь он бегал, что-то вынюхивал. Маленькие, пороссячи глазки так и шарили по лицам ссыльных. Уже троих осудили по политической. А бригадир всё требовал комиссию.

Долго нельзя сидеть. Заедали комары и мошка. Еду готовили в котле на костре на всю бригаду. На каждый день назначали повара. Все научились готовить обеды. Местный житель Иван Шестаков набивал рябчиков. Он жил в селе Шестаково. Отдавал рябчиков ссыльным.

Ссыльные построили для себя барак, где когда-то будет стоять железнодорожный вокзал. Рядом речка Рассоха. В ней и в речке Коршуниха водились хариусы и налим. Варили уху.

Все договорились, чтобы за время работы молчать, когда подходил бригадир.

Как-то бригадир подкатил к Григорию. Обнюхал его и выпалил:

– Всех больше молчишь. Странно. Настораживает. Нехорошо молчать. О чем думаешь? Раз много молчишь, значит, много думаешь. Настораживает. Нехорошо.

Григорий промолчал, но рука крепко сжала топорище. Бригадир, видимо, заметил глаза парня, убежал. Крикнул:

– Мотри у меня!

Вечером бригадир решил ночевать в бараке, чтобы подслушать, о чем говорят ссыльные в свободное время. Некоторые шустрые набросили на голову стукача мешок, и хорошо отделили бригадира. Выкинули за дверь. Он попал в лазарет, где блатные казнили его.

Комиссия каждому ссыльному устроила допрос. Дольше всех допрашивали Григория. Все стоворились на одном. На бригадира напал зверь. А, возможно, его избил шестаковские мужики. Все знали, что Сморчков любитель был ходить по вдовицам.

Отстали от бригады.

Новым бригадиром назначили ссыльного поселенца Булыгина. Ещё в 1933 году он был раскулачен и сослан на север в Якутию. Но дорогой семью сняли и поселили в селе Шестаково.

Бригадир Булыгин Фёдор Иванович с утра собрал бригаду и сказал:

– Вместе будем работать. Мы можем хорошо заработать. Работать всем. Отдельные граждане не будут долго сидеть у костра и чифирить. Ни одна комиссия не прикопается. Глядишь, со многих и ссылку снимут. В труде славен человек.

Начали трудиться на совесть. И деревья валили, и землю убирали, и на пилораме работали. Брус и шпалу готовили.

Потом пошли комиссии. Получился большой заработок. Как это, мол, бывшие кулаки, и так начали работать! Не может быть. Подозрительно. В основном, бригады план не выполняли. Редко кто справлялся с заданием.

Бригадир стал доказывать, что стимул работы для всех бригад – дайте заработать, и не подгоняйте людей, быть добрее к людям, и тогда они всё сделают. Мастера и прорабы показывали наряды – не помогло. Булыгина сняли с бригадирства.

Назначали нового бригадира из бывших мошенников. Ему было назначено пять лет ссылки. Булыгин снова ушел в колхоз. И там он хорошо трудился.

Новый бригадир стал гонять мужиков палкой. Бригада план не выполнила. Прислали комиссию. В чем дело? Ответа не нашли. Никому в голову не пришло, что надо хорошо относиться к людям. И они горы свернут.

После ссылки Григорий Лихолетов добровольцем ушел на фронт. Был разведчиком. Имел награды. Работал в колхозе в Кировской области. Был женат. Трое детей. В 1950 году завербовался на север, в Илимскую тайгу. Места знакомые. Устроился в геологическую партию. Потом работал в бригаде Николая Трифонова плотником-столяром. Мы напару с ним работали. Тогда я и узнал о сложной судьбе Григория Петровича Лихолетова. Ушел из жизни в 1992 году.

Здесь нужны крепкие парни

1939 год. Петр Вахрушев катал тачку, ломал камни, снимал лопатой верхний слой земли, корчевал пни. А тут повезло. Его поставили помощником пилюращика готовить шпалу, брус, доски. Работа тоже тяжелая. Надо подкатить бревна, накатить на тележку, а готовый материал складировать. Рамщиком был вольнонаемный Степан Бубнов. Ещё Петр работал на распиловке бревен вручную. Бревна поднимали на козла. Один с пилой стоял на козлах, другой внизу. Так и пилили. Эти козлы стояли рядом с навесом, где была пилюрама. То она ломалась, то дизель отчего-то глох. А распиловка вручную была самой надежной, и, причем круглые сутки.

Рано утром пришел Степан Бубнов, и принес пачки чая для заключенных. От блатных пришел молодой воришка (парчак). Как оказалось, он в чайной украл ящик пива. Осудили на пять лет. Теперь он на побегушках у блатных. Вольные незаметно приносили на зону и водку. Отказываться приносить – опасно. «Случайно» может придавить бревно.

Степан и Петр сели на брус, и стали ждать, когда включат энергию. А рядом на козлах двое эков распиливали бревно на брус.

За стенкой шел разговор. Там была обогреваловка. В ней находились – мастер с пилюставом. Он же был и электрик. Оба были из бытовиков. На воле один был бухгалтером, и что-то смошенничал, другой был мельником. Тайно продавал муку. Теперь они здесь. В это утро там был офицер части. Говорили о делах. Потом мастер и пилюстав вышли. Остался офицер и парень из мелких уголовников. Через много лет Петр рассказал мне о том разговоре.

Офицер говорил:

– Ещё раз повторяю. Пришло указание сверху. Троцкисты продают страну. Изменники они... Под корень... Мы вас подержим... По всем лагерям страны их уничтожают... На Колыме их пачками... Здесь только тишина.

– Мы их и так катаем.

– Закатайте совсем, чтобы на сто лет вперед помнили. Чай, водка, бабы проникнут к вам. Мы на всё это глаза закроем.

– Будь спок, гражданин начальник, я своим передам. Плохо только то, что старые воры в законе не вмешиваются в это дело.

– Ничего. Мы и с ними договоримся.

В те годы шли поголовные расстрелы, издевательства. Ослабших политических забивали до смерти. Особенно зверствовали конвоиры и офицеры на допросах. А на зоне зверствовали уголовники, душегубы, бандиты. Старые воры в законе не вмешивались.

Работали от зари до зари. От лагерной баланды люди едва двигались. Работали и в 50 градусные морозы. У всех были обморожены и шелушились лица, руки и ноги по несколько раз. Вахрушев не мог понять, как он выжил в те годы.

С ними работал мужичок Порфирий. В двадцатые годы он уже был в этой тайге. Он участник мятежа матросов на Балтике против большевиков. Он строил дорогу от Заярска до Лены.

– Пачками умирали, – рассказывал Порфирий. – По всей дороге могилки. А в тридцать шестом меня опять уцепили, как врага народа. Не отпускает меня илимская сторонущка. Видимо, здесь я сложу свою головушку.

Осенью Порфирия расстреляют. Не выдержал. Ударил лопатой офицера. А пока он ловко управлялся с двуручной пилой. Верховым был на козлах.

Так вот, услышали Петр и Степан откровенный разговор офицера с уголовником и удалились, чтобы не догадаться, что подслушивали. Степан был в полном расстройстве.

– Как же так, Петр? Он ведь офицер. Мне плохо верится, что все политические враги народа. Надо ведь разбираться.

– Меня за что? – возмутился Петр. – Я столяром работал. Думал жениться. На моё место друг мой метил. Донос написал, что я о партии плохо говорил. Мне дали десять лет. Через год и моего друга замели. Он здесь. В другой бригаде. Совсем дошел. Я простил ему. Нас учат друг на друга закладывать. Во всей стране стукачи, а на зоне их ещё больше. Куда мы катимся?

– У нас сосед написал на соседа, а взяли их вместе. Оказались – троцкисты. Смешно? Плакать надо. Я из колхоза ушел в тайгу. Охотник. Неужели, Сталин не знает про всё это?

– Всё он знает, – ответил Петр. – Идет борьба. В этой борьбе попробуй, узнай, кто есть кто? Кто виноват? Лес рубят. А щепки, это сам народ.

Я помню, как арестовали моих двух дядей, а отец был в бегах. Скрывался на севере, меняя фамилия. Однажды, мать сказала:

– Смертушки нет на этого Сатану усатого.

Помню ещё такую частушку.

А ведь её пели.

*Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
Хлеба много не давай,
Мясо не показывай.*

Простой народ не обманешь. Он чувствовал и знал, что что-то не то делается в стране. И ползли по стране «плохие» анекдоты, слухи и частушки. В глубине народа всё было другое. Я родился и вышел из глубин этого народа. И я его хорошо знал и знаю.

Кто-то, видимо, следил за двумя товарищами. «Стукнули» куда надо. Вызвали в спецчасть. За красным столом сидели три офицера.

– Ну, господа, сторонники Троцкого и Бухарина, не успокойтесь? В последнем прыжке мы подошли к коммунизму. А вы, враги народа, мешаете двигаться к светлым вершинам.

Петру Вахрушеву добавили десять лет, а Степана Бубнова на десять лет в лагерь. Отправили их возить тачки, валить деревья, корчевать пни.

Бригада состояла из ста человек. Бригада окружена конвоирами и злыми собаками. Бригадиром был здоровый и рыжий парень. До зоны работал директором магазина. Чтобы скрыть недостачу поджег магазин. Кто-то видел и доложил. Десять лет на зону. После двух лет получил должность бригадира. Заслужил эту должность стукачеством.

– Сторонники Бухарина и Троцкого? – подошел к ним бригадир Иван Дубенок. – На пилораме не сиделось? Я вас научу, как работать лопатой.

– Очень прошу, научите, – ответил Степан и протянул бригадиру лопату.

– Смеяться? Моя работа – следить за вами, мерзавцы, – ответил бригадир, и ударил палкой Степана. Тот ударил бригадира. Началась драка. Подбежали конвоиры. Парней избили. Пришел офицер.

– Прекратить! Мне здесь нужны крепкие парни. Идите и бейте доходяг. Вот когда они станут доходягами – пожалуйста.

Петр и Степан выжили. И в 1942 году были отправлены в штрафбат. Степан погиб под Смоленском. Петр попал в действующую армию. Дошел до Берлина. Имел награды. В 1952 году был сослан в Илимскую тайгу. Строил наш город. Умер 1979 году.

За Веру и Отечество

1940 год. Отец Виктора Юрьева работал в Москве, в министерстве машиностроения. В тот год многих из того министерства арестовали. Отца Виктора арестовали без права переписки. Семью отправили в Игарку. Так, как Виктор был совершеннолетний, его отняли от семьи и отправили до станции Тайшет. Здесь строилась железная дорога до Братска. Молодых, крепких мужиков и парней расселяли по поселкам вдоль будущей трассы.

Так Виктор попал в село Шестаково. Поселили их в бараке с постоянной отметкой в местной милиции.

Если где-то печатали об этой дороге, то ссыльных не упоминали. Их тоже было много. Тысячи. Их отправляли в колхозы, в строящиеся леспромхозы, на валку леса, на строительство дороги, в геологические партии. Работы всем хватало. Работали они отдельно от заключенных. А вот отношение к ним, было такое же, как к политическим. Единственное различие, их не окружала колючая проволока. Сами зарабатывали себе на одежду и на питание. Жили в бараке. Готовили пищу сообща. Весной вскопали землю, и посадили картошку.

Крестьяне, вроде начинали привыкать к ссыльным. Но тут снова начали печатать в газетах о врагах народа. Печатали такие материалы и газета «Илимский партизан». И люди снова стали отворачиваться от ссыльных. Ребятишки бросали камни в окна. Стекла было трудно достать. Окна забивали досками.

Один из ссыльных, некий Протасов, решил провести беседу у магазина. Собрались люди, и он стал рассказывать о том, какие это труженики поселились рядом с ними. Парни, мол, не виноваты.

На следующий день приехали военные с собаками. Всех ссыльных загнали в барак. Начался обыск. Даже всю землю вскопали на огороде. Протасова увезли с собой. Сутки парней не выпускали из барака. Шли обыски. Всё перевернули, изрезали, обстучали стены. Потом ссыльные узнали, что и мастера арестовали, за то, что он защищал ссыльных.

От администрации лагеря, в клубе, когда народ собрался смотреть фильм, произнесли речь о врагах народа. Районная газета тут же откликнулась на этот призыв. После этого люди шараялись при встрече с ссыльными. Вот в такой стране мы жили. Я сам, на себе, испытал «прелести» ссылки. Поэтому я хорошо представляю жизнь тех ссыльных. Да и крестьян можно понять. Кому хотелось попасть в страшные лагеря или в ссылку. Лучше обойти, промолчать. Поэтому и пошла у нас известная фраза: «Ничего не знаю, ничего не видел, никому ничего не скажу». Из многих пожилых людей, прошедших лагеря, до сих пор невозможно вытравить испуг перед возникшим, в дверях квартиры милиционера. Всё это осталось у людей в крови.

Виктор Юрьев и его новый товарищ по ссылке Игорь Волков из города Черемхово, и ещё человек двадцать, строили барак из бруса и щитов. Сказали, что будет расширяться зона. Прибавилось заключенных. С ними работал мужичок лет пятидесяти.

– Я стоил дорогу от Заярска до Лены. Здесь встретил таких же бедолаг. Я свое отбыл. За белых воевал. Потом отправили на Соловки, оттуда сюда. На вечное поселение. Много полегло нашего брата на той дороге. По той дороге ещё казаки ходили. Я на местной колхознице сошелся. Двое детей у нас. Места здесь славные. Жить можно.

Работал с ними и ссыльный священник. Из Ярославля вы-
слали. Сказали, что, где там Радищев ссылку отбывал, а теперь,
мол, вас туда.

– Он при царе-батюшке ссылку отбывал, а мы при советах,
– сказал священник. – Мы служили России за веру и отечество.
Много полегло за веру против антихриста.

– Тише, отец, – прошептал мужичок. – Мы ничего. А человек
всякий тут есть. Кое-куда стукнуть могут.

– Я не боюсь. Бит много раз был. За веру можно и пострадать.
Всё время бояться – великий грех. Время антихриста пришло.
Детишки твои крещены? Могу окрестить.

Повезло священнику. Никто не сообщил. Детей он тайно
окрестил.

Глубокой осенью на строительство прибыли военные. Снача-
ла они посетили зону, когда заключенные были на работе. Потом
пришли к ссыльным. Старший офицер остановился напротив
мужичка. Рядом с ним стояли Виктор и Игорь. И всё слышали.
От офицера пахло водкой.

– Иванов? Жив ещё? Говорят, что у тебя дети? Тоже настаива-
ешь их против советской власти?

– Что вы, товарищ начальник!

– Я тебе не товарищ! – резко оборвал офицер. – В общей шко-
ле, наверное, учатся дети? Проверим.

Другой офицер напомнил:

– Они у него пионеры. У врага и пионеры. Как можно?

– Пионеры?! Всё узнаю. У белогвардейца нельзя быть детям
пионерами! Таким, как ты, на зоне надо быть вечно! А ты ссыль-
ным стал.

И он ударил Иванова по щеке. Со стороны ссыльных раздал-
ся голос священника.

– Не стыдно поднимать руку на беззащитного человека? По-
бойтесь Бога!

– Что?! Кто это там осмелился голос поднять!? – заревел офи-
цер, и даже подпрыгнул. Подбежал к священнику. – Да я тебя,
рыса рваная, изничтожу! Надо же, их огнем и мечом, а они всё
ещё живы!? На каком основании жив? Нет такого права вам
жить! Взять его! Он и здесь против советской власти!?

– Ты, офицер, не советская власть, ты её отрепья. Я за веру и отечество, а ты за кого? Антихристов плесень. Прости меня, Господи! Не выдержал. Прости. Не мог вынести этой алкогольной рожи...

Священник не договорил. Конвоирами он был сбит с ног. На него надели наручники и кандалы. Повезли в сторону лагеря. О дальнейшей судьбе священника не было слышно. Просто исчез.

Иванов сообщил друзьям, что его сыновей выгнали из пионеро-в. Хорошо ещё то, что в школе оставили. Директор школы и учителя заступились. Братья учились хорошо. И такие случаи были, когда учителя заступались за детей врагов народа. Но это было исключение. Было опасно защищать, потому, что можно было и самим угодить на зону.

Барак был готов. Стали ставить вышки. Дело было зимой, среди ссыльных оказался ещё один священник. Вечерами, в темном углу, он долго молился, и ему никто не мешал. Некоторые тоже потихоньку молились.

Опять тот же офицер со свитой посетили барак ссыльных. Зачитали список. Вывели двоих.

– Хотели скрыться? Не вышло. Арестовать!

Их увели. Исчезли бесследно. Священник сказал ссыльным:

– Мужайтесь. Антихрист сгинет. Поверьте мне.

Утром он пошел в лагерь, чтобы культурно поговорить с офицером, и не вернулся.

В 1942 году Юрьев ушел на фронт. Был тяжело ранен. Комиссовали. Работал в Черемхово на шахте 5-бис. Женился. Было двое детей. В 1950 году арестовали. Отбывал срок на Буканке, как враг народа. Строил железную дорогу. Освободили в 1956 году. Встретился с семьей. Умер в 1998 году.

Будущее России

1940 год. Этап, в котором был Петр Гончаров, сгрузили на маленькой станции Тулун. Провели на окраину городка. Здесь была пересылка. Завели в тесный кабинет. Стояли плотно. Петр потерял счет времени. От духоты тошнило, кружилась голова. Под ногами хлюпало. Это была моча. Петр почувствовал, что

рядом человек похолодел. Даже мертвый не мог упасть. Раскрылась дверь, и ворвался ледяной, живительный воздух. Мертвый упал, и по нему прошли заключенные. Это не секрет, что у нас любили издеваться над заключенными, будто это не человек. Я сам испытал такую пересылку, и когда нас выпустили на свежий воздух, казалось, что это самое лучшее в моей жизни время. При перегоне этапа на зону, конвоиры и офицеры превращаются в единую зверскую массу. Описанию такое не подлежит. В глазах у них ненависть. А ещё они любят заключенных сажать на корточки, и держать так до обморочного состояния. Такое издевательство прошли все бывшие заключенные. Не испытывшему такое, не понять, да и не надо. Полное унижение человеческого достоинства.

Загрузили заключенных в крытые машины и повезли. Дорога от Тулуна до старого Братска в те годы, была сплошная колдобина. Потом заключенных гнали по грязи. Машины сломались. Кто падал, били прикладами. Через два дня прибыли в Братск. Здесь они узнали, что их должны были сколько-то километров провезти по железной дороге. Но до них сбежало половина этапа. Они выломали доски в полу вагона, и сбежали. На барже их перевезли на ту сторону Ангары. Потом через тайгу гнали до реки Илим. Слово гнали, правильное для передвижения этапа. Именно так и говорили – гнали этап. За время пути пристрелили троих. Двое сами умерли. Закапывали на обочине дороги. Конечно, тогда автомобильная дорога до Илима была, а там она шла до Осетрово на реке Лена. Может, транспорта такого не было, или ещё что, но этап гнали пешком. Такие случаи были.

На двадцатый день грязные, оборванные, заключенные прибыли в лагерь. Поселили их в не достроенный барак. А вот вышки были надежные, крепкие. Была и натянута колючая проволока.

Как попал на зону Петр Гончаров? Он жил на окраине города Сталиноск Кемеровской области в бараке. С друзьями он ходил на танцы. Иногда собирались у него в комнатке. Играли в карты, выпивали. Петр играл на гармошке. Собирались у барака, и даже пели и плясали. Однажды, в его комнатку, пришли трое в

черных кожанках. У входных дверей стоял «Воронок». Эта машина для арестованных. Начался обыск. Один сказал:

– Бдительные граждане сообщили, что у тебя находится запрещенная литература. Где портреты вождей?

Два дня назад он снял портреты. Их загадили мухи.

В углу комнатки чекисты обнаружили рулон снятых портретов. На полке нашли сборник стихов Сергея Есенина.

– Это буржуазный писака, – сказал чекист. – Почему у тебя нет советской литературы? Нет газет с речью товарища Сталина. Говори, сволочь, с кем связан?

– С лошастью я связан, – ответил Петр. – Я в шахте на лошадке работаю. Уголь отвожу. Савраской его кличут. Умная лошадка.

– Издеваешься? У кого взял литературу?

– У человека. Не у лошадки же я взял.

– У какого человека? Отвечай!

– Человек. А бес его знает. У Есенина есть стихотворение о Руси. Почитайте...

Но он не договорил. От удара он потерял сознание. Очнулся в машине.

Начались допросы. Били. Отливали водой. Снова били. Подумал, что так могут что-нибудь и повредить внутри, и подписал, что он связан с разведками пяти государств. Даже сам предложил, что ещё с какими-то странами связан, вот только забыл их названия. Осудили по 58 статье, пункт 10.

Утром была переключка. Петра Гончарова вместе с двадцатью зэками определили в одну бригаду. Надо убирать косогор вручную. Лопата, кайла, лом, тачка. Политики были брошены на самые тяжелые работы. Косогор убирали для прокладки железной дороги. Проходили и взрывы. Бывал и трактор, но очень редко.

В тот день намечался взрыв. Заключенных заставили лечь за увал. Яшка-взрывник опытный взрыватель. Работал он на Соловках, в Игарке, а теперь вот у поселка геологов Коршуниха. Было заложено пять зарядов. Взорвалось четыре.

– Ты это специально сделал! – кричал офицер. – Давно за тобой заметил. Анекдоты травишь среди рабочих.

– Что ты мне анекдоты лепишь?! – возмутился Яшка. – Погода сырая. Отсырел запал.

В это время на месте, где произошел взрыв, на краю обрыва, появился мальчик лет восьми. Офицер закричал:

– Уходи оттуда! Понаехали сюда ссыльные. Наплодили голытьбу. Ребятишек бы не плодили, твари кулацкие!

Рядом ещё появился мальчишка. Они, видимо, здесь играли.

Петр бросился к мальчишкам. Конвоир, похожий на жука, закричал:

– Вернуть! Вернуть надо! Стрелять надо! Бах!

– Куда, сука, бежать?! – заорал офицер. – Стреляйте!

Согнувшись, Гончаров зигзагами бежал к мальчишкам. Началась стрельба. Гончаров добежал до мальчишек, схватил их, и побежал обратно. В это время раздался взрыв. Петр успел упасть, и своим телом накрыл мальчишек. Потом мальчишки побежали в сторону поселка.

Гончарова повели к офицеру. По пути били прикладами.

Офицера возмутил спокойный и улыбающийся заключенный.

– Я будущую Россию спас, – сказал Гончаров. – Тебе, гражданин начальник, не понять.

За непонятные слова Гончарова снова стали бить. Потом повезли в спецчасть. Петру добавили ещё десять лет, и вернули в свой лагерь.

На одной из проверок, офицер увидел Гончарова.

– Жив, вражина! Если честно, как выкрутился? На этот раз ты спас бы детей врагов народа?

– Точно так бы поступил.

Офицер ударил его, и выбил два зуба. Петр выплюнул зубы и ответил:

– Не понять тебе своими мозгами. Дети? Это будущее другой России.

Петра снова избили и выбросили на снег. Тогда он обморозился и попал в лазарет.

После лазарета опять попал в свой лагерь. Офицер кричал:

– Надо же! Снова живой?! На лесоповал врага! На голод! Без отдыха! И травить собаками!

Петр Гончаров выжил. В 1942 году попал в штрафбат. Два раза был ранен. Имел награды. В 1952 году снова попал на зону по 58 статье. После освобождения трудился в геологической партии.

Главное – молчать

1941 год. Уже летом все узнали, что началась война. Ссылный Иван Селезнев написал заявление, чтобы его отправили на фронт. В спецчасти ответили:

– Здесь работ много. Совесть замучила? Ты сразу перебежишь на ту сторону. Нет пока на вас указания, так же, как и на врагов народа.

Иван работал на стеллажах, которые ещё назывались козлами. Трудился он на пару с бывшим раскулаченным Степаном Бельчиковым. Пилили бревна на брус и доски. Один стоял на козлах, другой внизу. Пильщики назывались так – верховик и низовик. Стояло несколько козлов. Их ещё и стойками называли. Кто как скажет. Брус и доски куда-то увозили. На этих стойках работали хорошие специалисты из ссыльных. Были и пиlorамы. Они работали от дизельных моторов. Для них нужно было горючее, а его надо привозить. А людей много. Текучести кадров не было. Работали здесь и заключенные по бытовым статьям, административные нарушения. Из женского лагеря, он стоял недалеко от Усть-Кута, привозили несколько женщин. Они убирали опилки, рубили сучки, шкурили, готовили для офицеров и прочей лагерной администрации обеды. А те, что моложе женщины, нужны были и для другого дела.

Как-то утром пришел офицер из лагеря с парнем. Видимо, местный. Мастер выстроил бригаду и сказал:

– Нужны три рыбака. Рыба нужна для лагеря, да и нам самим она нужна. Я тут подумал. Даже фамилия подходит. Иван Селезнев, Фёдор Хариусов, а местный охотник Коля Ершов.

Офицер громко засмеялся, и неожиданно прервал смех. Навыкате глаза стали злые. Кличка у него было «Молчать».

– У меня ни-ни. Хоть вы и ссыльные. Я вас проучу! Молчать!

И ушел. Фамилия у него была Кулаков. Чуть что – бил пилицу.

Когда офицер ушел, мастер сказал:

– Рыбаки были. Поставляли рыбу и дичь, собирали ягоду. Женщины из ссыльных готовили варенья. Что-то не так сделали ребята. Их отправили в зону. Срок. Сказали, что хотели отправить офицеров. А если честно. Просто двое обожрались, и их прохватил понос. Всё свалили на ребят.

Утром пошли по берегу Рассохи вверх. Между двумя заводями два переката. Хариус так и плескался. Наловили быстро. Николай Ершов настролял рябчиков. Принесли к зоне. Здесь стоял небольшой домик. В нем жили женщины из заключенных. Всё это отдали им.

– Этого мало, – тихо сказала разбитная дама. – Народ этот прозорливый. Да ещё семьям своим отправляют в Шестаки. Те ребята ходили на речку Коршуниха. Сходите. Там налим есть. И хариуса полно. И сохатые, и олени на водопою ходят.

Парни так и сделали. На Коршунихе крупные рыбины попадались. За поселком геологов Коршуниха ведрами смородину собирали. Разная ягода поспела. Помогали им и ссыльные женщины. Пошли и орехи. Иван Селезнев воскликнул:

– Дивные места! Так и хочется навсегда остаться здесь! Вот только бы нам не мешали офицеры. Всё им мало.

– Мало! – кричал Кулаков. – Тайга всё дает, а вы филоните! Молчать! На Колыму бы вас, вражины! Когда я там был, то ваших врагов народа, как рябчиков, и в общую яму. И откуда вы только беретесь? Молчать! Мору на вас нет! Свинца бы больше надо на ваши затылки! Молчать!

Позверствовал он на Колыме, а началось здесь строительство дороги, его сюда направили. Разбитная бабенка сообщила, что он на Колыме был в расстрельной команде в 1937-1938 годы, когда вышло постановление – избивать на допросах врагов народа и уничтожать.

В 2007 году исполнилось 70 лет тому страшному постановлению. А народ поддерживал. Кричали на всех собраниях – надо больше стрелять врагов народа. Во время войны вот такие Кулаковы были командирами заградительных и расстрельных от-

рядов. О чем они, если живы, рассказывают детям в школах, как участники войны? Конечно, врут и придумывают для себя дру-гие биографии. Да ещё пенсии хорошие получают. Вот они-то и есть враги народа и отменные мерзавцы.

Парни много приносили рыбы, мяса, ягод, орех. Никто их не благодарил искусанных мошкой и комарами. Одежда изорвалась. А тут и морозы начались. Им выдали рваные бушлаты, шапки и бурки, сшитые из рукавов старых бушлатов. В них они обнаруживали голодных вшей. Выпаривали в бане, травили бензином, морозом. Немного это помогало, но не надолго. Вши будто из самого тела появлялись. Вся эта одежда была снята с умерших и расстрелянных людей. Какая разница, лишь бы было тепло. Бедовая бабенка Натка сказала, что вшей выпаривали и в зоне, но она особенно в последний год словно озверели. К беде, мол, вши так полезли. Вот и война приключилась.

Потом, Натку, куда-то увезли. Больше её никто не видел. Конечно, за её откровенные разговоры. Все жалели её.

Ловили рыбу и в Илеме. За 18 километров ходили по морозу. Рыбу возили на санках.

Однажды, Кулаков пришел в новеньком полушубке, и в новых валенках. Сразу начал кричать:

– Поморозили рыбу! Она на свежую не похожая! Молчать!

– Мороз под пятьдесят! – громко ответил Иван Селезнев. – А мы её с Илима везли!

– Молчать! Пусть Хариусов отвечает!

– Морозы виноватые, – ответил Федор.

– Не верю! Специально заморозили рыбу! Молчать!

Начал говорить о сияющих вершинах и о заботе Сталина.

– Конечно, спасибо товарищу Сталину за то, что нас сослал на север. А мы ударным трудом отвечаем. Два налива вытянули, – сообщил Иван. – Разве это не ответ за его заботу о нас? И вам не дадим умереть от голоду.

Кулаков насторожился. Очень тихо спросил:

– Что там про ударный труд? Кто надоумил? Кто? Поп?

– Поп в лазарете. Ему вертухаи руки сломали, чтобы людей не крестил.

– Поделом. Я с вами ещё разберусь. Молчать!

Ушел. Через два дня Ивана и Фёдора сняли с рыбалки. Бригадир сказал, что они на рыбалке стали много думать и рассуждать. Рыбу послали ловить двух глухонемых. Фёдора и Ивана послали на лесоповал.

На следующий год они ушли на фронт. Попали в пехоту. Фёдор погиб под Курском. Иван после войны завербовался с семьей в Илимские края. Остался здесь навсегда. Город строил. Работал в бригаде Николая Трифонова плотником.

Бывали в моей жизни и такие любопытные встречи из прошлого. Шел 1959 год. Работал у нас мастером некий Кушаков. Мой напарник по плотницкому делу. Мы тогда строили 17 дом в первом квартале. Дядя Ваня Селезнёв иногда внимательно приглядывался к этому мастеру, и что-то бубнил про себя.

Мастера можно услышать за квартал. Он кричал:

– Какого чёрта разбросали брус! Во всём должен быть порядок! Молчать! В восьмидесятые мы войдем в коммунизм! Как можно с такими людьми войти в коммунизм? Я вас научу родину любить! Молчать!

И без того большие и навывкате глаза становились злыми. Он сжимал кулаки, и махал руками, словно кого-то избивая.

Однажды он пришел к нам. За ним понуро шел бригадир Николай Трифонов. Видимо, досталось парню от мастера.

– Ты есть бригадир. Ты есть командир. Не перебивать! Молчать! Половина бригады бывшие уголовники. Они и есть настоящие враги народа.

Трифонов в ответ что-то пробурчал.

– У тебя в бригаде есть три бывших политика. Молчать. Я говорю. Они хуже уголовников. Я им не верю. Они прикидываются тихонями. Работают хорошо для отвода глаз. С корнем бы их сволочей. Ты не жалея их. Всех бы их собрать, и в один лагерь. Я бы им показал.

– Кому это ты собрался показывать, убийца, – раздался голос дяди Вани. Все замерли. Такое ответит строгому мастеру! Он был ещё и прораб. В общем, наш главный начальник, от которого зависел наш заработок. Кушаков вздрогнул, и подпрыгнул.

– Что?! Кто убийца? Я? Я всю войну прошел до Берлина. Немец бил.

– Наших людей на зоне расстреливал. Ты есть злыдень Кулаков, а не Кушаков. – В расстрельной команде был.

– Ничего я этого не знаю! – закричал Кушаков. – Кушаков я! Не путайся под ногами, вражина! Мало вас били!

Скрылся за углом дома. Через неделю он уехал.

Да, это был Кулаков. Одного из убийц из тех лет, я увидел. А сколько их по стране! Имели должности, получали хорошие пенсии. И всё-таки, я не завидую им. А что с душой?

Жили надеждами

1941 год. От ссыльных узнали, что началась война. Егор Евстигнеев написал заявление, чтобы его взяли на фронт. Многие тогда обращались в спецчасть для пересмотра дел к отправлению на войну. Она может быстро закончиться, а здесь десять лет с тачкой и ударами палками по спине. Там могут ранить в бою, и ты свободный. А убьют... Да и здесь вряд ли можно выжить.

– На политиков нет указания, – ответил офицер спецчасти Кулаков. Я уже писал о нем. – Ссыльные в пехоту и на передовую. Молчать! Уголовников на передовую. Разговор идет только о политиках. Я бы их всех туда. Сволочи. Молчать! Без них армия управится. Фашистам накрутят хвоста.

Некоторые даже блатные поговаривали о том, чтобы пойти на войну. А тут сиди двадцать лет. Брожение уже в 1941 году началось. Пока на фронт никого не отпускали.

Пока требовали план по лесоповалу, по очистке просеки, по вывозке грунта. К осени никаких указаний по прекращению работ пока не было. Будто забыли о лагерях.

– Молчать! – кричал Кулаков. – Разговорчики! Радуетесь успехами фашистов? Не перебивать!

– Как вам не стыдно? – сказал бывший профессор московского университета Мосальский. – Мы все пойдем с оружием в руках защищать нашу родину.

Кулаков закричал:

– Молчать! Раз вы шпионы от нескольких государств, то вы тайно против нас. Молчать!

Профессора он не ударил. На какое-то время побои прекратились, и это вселяло надежду, что отправят на фронт.

Егор Евстигнеев на тачке отвозил взорванный камень в отвал. Тачка не должна соскользнуть с доски. Они проложены от взорванной породы до начала отвала. И надо ею уметь управлять. Опасно работать в дождь. Колесо соскользнет, и можно упасть вместе с тачкой в липкую глину. Если человек упал, бригадир бьет его палкой, а ему помогали конвоиры. И им плевать, что офицеры на время перестали заниматься мордобоем.

Профессор Мосальский шел с тачкой впереди Егора. Упал вместе с тачкой. Заведен порядок. Никто не должен помогать упавшему человеку. Движение тачек не должно прерываться. Евстигнеев нарушил движение. Неведомая сила остановила его, и он бросился помогать профессору. Тачка осталась на подмосях. Ритм тачек прекратился. Бригадир и два конвоира бежали к ним. Бригадир стал орудовать палкой. Кричал:

– Подлые шпионы! Вредить? Из-за вас я новенькие сапоги замарал. План решили сорвать. Встать антилентная рожа! Думаешь, если очки напялил, так сразу и поумнел? Книжечку читался? Так сразу и храмотный стал? Я из тебя антилентность вышибу! Встать!

Мужиков избили, заставили собрать камни в тачки, и снова за работу. В другом месте тоже кто-то упал. Побои. При этом никто не должен возражать. Ещё сильнее били.

Дождь со снегом шел неделю.

Потом ударили морозы. Одни долбили грунт кайлами, другие тащили тачки. В другом месте взрывники закладывали заряды. Единственный момент отдохнуть. Если была ягода, тут же ели её. Но она голод не утоляла. В 1972 году мы встретились в столовой с Егором Иннокентьевичем Евстигнеевым. Он нежно взял кусок хлеба и сказал:

– До сих пор при виде кусочка хлеба у меня возникает чувство голода. Вспоминается то страшное время. Встретил как-то знакомого. Бил нас отменно этот вертухай. На фронте командовал заградительным отрядом. Он меня не узнал. Он по школам в Братске о своих подвигах на фронте рассказывает. Как-то, даже сюда заезжал. По обмену опытом лекцию о войне рассказывал.

Интересно, о чем он думает, когда остается наедине? Хотя, у этих людей совесть притупилась.

И вспомнился бывшему ээку, фронтовику один день.

Зима. Прошли морозы. Многие обрадовались. Для политиков активированных дней не было. А тут пошел снег.

Часть ссыльных перевели до Братска, и к реке Лена. Их места заполнили заключенные. Некоторые специалисты занялись распиловкой бревен на брус и доски. Два дизеля освещали зону, и давали энергию на пилораму, и на освещение стоек.

Свыше 51 градуса заключенные не работали. Они сидели в полутемном бараке. Люди грелись у единственной железной печки. Здесь сушили одежду, пропахшую потом, обжигали вшей.

Паек хлеба надо было съедать сразу, а иначе украдут. От стен несло холодом. От дыхания людей, прелой одежды, и от земли, стоял туман. И люди, как призраки, медленно двигались по барaku. Свежего воздуха не хватало. Если кто открывал дверь, то клубы морозного тумана врывались в барак, и обжигали много раз обмороженные лица. Кругом кашляли, стонали, несли, неизвестно кому, проклятия, ругались, даже дрались за место у печки. Например, профессор Мосальский, доктор наук, сцепился драться с токарем с завода, из города Черемхово, Максимовым. Он сдался, и уступил место профессору. Егор протиснулся между ними. Друг друга согревали телами. Один из таких дней и вспомнил Евстигнеев, как он тоже дрался за место у печки, чтобы прокалить одежду от вшей. Хоть одну ночь уснуть спокойно. Ночью вокруг печки собирались более слабые, больные. Один заснул, и упал лицом на раскаленную печь. Утром бедолагу увезли в лазарет. Не довели. Умер. Офицер Кулаков ещё этого не знал. Он кричал:

– Молчать! Распоясались у меня! Молчать! Этот специально упал на печь! Пятнадцать лет у него, будет двадцать. Симулянт! Кто ещё просится в лазарет? Устрою.

– Я, – кто-то отозвался от дальних нар. – Ноги совсем онемели. Сердце захолонуло.

– Вот ещё один симулянт. Встать, мерзавец! Молчать! Встать! Филонское племя! Поднять его!

Два вертухая подняли умирающего на ноги, и вывели в мороз. Вечером он умер.

Днем потеплело. Заключение выгнали на работу. Егор Евстигнеев на пару с профессором Мосальским были поставлены бригадиром на лесоповал. Егор возмутился:

– Профессору могли бы что-нибудь и легче дать работу. Он совсем ослаб.

– Туда и дорога, – ответил бригадир. – Храмотность сразу вышибится. Кулакова нет на нево. Терпеть вас не моху ученых и антилихенов. Все вы врахи народа. Без вас бы давно коммунизм построили. Мы тоже храмотны. Хазеты читаем. Всё знаем, чо вы творите в стране. Путь вкальвает.

И пошел дальше искать беспорядки. Два вертухая сопровождали его. Мало ли что случится на трассе с бригадиром.

В 1942 году Евстигнеев попал в штрафбат. Был ранен. Потом его взяли в действующую армию. Имел награды.

В 1956 году с семьей завербовался в Илимские края. Работал сварщиком.

Все мы были в общем лагере

1942 год. Василий Мокеев из села Шестаково шел до поселка геологов Коршуниха. Два года он пробыл в Братске. Ездил на машине, где прокладывали железную дорогу. По ней уже ходили старенькие паровозы и дрезины.

И вдруг прекратили строить дороги. Василий услышал, что стали снимать рельсы и увозить на запад. Такую же дорогу строили и от Хабаровска. И там тоже убирают рельсы.

Ссылный, бывший геолог Прохор Стрельцов работал там. Потом он с группой ссыльных был отправлен на машине до станции Невер. Сюда и свозили рельсы. Потом в телячьих вагонах ссыльных доставили до Иркутска. И теперь, он и несколько ссыльных были назначены в геологическую партию – искать железную руду. Геологов, и тех, кто искал железную руду, на фронт не отправляли. У всех у них была «бронь». Стране нужна была железная руда, а здесь намечались целые горы этой ценной руды.

Василий Мокеев написал два заявления, чтобы его взяли на войну. Ему отказали. В военкомате только плечами пожали. Ссылными они не командуют. Это другая контора. Так что кто из ссылных уходил на фронт и хорошо воевал, а потом погиб, на обелиске в нашем городе он не числится. Они нигде не числятся. Их имена вообще стерты. Много заключенных и ссылных ушли на фронт из Братского и Нижнеилимского районов. Количество неизвестно. Ведь они тоже воевали и внесли свой вклад в общую победу над врагом. Сколько погибло – тоже неизвестно.

Ссылных собралось человек двадцать. Их отметили в милиции и направили к геологам. Василия Мокеева и ещё двух парней придали геологу Звягинцеву. Привел он их в поселок Коршуниха. В их группу попал и Прохор Стрельцов, и Коля Брыкин. Поселок Коршуниха. Барак, баня, домик для геологов, барак для рабочих, продуктовый ларек, и конюшня, построенные ещё в тридцатые годы.

– Кто здесь в такой глуши всё это построил? – спросил Василий.

– До геологов здесь стоял домик. Жил в нем охотник Кузьма Бутаков. Он и передал всё геологам. Теперь вот вы здесь будете обживаться. Некоторые ссылные начинают закладывать свои дома. Где-то надо жить.

На следующий день они вышли к руде. Она здесь выходила на поверхность. Звягинцев и Прохор Стрельцов что-то отмечали на местной карте, записывали в блокнот.

Жили ссылные в бараке. В субботу топили баню. Из парной люди прыгали в бурную речку Коршуниха. Высоченные горы, обросшие тайгой, ягодными кустарниками не давали ходу изнурительной жары. Рыба хариус так и плескалась. Под гладкими камнями таились налимы. Грибов столько, хоть ведрами собирай.

– Благодатные места, – сказал Василий Мокеев. – Разве можно такие места покидать. Тоже здесь начну строить избушку.

К ним подошел охотник Николай Ершов. Он здесь давно ссылку отбывает.

– Вам повезло. Здесь ещё есть ссыльные. Они отмечаются в лагере. Есть у нас офицер Кулаков. Бойтесь его. Зверствует.

К осени, когда ударили морозы, Василия Мокеева и его друзей Прохора Стрельцова и Николая Брыкина перевели в бригаду лесорубов. К ним прислали ссыльного Ивана Селезнева.

Через три дня на лошади приехал офицер спецчасти Кулаков. Холёный, подтянутый, пропахший одеколоном, в новом полушубке и новых валенках. На круглом лице выпученные глаза.

– Новички. Руду искали? Молчать! Лодыря гоняли! Рожи наели! Молчать! Я вас быстро ухую. Мироеды! Буржуазные отпрыски!

Василий решил возразить. Обидно, всё-таки.

– Какие мы мироеды? И не буржуи мы. Я на шахте работал навалотбойщиком. Беднота.

– Молчать! – затопал ногами Кулаков. – Замордую! Бедноту не высылают! За дело сослали. Будешь выступать – в лагерь. У меня не забалуete. Молчать!

Иван Селезнёв загородил собой Василия, и прошептал:

– Только не перечь. В лагерь может загнать. У них есть такое право.

Кулаков орал:

– Выступать? Новички? Молчать! Скоро на фронт пойду. Я таких сволочей, как вы, в атаку поднимать буду. Под пули. Мало вас на Колыме щелкали. Молчать буржуйское отродье!

Ещё минут пять он кричал, а потом пошел в другую бригаду. Вертухай вел за ним лошадь.

– Откуда такие люди берутся? – спросил Николай Брыкин.

– Здесь его земляк был. Всё о нем рассказал. Его расстреляли по приказу Кулакова. Этот Кулаков в деревне не хотел работать. Пошел в комиссары. Хлеб отбирал у колхозников. Раскулачивал. На Колыме был в расстрельной команде.

Небольшой участок железной дороги был у деревни Избушечная (Хребтовая).

Заключенные сняли рельсы. Погрузили на машины и куда-то увезли. Сейчас рельсы необходимы для войны.

Как-то пришел бригадир Иван Селезнёв. Собрал бригаду. Сообщил:

– Война не на шутку идет. От нас, от бригады, сколько-то возьмут на фронт. Я сам написал заявление. Политики просятся на фронт. Кстати, от офицеров и вертухаев ни одного. Им с заключенными легче воевать.

– Я и говорю, что что-то не то в стране, – сказал Василий Мокеев. – Будто все мы в общем лагере. И некуда вырваться. Хоть бы на войну пойти. Там, вот он, враг. Тут тоже враги, да не те. Свои враги. Там будет всё ясно.

– Тише, Василий, – сказал Селезнёв. – Стукачей много.

Бригада Селезнёва валила лес. На стойках пилили бревна на брус и доски. Ночевали в бараке в поселке геологов. Ужин готовили сообща. Охотник Николай Ершов снабжал мужиков мясом.

Колхозники помогали мукой, солью, молоком. Ссылные и рабочие геологической партии помогали колхозникам косить траву. Вдоль речки Коршуниха стояли стога сена для колхоза.

В конце года Василий Мокеев и его друзья уехали на фронт.

В 1952 году шахтера Мокеева арестовали за то, что он начал критиковать парторга шахты. Осудили на десять лет, и отправили строить железную дорогу от Тайшета до Лены. Знакомые места.

Женился на лагерной поварихе. У них родился сын.

В 1956 году освободили. Жили мы с этой семьей на Камском переулке, в одном доме, через стенку.

Работали мы с ним плотниками в одной бригаде.

Оба они играли на гармошке и пели. Вечерами люди собирались возле нашего дома, послушать, как они хорошо поют. Весёлая и дружная семья была. Они ушли из жизни в один год.

Правду тяжело писать

1942 год. Степан Корнев уже два года на зоне. Осудили его на восемь лет. Работал он в сельском магазине продавцом. А ведущий магазином был юркий, толстенький с чудной фамилией – Шабашкин. Перед ревизией магазин сгорел. Шло расследование, и Шабашкин обвинил в этом Степана. Корнев ничего не брал. В те времена какая-то записка-анонимка решала судьбу

человека. Вот и попал Коренев в Илимские края, в Коршуновский лагерь. Да и самого Шабашкина прихватили сюда на восемь лет.

– За что?! – орал Шабашкин. – Я вам помог разоблачить вора! Я честный, благородный и послушный гражданин!

К тому же, он получил две хорошие пощечины.

Шабашкин тоже катал тачку. Он и начальнику, мастеру и бригадиру говорил, что он послушный гражданин.

Шел 1942 год. Некоторые заключенные уже отправлены в штрафные роты. Я знал одного штрафника. Имеет много наград, но нигде не отмечен. Он нам ещё в шестидесятые годы говорил, что в фильмах и в литературе искажают войну. Она была другой. Мы ему не верили. Правда, сомнения у меня закрадывались. Помню, как без проверки пришло письмо с фронта от моего дяди Васи. Они сидели в окопах грязные, голодные, и были у них вши. Кто напишет об этом? В кино показывали немцев, чуть ли не дураками, а они до Москвы дошли. Как это можно было понять? В самые трудные места бросали штрафные роты. Порой одна винтовка была на троих. Шли в бой. И в этом бою, если оставался живой, добывал себе оружие. О настоящей войне кроме фильма «Штрафбат» пока ничего нет. Правду тяжело писать. Не писали правду и о том, как строили эту железную дорогу. Кто о них расскажет? Никто. Ведь они тоже славно воевали.

Как-то утром в сентябрьский день на переключку явился знаменитый офицер из спецчасти Кулаков. Я уже несколько раз писал о нем, о страшном человеке того времени.

– Вчера никто не выполнил план. Молчать! Страна ждет от вас ударных темпов. Где они? Спрашиваю. Где они? Молчать!

– Гражданин начальник, – подал голос Шабашкин. – Я очень послушный гражданин. Вы только скажите...

– Молчать! Опять ты, Барабашкин?

– Шабашкин, гражданин начальник, и я очень послушный. Я работал завмагом. Меня подставили. Продукция – моя стихия.

Кулаков стал громко смеяться. Потом неожиданно захмурил.

– Молчать! Тачка разве не твоя стихия? В общем-то...Вон как глазенки-то бегают. Значит, мошенник и плут. Конвойный, уведи этого злыдня в мой кабинет. Пусть отмоют, и дадут об-

мундирование. Мне он пригодится. Такие плутишки бывают и нужны.

– И на фронт меня, – сказал Шабашкин.

– Молчать! На складе будешь работать. Твой фронт с крысами.

Шабашкина поставили ближе к продуктам. Попал он в взвод. Все они здесь были в прошлой жизни завскладами, завмагами. Идиотский прием. Все они будут следить друг за другом. Чуть что – докладная. Мордобой, и тачки катать или на лесоповал. И никто ничего не украдет. В благодарность – всегда хороший обед начальству. Тут уж все хором постараются.

Кулаков на речь извелся.

– Страна послала вас на ответственный участок. Материалы нужны для фронта. Молчать! Не перебивать! В это время товарищ Сталин проявляет максимум заботы о вас, а вы филоните, не отвечаете ударным трудом на его заботу.

Тут он загнул о заботе вождя о эзках. Степан Коренев на всю жизнь запомнил те слова офицера Кулакова. Даже два офицера, стоящие рядом с ним, переглянулись. Кто-то из эзков сказал:

– Нам бы нужна его забота о питании. Форму износили.

– Молчать! Кто это там? Сюда тащите!

Вытолкнули исхудалого мужичка в рваном бушлате.

Его подхватили под руки и куда-то потащили.

Кулаков и офицеры ушли. Через два дня Кулаков исчез. Прощел слух, что его отправили на фронт. Конечно, он попадет в расстрельную команду. Стукачи были и среди офицеров.

Заключенные обсуждали между собой положение на фронте. Надеялись, что за такие разговоры кто-нибудь стукнет, и пошлют на войну. Таких «говорунов» вызывали на допрос. Били, а потом отправляли на фронт. Потом, видимо, хватились. Кто будет работать? Стали просто избивать, и сажать в карцер на кружку воды, и кусочек черствого хлеба. Но «говорунов» не уменьшалось. Конечно, более не послушных, прошедших несколько раз карцер, побои, отправляли в штрафные роты. Можно только представить, сколько было этих рот. Я знаю некоторых фронтовиков, особенно старшие офицеры, приняли фильм «Штрафбат» в штыки. И никто ещё конкретно не знает, сколько погибло

людей в этих ротах и батальонах. Мы не забываем ту страшную войну. Не забываем День Победы. Почему мы должны стереть из памяти штрафные роты, сибирские концлагеря, расстрелы невинных людей? Почему? Кому-то это выгодно? Мол, зачем ворошить? Тогда зачем ворошить про войну и её участников? Давайте всё забудем. Хоть и тяжело писать правду, а надо.

Кулакова заменил высокий и худой офицер. На его лице постоянно была улыбка. Прибыл он сюда с Колымы. Лагерная молва всегда точно фиксировала факты, поступки людей. Харченко отменно зверствовал на Колыме. Бросили сюда, чтобы он навел порядок.

Мороз свыше пятидесяти. Люди сидели вокруг печи. Вошел Харченко. Нежно улыбался. Огляделся и сказал:

– Рады? У меня на Колыме в такие морозы все работали. Стране нужен лес, а вы сидите и радуетесь. На фронте в любой мороз...

– Мне бы лучше на фронт, – кто-то перебил его. Харченко ещё сильнее заулыбался: – А ну подь сюда! На фронт захотел?

Вышел тощий мужичок. Улыбаясь, Харченко отхлестал мужичка своими белыми ручками. Даже за горло подержался.

– Я тебе покажу фронт! Я для вас фронт, вражины! Здесь фронт!

Мужичок не сдавался.

– Я на фронт заявление написал. Я буду лучше родину защищать, чем здесь торчать, и разглядывать твою рожу.

Харченко чуть не подпрыгнул. Дико оскалился и закричал:

– Конвой! Взять паршивца! В бараний рог согну!

И стал бить мужичка по щекам. Но тот изловчился и нанес удар. Офицер так упал, что даже ноги задрал. Мужичок плюнул на офицера. Мужичок отбивался от вертухаев, но те одолели его, и связали. Он исчез бесследно. Харченко страшно удивлялся. Его даже на Колыме не били. А тут, вдруг в каком-то Коршуновском лагере ударили по улыбчивой роже. Степан Коренев на всю жизнь запомнил того худенького мужичка.

Через месяц Степан Коренев был отправлен на фронт, в штрафную роту. Два раза был ранен. Потом был разведчиком. Войну закончил в Праге. Имеет награды. В 1952 году завербо-

вался в Илимские края. Остался здесь навсегда. Иногда приходил ко мне. Потом он куда-то уехал..

Подвиг Шубина

1943 год. Строительство железной дороги прекратилось ещё в прошлом году. В этом рельсы увезли на заводы на переплавку. Многих заключенных отправили в штрафные роты. Ссылные тоже уходили на фронт. Многие лагеря опустели. Но работы не прекратились. Страна большая. Этапы политических занимали места ушедших на фронт. Через несколько месяцев их тоже отправили на войну.

Игорю Бархатову пришло время, идти на войну. Отец погиб под Москвой. Мать работала в шахтерской столовой посудомойкой.

Игорь был старшим в семье. Кроме него было два брата и сестра. Игорь работал в шахте кононом. Потом стал трудиться навалотбойщиком. Получал восемьсот грамм хлеба. Для такого времени это был приличный паек.

Один из мастеров стал ухаживать за матерью. У него была своя машина, большой дом. Жена у него была худенькая, забитая женщина. Он её потихонечку бил. Он коммунист, член парткома шахты. Однажды, Игорь пришел домой, чтобы показать повестку на фронт. Мастер в это время приставал к матери. Игорь избил мастера и выкинул на улицу. Ночью за ним приехали военные. Увезли в Иркутск. Оказалось, что Игорь враг народа. Осудили на десять лет. Под Тайшетом грузил рельсы на платформы. Потом он попал в Коршуновский лагерь. Гнали их пешком от Заярска несколько дней. Пешие этапы тоже были.

Создали новую бригаду. Бригадиром назначили бывшего уголовника Федю, по кличке Клюшка. Отменный туняец. Умудрился до тридцати лет нигде не работать. Отбирал у старушек сумки с продуктами. На зоне проявил себя, как все такие мелкие воришки, подхалимом перед начальством и перед блатными. Начальник спецчасти поговорил с ворами в законе. И те предложили в бригадире Федю. Политикам не доверяли руководить бригадами. Федя, мол, ради лишней чашки баланды, заставит

работать политиков. Такое было. Начальство считалось с ворами в законе. Они не работали. Следили за порядком, проводили сходки, где решалась судьба многих. Произносились приговоры виновным.

В те годы политических за людей не считали. Просто они были рабами. Любой шнырь (хулиган или мелкий воришка, порчак), мог убить «врага народа». И ничего ему не было. Униженные, оскорбленные, постоянно битые всеми, бывшие профессора, ученые не могли слово сказать в свое оправдание. Обокравший старушку, укравший у старика трешку на пиво на воле, необразованный, абсолютно безграмотный, на зоне стал командовать этими людьми.

Утром Федя Ключка после переклички повел бригаду к рабочему месту. Расчищали место, куда будут складировать бревна. А ссыльные пустят их на распиловку под брус и доски. Ключка взял за правило: перед работой выстраивал бригаду в две шеренги и что-нибудь болтал.

– Слушайте сюда! Троцкисты и шпиёны. Я вам тут всё. Страна послала меня и вас на строительство...

– Никто тебя не посылал, брат вертухаев, – ответил один из эзков. – Ты сам шпион от Антарктиды.

– Я шпиён?! Шубин, выходи! Какой я тебе шпиён? Откеда ты знаешь, что я от Ататиды? Там негры живут. Я ведь не негр. Из-за вас мы так бедно живем.

Шубин, крепкий малый, рыжий, веснучатый. Он ответил:

– Не из-за меня, вертухай, а из-за правителей. Был я на Финской войне. Много погибло наших из-за глупых приказов начальства.

– Ты чо молотишь?! – затишил голос Ключка.

– Таков уж я есть. За слова мои, что мы войну проиграли с финнами – не откажусь под пытками. На это вы мастера. Да про такую войну каждый наш солдат знает. Чего скрывать-то?

Нам вдальбивали в головы, и все молчали. Неправда. И анекдоты ходили на наших правителей. Даже тайно приходили письма с фронта, как по глупости гибли целые роты. Сейчас фронтовики об этом не расскажут. Они только о подвигах рассказывают, как они отменно воевали. Настоящей правды о

войне ещё нет, так же, как нет правды о сталинских лагерях при строительстве железной дороги от Тайшета до Лены и со стороны Хабаровска. Показали правду в фильме «Штрафбат». Нашлись такие люди, кто закричал, что такие фильмы нельзя так рассказывать о войне. А то, что десятилетиями врал – можно. Показали фильм по рассказам Варлама Шаламова о колымских лагерях «Завещание Ленина». Некоторые подняли вой. Стоит ли, мол, ворошить? Тогда давайте прекратим врать о войне, и молчать о сталинских лагерях. Надо рассказать правду о тех, кто строил эту дорогу и город. В память безымянных могил, о тех, кто погиб и кто выжил.

Клюшка ударил палкой Шубина. Хотел ещё ударить, но его руку перехватил Игорь Бархатов, а Шубин взял эту палку и сломал. Потом ударил бригадира, и тот стал визжать.

– Убивают чеснова гражданина и труженика. Спасите честную душу от врагов народа!

Подбежали конвоиры, и стали избивать Шубина и Бархатова. Очнулись они в карцере. Посадили их на кружку воды и на сто грамм хлеба. Баланду не давали. Водили на допрос. Бархатов до сих пор помнит тот момент. Однажды, избитого Шубина бросили на ледяной пол карцера. Разбитыми губами он прохрипел:

– Но и им от меня досталось. Век вертухаи будут помнить.

У Бархатова добивались, что ему говорил Шубин. Его каждый день водили на допрос. Потом избитого Шубина бросали в карцер. Он улыбался, и говорил:

– Им тоже от меня досталось.

Как-то Шубина увели, и больше он не возвращался. Один из вертухаев сообщил, что его расстреляли перед строем. Он улыбался и поносил наших правителей, советскую власть и Сталина. Так погиб настоящий герой того времени. Где похоронен – неизвестно.

После карцера Бархатова отправили в бригаду Клюшки.

– Чья, правда? Одного уже все! Всех вас уничтожить, и сразу станет легче жить, – сказал Клюшка.

Игорь ответил:

– Останутся в стране одни молчуны и подхалимы. И такие ублюдки вроде тебя. Представляю эту страну, управляемую

теми, кто ненавидит собственный народ. И к чему мы придем? Тебе, вертухай, не понять.

Ночью Бархатова повели на допрос. Избили и бросили в карцер. Потом снова допрос. Карцер. Через месяц непослушного заключенного отправили на фронт в штрафную роту. Бархатов и здесь выжил. В 1950 году снова арестовали. Отправили строить железную дорогу.

В 1956 году освободили. Ему некуда было ехать. Все родственники умерли. Остался в Коршунихе. Работал в моей бригаде плотником. На каждом собрании критиковал современную социалистическую систему. Мечтал о её падении. Не дождался. Умер в 1978 году.

Есть ли душа у вертухая?

1943 год. Опираясь на тросточку, Иван Николаевич Березин искал место, где бы сесть. Ещё в шестидесятые годы мы работали с ним в одной бригаде плотников. Ещё в те годы я знал, что он из ссыльных. Писать об этих людях нельзя было. О комсомольцах надо было писать. Все интересные случаи я потихоньку собирал. И вот мы встретились с Иваном Николаевичем. Он мне рассказал об удивительной жизни ссыльных.

Иван Березин отбывал срок в Тайшете. Был бит, голодал, кормил вшей. Просился на фронт, но почему-то его не взяли. Возможно, из-за худобы. Был он отменным доходягой. И вот его освободили, и отправили в ссылку в Илимские края. Начальник отряда оглядел доходягу Березина и сказал:

– Я бы вас всех расстреливал. Не даёте коммунизм построить. На войне вас отправлять в самое пекло, или на зоне навечно.

Березин молчал. Начальник вынуждал Ивана на конфликт. Одна была мысль у Ивана – молчать. Надо выдержать. Могут оставить в лагере. Добавят срок.

– Что молчишь, вражина! Отвечай!

Березин молчал. Начальник в ярости.

– Все вы такие! А сами готовы в горло вцепиться.

Терпеть, только терпеть. Надо выжить.

Начальник кричал, оскорблял. Иван молчал.

– Пошел вон! – закричал начальник. – В ссылку тебя! Там на сотни километров один охотник. Там одни медведи. Глухомань.

– Вот туда мне и надо, – наконец, ответил Иван.

Начальник засмеялся.

– Всех бы вас в такую глухомань, чтобы не мешали строить коммунизм. Пошел вон в глухомань!

Освободили ещё несколько человек. Были направлены в глухие места на десять лет ссылки. К этому времени его отец погиб где-то на Колыме. Мать умерла с голоду. Шестнадцатилетний брат пошел бродяжничать по стране. Больше Иван никогда не встретится со своими родными. И таких судеб в те времена были миллионы. Прошедшие лагеря, побывавшие в штрафных ротах, дети врагов народа не ходят с портретами Сталина. Это те, кто стоял у партийной кормушки, крупные офицеры, а также те, кто стоял на охране, или были в расстрельных командах. Ходят с портретами также начальники-молчаливники, одуроченные пропагандой рабочие и крестьяне.

Довезли до деревни Избушечная (Хребтовая), и через тайгу пригнали в Коршуновский лагерь. Среди фронтовиков были и вертухаи-убийцы. Если они выжили, то о чем они рассказывают молодежи при встречах в школах. Я знал такого. Он был на охране заключенных. Зверский был мужик. Служил в заградительном отряде. Пострелял на славу бедных штрафников. Неожиданно у него проснулась совесть, что редко бывает у таких людей. И он в 1962 году застрелился. Это исключение. Видимо, психически не выдержал. А в основном, эти люди с железными нервами. Он как-то признался мне, что на нашей стройке такие люди есть. Просто они затаились. Я всё время думал, а если у вертухая душа? Вряд ли.

Пятерых мужиков отправили в Шестаково помочь убрать картофель. Вместе с колхозниками собирать колоски. Среди пятерых был и Иван Березин. Помочь колхозникам – святое дело. Иван хотел на войну, чтобы смыть позор кровью. Да и какой позор? Отца арестовали по 58 статье без права переписки. Ивана исключили из школы. Он пошел в райком партии. Отец у него был коммунистом. В райкоме он сказал:

– Кто это делает, тот и есть сам враг народа.

Ночью его арестовали.

От Шестаково на пароходике он добрался до Нижнеилимска и пришел в военкомат. Там был добрый начальник. Хотя в долготу Иван не верил.

– Знаешь, Иван, – сказал военком, – рад был бы тебя отправить. Мы только что отправили группу молодежи. И ты бы с ними. Перелом в войне есть. Ты и так много пережил. А за прогул могут и в зону отправить. Я напишу повестку тебе, будто ты был вызван в военкомат. Ссылных, хороших специалистов мы оставляем. Они очень хорошие труженики. Нам тыл надо укреплять.

Иван вернулся в Шестаково. Передал повестку в спецчасть.

– На фронт захотел? – вкрадчиво спросил новенький начальник спецчасти. – Разбаловались тут. На зону захотел?

– До вас начальник был не добрый, – ответил Иван. – А вы добрый, спокойный, и не материтесь.

– Да я добрый и очень спокойный, – ответил начальник, и тут же ударил Ивана. Он упал. – Я очень добрый. На Колыме таких людишек, как ты в общую яму бросали. Разбаловались тут ссылные. Заключение уже прижали. Сейчас и вас начнем утужить. Значит, я добрый? – нежно улыбнулся начальник, и очень тихо сказал: – Слух прошел, что у нас нет души. Зачем она нам? По идее, мой хороший, мы все – вертухаи. И тогда зачем душа? Это у вас у всех есть душа, вот поэтому вы и здесь. Душа – ахинея. Значит, умничаешь? Нехорошо умничать. Не положено вам умничать. Я вам тут всё. Я сам здесь для вас душа.

Он ещё два раза ударил Ивана. При этом сказал:

– Вот и вся душа. Теперь можешь идти.

Иван валил лес, на стойках распиливал бревна на брус и доски. Всё это увозили на лошадях до деревни Хребтовая.. А там везли до Заярска. Сказали, что стране нужен строительный материал для восстановления городов. Надо было выполнять план. Платили деньги.

У некоторых ссылных появились семьи. Поселились они за селом Шестаково. Даже начали ставить домики в поселке геологов Коршуниха. Иван женился на местной колхознице, и тоже стал строить дом. Жена родила сына.

Потом Иван что-то не то сказал. Кто-то на него стукнул. Ивана опять арестовали. Пытали. Добивались признания, что он где-то прячет запрещенную литературу. Осудили на пять лет.

После освобождения вернулся к семье. И он с новой силой взялся достраивать дом. Жена родила ему ещё сына и дочь.

Ушел из жизни в 1999 году.

Лагерная страна

1944 год. Виктора Ванина не взяли на войну. Комиссия забраковала. Правая рука сломана, и неправильно срослась. Правил её пьяный фельдшер. На зоне он был конюхом, а по совместительству лечил заключенных. Врач из лазарета дядя Степа был удивительная личность. После лагерей – ссылка. Потом он будет первым стоматологом на Коршунихе. Старожилы его помнят. У меня заболел зуб, и я боялся к нему идти. В 1959 году он мне зубилом долбил коренной зуб, разворотил десну.

А руку Ванину сломал вертухай Семенюк. Как-то он на кухне обожрался, и его прохватил понос. До этого он охранял продуктовый склад. И вдруг, его отправили охранять заключенных. Обида захлестнула закоренелого вертухая. Боялся похудеть. На животе не сходилась ни один армейский ремень. Бил всех подряд. Виктору сломал руку.

– Сволочи! – орал Семенюк. – Охраняй вас тут! Такое место потерять! Лодыри! Шпиёны Гитлера!

Похудел бедный. Ремень подтянул. Работа ведь нервная. Охраняй, силы тратить на крики и побои. Другой раз надо и выстрелить в доходягу. Хорошо ещё то, что на войну не отправили. Начальник сказал, что он ни в один окоп не влезет. Теперь он похудел. Могут и отправить. Будешь здесь злым. Пусть политики, да уголовники идут воевать. Ему и здесь хорошо. Обут, одет, сыт и власть над людьми. Так бы и служил до пенсии. Все, кто был в администрации колонии, воевать не хотели. У них здесь война с врагами народа, да с уголовниками. Плохо то, что паек урезали. Можно и с таким пайком жить. Меня всегда интересовал вопрос, кто подбирал кадры на зону и в заградительные отряды? Осталось загадкой. То, что подбирали верно, это точно. Люди

эти безжалостные, грубые, продажные, с низким интеллектом. И как же их подбирали?

Виктор Ванин попал в бригаду мелкого уголовника по кличке Ключка. Срок получил за то, что обворовывал бабушек. Я уже писал о нем. Он любил издеваться над заключенными. Перед работой речи толкал.

Бригада заготавливала дрова для лагеря, на стойках пилили бревна на брус и доски. Железную дорогу к этому времени разобрали. И трасса давно заросла.

Бригадир выстроил бригаду и решил произнести речь.

– Наша армия немчуре хвоста накрутила. А я тут из-за вас мучайся. Троцкисты. Был бы чичас на войне, и глядишь, орден бы получил.

– С нами вертухаем стал, – вставил кто-то.

– Кто гавкнул? Выходи! – закричал Ключка.

Никто не отозвался. Бригадир всех стал бить палкой. Это деревянное оружие в те времена на зоне было у каждого бригадира. Зверства над политиками даже поощрялись. Дисциплину и порядок, мол, поддерживают. Такого ээка могли втоптать в грязь. Мой дядя по матери, Иннокентий Максимов, рассказывал, как издевались над политиками. Я многое от него тоже узнал. Второй дядя по матери, Георгий Максимов, был расстрелян на этой дороге.

Не добившись признания, бригадир погнал бригаду на работу. Виктор Ванин был приставлен на обрубку сучьев. Жара, мошка, комары, головокружение от голода. Пальцы на топориче не разжимались. Откуда силы брать? Баланда, пахнущая не свежим мясом, кусочек черствого хлеба в сутки, кружка бледного чая чуть подслащенного сахаринном.

Зачеты по трудовым дням на политиков не распространялись. Да об этом никто и не думал. Бригада с планом не справлялась. И палка бригадира не помогала.

Пока вербованных на этой дороге не было. Ссылные работали отдельно. Немного зарабатывали на одежду и еду.

На пару с Виктором работал Николай Иванович Швецов, бывший советский руководитель из Ярославля. На правой ноге у него не было пальцев. Этой зимой обморозил. Чтобы никто не

видел, он голый ногой наступил на рельс. Попал в лазарет. Пальцы отняли. Хоть месяц отдохнул. Кто-то об этом доложил. Могли бы, и расстрелять за членовредительство. Добавили пять лет. После лазарета его направили на лесоповал. Некоторые рубили пальцы на ногах и руках, чтобы попасть в лазарет, и немного отдохнуть от каторжного труда. Виктор не пожелал увечить себя. Решил выжить. Вот только ныла сломанная рука.

– Слушай, Виктор, – обратился к нему Николай Иванович, – ты я вижу мужик толковый. Не выдержу я. Силы от тебя и беру. Не порядок в нашей стране. Я ничего плохого не сделал. Многих на Колыму. Честных людей. Страна опоясана лагерями. Неужели все вредители? Кто-то же это творит. Наш вождь должен про это знать. Лагерная страна. Наш бригадир Ключушка, лагерное начальство. Какими глазами они будут в будущем смотреть своим внукам, что им рассказывать?

– Они скажут – выполняли приказ, – ответил Виктор.

– И этот приказ идет сверху.

– Разговорчики! – крикнул бригадир. Он был почти рядом. За ним был старший конвоир Семенюк. Он закричал: – Всё вам не так! Чо там с самого верху? Отвечай! – И стал избивать Швецова. Виктор вмешался. Он отобрал палку у бригадира, который тоже бил Швецова, и два раза ударил Ключушку.

– Ратуйте! Убивают! – завизжал бригадир. На помощь подкатился Семенюк, и прикладом винтовки ударил в плечо Виктора. Острая боль, и Виктор упал.

Потом их утащили в карцер. Он находился в подвале. Стены из толстых бревен, вкопанных в гору. Каменный пол. Сыро, холодно. Через три дня их отправили в лазарет. Воспаление легких.

Осенью Николай Иванович умер. Виктор навсегда запомнил имя своего напарника. С новым товарищем на самодельных саночках подвозили бревна к стойкам на распиловку.

– Слушай, Ванин, – как-то к нему обратился бригадир Ключушка. – Ты был другом доходяги Шевцова. Чо он перед смертью в лазарете сказал. Мы живем в лагерной стране. Чо это?

– Где мы живем? – спросил Ванин.

– Как где? В стране Советов. Если бы не вы, мы могли бы жить богато.

– С тобою обкраденная старушка тоже жила бы богато?

– Заглохни, вражина! Кое-куда капну. А для меня почесть.

– Лишняя чашка баланды? Много их заработал?

Бригадир замахнулся палкой, а Виктор сжал топор.

– Ты у меня пойдешь в карцер! – завизжал бригадир.

На другой день Виктора повели на допрос. Спрашивали, что такое лагерная страна.

– Вы подумайте на досуге, что это такое.

Увезли на пересуд. Добавили ещё пять лет.

Только в 1954 году Виктора Ванина освободили. Определили ссылку. Так и остался навечно в Илимских краях.

Их бьёшь, бьёшь, а они плодятся

1944 год. Семнадцатилетнего Олега Жмурова осудили на пять лет. Отбывал срок в городе Тулун. Олег с колхозного поля привез домой два мешка картошки. Сосед увидел.

Олег старший в семье. Кроме него – четверо. Отец исчез в лагере. Голодали. Весной мерзлую картошку искали в поле, и жарили из неё оладьи, которые в народе назывались тошнотики. Дети войны, и после войны знают, что это такое. Варили из неё суп, заправленные лебедой и крапивой. Олегу жалко было смотреть на младших братьев и сестер. Принес с поля два мешка картошки. Суд. Пять лет. Добавили ещё и ссылку на три года на север. Так он попал в село Шестаково. В одном из барачных жили ссыльные.

Ездил в Нижнеилимск. Послали отметить у председателя сельсовета, фронтовика Слободчикова. Он возмутился:

– Куда вас столько?! И главное то, что все враги. Ты за что?

– Картошку умыкнул. Братья и сестры голодали.

– Почему у нас на Илимке не голодали? Прут и прут сюда. Мы не резиновые. Почему худой?

– Нечего жрать. Голод.

– Голод. Работать надо, – голос у председателя помягчел. – Такой молодой. Куда же тебя направить? Рыбачить? Накормить тебя надо.

Он достал из-под стола кринку молока, половину буханки хлеба. Поставил на стол две кружки.

– Давай-ка, паря, вместе. Вот и картоха.

Они стали есть вместе. Слободчиков говорил:

– Ты не сердись на власть. Значит, так надо. Что там наверху – не наше дело. Главное для тебя – выстоять. Езжай в Шестаково. Здесь тоже есть ссыльные. У нас они семейные, а ты один.

Слободчиков дал ему на дорогу буханку хлеба, кринку молока, вареной картошки, несколько яиц, кусок мяса, и две рыбины. Больше Олег с ним не встретился. И хорошие люди встречались на жизненном пути Олега Жмурова.

В Шестаково поселился в бараке, в крохотной комнатке. Сосед по нарам Колька Носов. Тоже отсидел три года в Тулуне за то, что украл пять пачек соли. Отец и мать у него враги народа. После освобождения отправили в ссылку на три года.

– Разве они враги? – говорил Колька Олегу. – Не верю. Портреты вождей сожгли. Портреты старые, да и мухи загадили. Решили поменять. Никому не верю. Придумывают насчет врагов народа. Кто придумал, тот и враг.

Часто Колька заводил разговор на политические темы. Тем более, они работали в одной бригаде. Копали шурфы. Колька говорил:

– Напишу письмо, что я уже не в лаптях. Геологом, мол, вкальваю. Одежда всякая, харчи добрые. Жить можно. Плохо то, что мошка заедает. Вот сюда бы тех, кто придумал всё про врагов народа.

Как-то, они копали шурфы. Уже по три ямы выкопали. Даже старший геолог похвалил, но сказал:

– Николай, ты бы немного меньше болтал. Хоть и тайга кругом, а уши и в тайге есть. Я тебя понимаю. Какие они враги? Обида одна. Нельзя так говорить. Можно и на зону угодить.

Вроде успокоился Колька. Но нет-нет, и сорвется. Бригадир Иван Шестаков местный, вольнонаемный, только улыбался. Молчаливый мужик, голос не повысит. Никогда не ругался. Го-

ловой покачает, и пойдет копать свой шурф. Трудяга он был отменный.

Заработали мужики хорошие деньги. По костюму купили, сапоги хромовые по заказу сшили. На танцы ходили в шестаковский клуб. Там и познакомился Олег с колхозницей Верой Оглоблиной. Даже подрался с местным парнем из-за красавицы. Вера выбрала Олега.

Тут случилась неприятность. К ним в комнатку вошли двое в военной форме. Кольку арестовали. Был обыск. Потом выяснилось, что Колька написал письмо Сталину. Просил его, чтобы он разобрался с настоящими врагами народа, которые стоят у власти. И просил его, чтобы отправили Кольку на фронт.

Через какое-то время Олег узнал, что Кольку отправили в армию самого Рокоссовского. Дальнейшая судьба Кольки Носова неизвестна.

После ареста Кольки, допрашивали и Олега.

– Ты с ним работал. Знаешь, о чем он болтал.

Выдал Носова соперник.

Олега убрали из геологической партии, и поставили на заготовку дров для лагеря. Геологи и бригадир просили оставить Жмурова, но начальник спецчасти сказал:

– Мы могли бы его и на зону отправить. Пусть скажет спасибо. Нечего таких людей жалеть и защищать. Очистим страну от буржуазной нечести, и начнем коммунизм строить.

– Какой он буржуй! Он в лаптях к нам пришел!

– В лаптях говорите? А что у него за душой? Потемки. Всех их в пыль. Правильно сказали товарищи Берия и Вышинский: «Стрелять врагов народа, как бешеных собак». Мы ещё с этим Жмуровым разберемся.

Потом Олега поставили на распиловку бревен на брус и доски.

К зиме он собрался жениться на Vere. Решили дом построить, хозяйство завести, детей нарожать.

Через месяц за Олегом пришли. Завели на него дело.

– Агитировал против советской власти? – спросили его. – Нелестно отозвался о нашем правительстве. Было такое?

Тут Олег вспомнил, как-то мужики принесли водку. Выпили. Один вольнонаемный из местных колхозников стал хвалить Сталина и Берию, что они правильно относятся к врагам народа. Уничтожать их надо. Олег возразил. Поспорили, и даже подрались. Их едва разняли. Через несколько дней Олега арестовали. Осудили на десять лет по 58 статье, пункт 10.

Доставили его в бригаду Ключки. Я писал о нем.

– Допрыгался? Вольные харчи надоели?

– Воли нигде нет, – ответил Олег. – Страна – лагерь.

Это услышал и старший конвоир Семенюк. Писал о нем. Он маленький, толстенький, подбежал и ударил Олега прикладом. Он упал. Стали его бить.

– Нет мора на них! – визжал Ключка. – Их бьешь, бьешь, а они плодятся! Откуда они только берутся?

– Из этой страны, – прохрипел Олег и потерял сознание.

В этом кошмаре Олег провел пять лет.

После освобождения ему дали ссылку в Усть-Кут. Работал плотником, трактористом. С женой Верой построили дом недалеко от реки Лена. Дети разъехались по стране. Мы с ним встретились, когда я работал в газете. Написал о нем очерк, но его не напечатали. Нельзя. Коммунисты обидятся. Какие они все обидчивые. Есть, мол, передовики производства. Вот, мол, и пишите о них. Он, мол, в тюрьме был и на зоне. В райкоме партии не поймут. Напишите о депутате. В райкоме партии всегда говорили про меня:

– Где он выискивает этих героев? Стрелов всегда был против советской власти. Вот его и тянет писать о подозрительных людях. В газете ему нельзя работать.

Вот только пришло время рассказать о «подозрительных» людях, о настоящих героях нашего смутного времени. Найдутся люди, не испытывавшие страшное лихолетье, сожмут кулаки, закрипят зубами и скажут:

– Вечно этот Стрелов.

Я понимаю их. В те времена они жили привольно. Всякая одежда на них была, всякая еда. Жили они сытно и счастливо. Всего у них было вдоволь. Никого не арестовывали, никого не отправляли в зону. Тишь и благодать была в этом глухом краю.

Никто не писал анонимки на соседа. Не приходили ночью, чтобы арестовать врага народа и отправить в зону. Ничего этого не было. Поэтому я понимаю местных коммунистов. Они удивляются тому, что так приходилось существовать людям за проволоккой. Не верят. Не желают верить. Мол, всё у нас было хорошо. Как правильно сказали – краевед Анатолий Бубнов, и учительница из пятой школы Третьякова, что Илимский край, это особенный край. Он ни на кого не похожий. Вся страна жила по другим правилам, чем здесь, на Илеме. Видимо, это была особенная страна Илимская. Все беды тоталитарного периода эту страну Илимскую обходили стороной. Возможно, даже границы были. В общем, здесь был настоящий коммунизм в отдельно взятой стране. Все жили сытно и счастливо, с чем их и поздравляю.

Они были против Советской власти

1945 год. Играла музыка. Выступающие изощрались в словоблудии. Один офицер сказал:

– Мы раздавили фашистскую гадину. И хоть в тылу враги народа злобствовали, и всячески вредили, мешали в наступательном движении к коммунизму, мы им прижали хвосты, и уничтожали как бешеных псов! И будем уничтожать!

Перед переключкой на работу всех выстроили. Даже блатные, воры в законе, выползли из своих теплых мест, и тоже стояли, но отдельно. Потом они займут свои места на нарах. Они не работали, и никакая сила их не могла заставить работать. Настоящие воры в законе даже на фронт не просились, чтобы встать под чьё-то командование. Были воры, которые уходили на фронт, даже хорошо воевали. Получали награды. А когда после войны попадали снова на зону, воры их не принимали в свои ряды. Фронтвиков называли суками. Были даже кровавые столкновения.

Только что объявили, что война закончилась. Даже бригадир у Клюшке предоставили выступить.

– Мы здесь тоже воевали. Защищали народ от врагов народа. Оне у меня вкалывали. Я никому поблажки не дам. Всех заставляю работать.

Зря он так распалился. Среди блатных движение. Офицер похвалил Ключку. Такое блатные не прощают. Какой-то воришка пивных кружек в буфетах, и обкрадывать бабушек, будет указывать, что делать вора́м в законе?! Такому не бывать. Потерял бдительность Ключка ради подхалимажа перед начальством. Жди разборки. Там решат, что делать с крохобором Ключкой.

Пришли на работу. Таскали бревна. Игорь Пантелеев работал на пилораме. Она была подключена к дизельному двигателю. Игорь и его напарник Иван Зверев, опытный электромеханик постоянно что-то делал, чтобы энергия снабжала пилораму.

От станции Затопляемая провели энергию. Были вкопаны столбы. Но этой энергии хватало только на освещение зоны и поселка геологов Коршуниха.

Заклученные таскали бревна. Игорь Пантелеев, Иван Зверев и молодой, бывший воришка Степа заправляли бревно, чтобы распилить его. Зверев ещё раз проверил пилы. Он был ещё и пилоставом. На всех пилорамах есть такие должности – пилостав и рамщик – ответственные за распиловку леса. Игорь был рамщиком. Бревно лежит на двух тележках. Бревно заправляют с вершины. Комель зажимают мощными тисами, чтобы бревно не крутилось. От толщины дерева, от пилостава, как он правильно заточил и поставил пилы, от заправщика, который зажимает в тисы бревно, зависит качество бруса и доски.

Иван Зверев, бывший председатель колхоза под городом Киров. С зерносклада исчезло зерно. Его кто-то ночью вывез. У Зверева был обыск. Кто-то написал анонимку, что он зерно украл. Описали имущество и дом. Зверева осудили на десять лет за воровство колхозного имущества. Кто-то ловко подставил его. Вот уже год на зоне. Когда-то окончил институт, защитил диссертацию и стал кандидатом наук. На зоне катал тачку, валил лес, пока не потребовался электромеханик.

Игорь Пантелеев учился в горном техникуме. Ему, как лучшему студенту, поручили прочесть лекцию об успехах красных в Гражданскую войну. Как по писанному рассказал. А потом вдруг ляпнул:

- Много погибло с обеих сторон. Голод. Разруха.
- Но мы победили, – сказал человек в кителе.

– Кто мы? Народ един. Уничтожали друг друга. История рассудит.

– Так могут рассуждать враги народа, – повысил голос человек в кителе.

– Бросьте юродствовать, – ответил Игорь. – Какие враги? Бабки на лавочках?

Ночью за Игорем пришли. Игорь вошел в кабинет, и сразу сказал:

– Я веду переписку с рубежами и белогвардейцами из пятидесяти стран! Пишите! Раз вы играете в артистов, разрешите и мне поиграть.

Доигрался. Осудили на десять лет, и пять лет ссылки. Так он и попал в края Илимские.

Появились на зоне первые власовцы, и те, кто служил полицией при немцах. Срок для них двадцать пять лет, и лишения всех прав. Один из них – дядя Яша. Так его звали все. Был он рядовым полицаем. Немцы его назначили, как сына раскулаченных родителей, возить крестьян на картофельное поле. Картофель нужен был для немецкой армии. Дядя Яша позволял людям уносить картошку домой. Помогал людям. В 1944 году в село вошли советские войска. И дядю Яшу арестовали, осудили, и отправили в Сибирь. Люди не вступились за него. А вдруг, их арестуют? Потом была чистка и в лагерях. Кого расстреляли, кого отправили на урановые рудники. Многих тогда отправили на север Красноярского края и Иркутской области.

Кстати, потом дядя Яша работал в бригаде плотником Николая Торкунова. Одно время мы с ним трудились на пару. Он был маленький, худенький и подвижный.

– Если бы я знал, то не пошел бы в полицаи. Меня ведь сами люди уговорили, чтобы я пошел в комендатуру. Были полицаи, как настоящие звери. Я всячески, помогал людям. Они мне не помогли. Было обидно. Таковы у нас люди. Так их воспитала советская власть.

И я был с ним согласен. Я сам много натерпелся от таких людей.

В одну из ночей кто-то повесил бригадира Клюшку. Игорь сразу понял, что нельзя подхалимничать перед начальством ла-

геря и перед вертухаями. На зоне это не любят. Ключка перестарался.

Зверев и Игорь Пантелеев работали слаженно. У них никогда не ломалась техника. В их звено поставили дядю Яшу, и «врага народа» Николая Рябоконь. Работали они хорошо. Всё время молчали. Даже отдыхать садились отдельно.

– Давайте вместе, – предложил Зверев, – чего теперь делить. Все мы враги.

Николай ответил:

– Нисколько не сожалею. Помяните моё слово. Советская власть рухнет. Молю Бога, чтобы скорее. Но я не полицей.

– Меня люди попросили, – быстро ответил дядя Яша.

– Теперь можно всё говорить, – резко сказал Николай.

– Ты ему не веришь, – сказал Зверев. – И тебе не поверили чекисты твоим словам. Все не верят. И до чего мы докатимся?

Игорь Пантелеев дождался революции 1991 года. Повезло. А вот дядя Яша и Николай Рябоконь погибли на зоне. Зверев умер в 1980 году.

Игорь Иванович Пантелеев немного писал стихи. Иногда он приходил ко мне, и мы долго беседовали. Надо сказать, что я этих людей не сторонился. И они тянулись ко мне. Приходили на чашку чая. А бывало, что-то и покрепче приносили. Изливали свою многострадальную душу. Поэтому я очень многое знаю о тех временах и этих людях. Да и сам я кое-что испытал на своей шкуре. Иногда, Игорь Иванович приходил к Лидии Ивановне, которая тоже испытала и тюрьмы и ссылку. В те времена я написал о нем очерк, но его не напечатали. Сказали, что в райкоме не поймут. В советские времена это были любимые слова – нас могут не понять. Это могло насторожить идеологических работников, а вдруг, мол, это против партии и советской власти. Странно. Какие-то не понятные работали в райкомах партии люди. В 1983 году, когда я работал в районной газете «Маяк коммунизма» даже был обыск в моем кабинете. Искали стихи против советской власти.

Пантелеев ушел из жизни в 2005 году. Это был настоящий герой нашего времени.

Не смеши, майор

1945 год. Юрий Блинов работал на шахте в Абашево у города Сталинка Кемеровской области. Осенью 1944 года ему исполнилось восемнадцать. Скоро в армию. Отец погиб на фронте. Мать вышла замуж за торгового работника. У него от умершей жены двое детей, и у Юрия меньшие брат и сестра. Торговец невзлюбил Юрия, и давал понять, что он в отцовском доме лишний. Мать молчала. Юрий после работы стал гулять, не бывать дома. Начались прогулы. Его вызвали к начальнику шахты. Стали его стыдить, грозить.

– Плевал я на ваши угрозы! Уеду на север дальше от вас. А оттуда на фронт.

Хлопнул дверью и вышел. На работу не пошел, а написал заявление об уходе. Такое не прощалось. Его осудили на два года, и пять лет ссылки на север. Так Юрий Блинов не попал на войну, хотя и писал заявления, чтобы взяли его добровольцем. Работал в каменоломне и заработал хорошие зачеты. Его освободили и отправили в ссылку на север.

Оказался в Илимских краях. Даже помогал колхозникам убирать урожай. Пахал на тракторе землю. Председатель колхоза Слободчиков приказал кормить ссыльных вместе с колхозниками. Он для ссыльных выделил дом-общешитие. Уговаривал остаться в колхозе. Трое остались. Блинов и его новый товарищ Костя Соколов по ссылке поехали в Шестаково. Оттуда в поселок геологов Коршуниха. Здесь нужна была рабочая сила.

Во время войны пользовались силами вольнонаемных из села Шестаково и ссыльных, и заключенными с малыми сроками. Война закончилась, и начали устраиваться в геологические партии демобилизованные солдаты. Из голодных областей западной части страны люди стали вербоваться туда, куда вербовали. Вербовались на строительство разрушенных городов, на Восток и север Восточной Сибири.

Юрий Блинов и Костя Соколов были закреплены к геологам. Поселились в бараке на берегу речки Коршуниха. Хариус плескался на перекатах, кусты черной смородины обмывались водой горной речки. Чернику и голубику ведрами собирали. Гри-

бы всякие. Кедровые орехи поспели. Охотиться далеко не надо. У каждого геолога ружье.

Старший геолог дал понять, что вольнонаемные и ссыльные одинаковы. Юрий давно решил доказать самому себе, что он может работать, и хорошо заработать. Приняли ссыльных доброжелательно. Здесь уже работали ссыльные. Не отличить от местных. Отбыли срок, и остались отбывать ссылку. В те годы сам народ относился к ссыльным с подозрением. Всё-таки, враги народа. Хорошо относились к переселенцам с западных областей страны, бежавших от немцев. Помогали им, чем могли.

Тайга – главный судья. В тайге каждый человек ведет себя по-разному. Блинов и Соколов будто родились в этих местах. В свободное время они собирали грибы, ягоду, шишковали. Геологи доверили им ружья. Рябчики всегда были к столу. Обед готовили сообща для всех.

Костя Соколов познакомился с переселенкой из Украины Галей Шевчук. Отец погиб на фронте. С матерью их устроили доярками. Решили они дом строить, и поселиться здесь навсегда. Сначала они стали строить дом в поселке геологов Коршуниха на две семьи. Заложили фундамент из лиственниц. Мечта осталась мечтой. Приехали представители из спецчасти, и сказали, что ссыльным нельзя обзаводиться хозяйством в этих местах. Езжайте в колхоз. Там можно построить дом.

– Почему здесь нельзя? – спросил Юрий.

– Вы ссыльные, те же, враги народа. Здесь геологи. Вольнонаемные. Им можно. Придет разрешение – пожалуйста. В колхозе можно. Что будет, если все враги народа начнут строить дома, где попало? Полная анархия.

– Наоборот. Мы здесь решили остаться навсегда, – ответил Костя.

– Не положено. Нельзя. Приказ.

– Если мы не подчинимся? – спросил Юрий.

– Прикажем сломать дом. Сжечь. Нельзя. Приказ.

Парни продолжали строить дом. Блинова и Соколова вызвали в спецчасть.

– Непослушные ссыльные? Вас, зачем сослали? Для того, чтобы вы не мешали гражданам строить коммунизм, – сказал майор.

– Здесь мы тоже мешаем вам, строить ваш коммунизм? Тогда почему сюда нас выслали?

– Что?! – поднялся майор. – Ваш?! Он общий. Мы тут не дадим вам нарушать поступь к коммунизму!

– Разрешите и нам его строить, – ответил Костя. – Обидно как-то. Все строят, а мы в стороне? Нехорошо.

– Издеваетесь? Или на сурьезе? – Вкрадчиво спросил майор.

– Как можно?! – воскликнул Юрий. – Это на сурьезе. Засучив рукава, и даже гачи от штанов, и вперед к светлым вершинам!

У майора лицо побагровело. Он приложился кулаком к столу.

– Я вам покажу, как издеваться над строителем коммунизма!

– Не смейся, майор, – вставил Костя. – Коммунизм он на зоне строит. Да и вся твоя лихая команда из держиморд отрепья от вашей партии.

Парни понимали, и знали, если вызвали в спецчасть, то оттуда их путь лежит на зону. Срок. Поэтому они решили по душам поговорить с майором. Терять им было нечего. Ещё тогда многие умные люди понимали, что коммунизма в нашей стране никогда не видать. Это потом втирали в мозги, что народ жил мечтой о коммунизме. Народ просто жил в огромном концлагере. Из-за немецких концлагерей, убрали это слово. Просто оставили три слова – исправительно-трудовой лагерь, или коротко ИТЛ. И наш народ в светлое будущее не верил. Вот это чистый факт. Уж я-то хорошо изучил систему того времени. Я жил в глубине самого народа. Навидался и наслушался. Уж поверьте мне, в глубине народа никто не верил в светлое будущее.

– Конвой! – заорал майор. – В карцер этих мерзавцев! А потом под суд!

Парней скрутили. Они тоже некоторым вертухаям поставили синяки. Уволокли в карцер. Потом осудили на пять лет, и на вечное поселение в эти края.

На зону у поселка геологов Коршуниха они прибыли знаменитыми. Весть на зону всегда приходит быстро и непонятно как.

Даже блатные уважали парней. Ведь они самих вертухаев избили. Против начальства восстали. Такое не забывается.

Была осень 1945 года. Парни готовили дрова для лагеря. Начальник лагеря человек новый, и странный для зоны. На фронте был разведчиком, но не в заградительном отряде. Блинова и Соколова устроил в котельную. Даже вызывал философствовать. Но вскоре его перевели в воинскую часть. Такие начальники, как он, не годные к службе на зоне.

Парней убрали из котельной. Отправили на лесоповал.

Новый начальник лагеря сначала для порядка прочитал парням лекцию о социализме, потом посадил их на несколько дней в карцер. И отправил их на лесоповал.

В 1949 году они освободились, и остались на Илимской земле. Костя с молодой женой уехал куда-то на запад, а Юрий остался. Строил город. В последнее время он жил в Новой Игирме. Дальнейшую его судьбу не знаю.

Часть третья. И могилки вдоль дороги

На лесоповале

1946 год. Виктор Капитонович Коротченко работал начальником ОРСа в городе Черемхово Иркутской области. Кстати, ещё в детстве я знал его. Добрый был дядька. Я с его сыном дружил. Была ревизия, и обнаружили большую недостачу. Осудили на десять лет, и отправили в Илимскую тайгу. С ним, по той же статье, посадили и заведующего складом Сергея Колосова. Как потом выяснилось, Коротченко не виноват. Воровал все продукты Колосов, а всё свалил на начальника. На этапе Сергей об этом и признался. Коротченко и Колосову дали 58 статью, мол, они подрывали основы социализма.

Партию заключенных доставили на барже до Заярска. Там на крытых машинах доставили до деревни Хребтовая. Оттуда, через тайгу, по проселочной дороге гнали их до Коршуновского лагеря, построенного ещё в тридцатые годы. Лагерь обновляли и расширяли. Заключенных много потребуется. Даже клуб начали строить.

Дорогой двое бежали. Их догнали и застрелили. Закопали в одну яму. Вот тогда Коротченко поклялся, как бы ему плохо не было, он должен выжить. Рядом скулил Сергей Колосов. Виктор Капитонович простил молодого мужичка, и даже отдал ему теплые носки. Коротченко надеялся на пересуд. Когда их поселили в дырявый барак, начальник отряда некий младший лейтенант Цубинов сказал:

– Вы не только будете строить железную дорогу, но и станете первыми строителями города. Зачетов у вас не будет. От звонка до звонка. У меня шибко не забалуете. Я вам тут всё. На пересуды не надейтесь. Нужна рабочая сила.

Сергей сказал:

– Не бросай меня, Капитоныч. Век за тебя буду молиться. Не выдержу я. Сил больше нет.

Работали они в бригаде уголовника Пушкива.

В бригаду поставили на довольствие двух лошадок – Гнедко и Ваську. Управлял ими бывший конокрад Гришка-цыган. В напарниках у него был Иннокентий Максимов. В будущем я узнал, что это был моя дядя. Моей матери родной брат.

Пушков и уголовники сидели у костра, и поочередно швыркались чифир. Конвоиры не обращали на это внимания. Коротченко понял, что здесь так заведено. Политические вкальвали, а уголовники «гоняли» чай. Бригадир Пушкив отчего-то хромал, и ходил всегда с тяжелой тростью. Один из политиков возмутился и сказал, чтобы и уголовники помогали работать. Пушкив тростью избил мужичка. К нему на помощь подбежал ещё один политик. Тогда вмешался конвоир и прикладом автомата ударил заключенного в грудь. У него изо рта пошла кровь. Он умер. Похоронили его в тайге.

– Так будет с каждым, – сказал бригадир.

Заедала мошка. Она тучами вилась над спинами заключенных, мешала дышать. От их укусов лица и шеи покрыты язвочками. Рабочий день казался бесконечным. Над тайгой, если бы кто прислушался со стороны, то услышал бы тяжелое, хриплое дыхание измученных людей, стоны и проклятия.

– Не выдержу, – плакал Сергей. Товарищи по несчастью всячески уговаривали его.

Так прошло лето. Осень. Стало легче дышать. Наступила зима. Пушкив редко подпускал заключенных к костру. Постоянно говорил, что надо перевыполнять план. Ударил мороз. В тайге от него трещали деревья и земля, стоял густой туман. В эту ночь в бараке умерло два человека. Их вынесли за барак, и водрузили на другие тела. К весне здесь будет целый штабель трупов. Весной их свалят в одну яму.

На открытой машине их доставили на просеку. Окоченевшими руками разобрали инструмент. Коротченко, Максимов и Гришка-цыган на лошадках отвозили бревна и складировали. И вдруг Коротченко услышал крик:

– Колосов замерз!

Он умудрился спрятаться за кусты, и там замерз. Конвоиры сказали, чтобы его завалили снегом, а весной его бросят в общую яму. Но все политики неожиданно настояли, чтобы Колосова после работы доставить в лагерь. Пушкив всех бил тростью. Даже уголовники помогали бить политиков. Вскоре пришел старший конвоир и приказал всем успокоиться. Вечером Колосова доставили до барака, и уложили в штабель.

Мороз не отпускал. Так получилось, что одно дерево от мороза «сыграло», как говорят лесорубы, и зацепило бригадира. Он очень громко визжал. У него была сломана нога. Максимов и Гришка-цыган наложили на ногу палочки и перевязали. Всё-таки, они были конюхами, и немного разбирались в медицине.

– Капитоныч, – позвал Пушкив Виктора. – Принимай бригаду. Не дай мне очокуриться. Эти уголовники, что звери, добьют меня. Выручай.

– На всё Божья воля, – ответил Капитоныч. – Не допустим.

На волокуше они с Максимовым повезли бригадира до лагеря. Сопровождал их один конвоир. Он даже помогал тащить волокушу. Разные бывают и конвоиры. В лагере лекарь перевязал ногу, а начальник отряда приказал Максиму и Коротченко на волокуше доставить Пушкива в село Шестаково. Там есть хорошие врачи.

Рано утром отправились в путь. Коня не дали. Был конец декабря, а план по лесоповалу надо было и здесь выполнять. Прошли поселок геологов Коршуниха. Видя такое дело, геолог Павел Михайлович Ширяев приказал выделить лошадь с санями. Группа геологов только что обустроивалась здесь. Они смазали гусиным жиром обмороженные лица заключенных и перевязали руки.

Обратно до лагеря, вместе с конвоиром, доехали в одних санях. Накрылись толстым слоем соломы. Начальник отряда оглядел обмороженные лица заключенных и сказал:

– Хвалю. Молодцы. Пушкив доверил. Будешь бригадиром.

С утра пошел снег. Уголовники устроились у костра. Капитоныч поднял всех. Уголовники возмутились. Пригрозили расправой. Тогда он всех политиков пригласил к костру.

– Будем вместе сидеть. Хорошие вам будут зачеты, господа уголовники, – твердо сказал Коротченко. Конвоиры не вмешивались.

Уголовники приступили к работе. Капитоньч сказал:

– Наряды на работу покажут, кто что заслужил. И у кого и как будет с планом и зачетами. Это я всем обещаю.

Так закончился трудовой 1946 год.

И будут здесь города

1946 год. После войны, будто вся страна сорвалась с насиженных мест. Люди не от хорошей жизни вербовались туда, куда вербовали. Разруха, голод в западной части страны. А тут призывы на Дальний Восток, в Сибирь. Она такая огромная. Эшелоны вербованных двигались в Сибирь. Ехали семьями. Оборванные, голодные, многие в лаптях. Я жил в то время в городе Черемхово и навидался этих эшелонов. Детские, голодные глаза, худые, бледные лица матерей. Говорили ли тогда люди о коммунизме, о любимом вожде, наших правителях? Никто. Проклятия в адрес правителей слышал. Те, кто сейчас долдонит, что мы жили хорошо, и ходят с портретами Сталина на демонстрациях, тот не испытал такой жизни, не пробовал протухшей баланды в лагерях. Я сам всё это испытал. И видел наш несчастный народ. Поэтому я отвечаю нашим бывшим партийным деятелям – всегда боролся не с советской властью, а с теми, кто руководил ею, и довели страну до разрухи. Конечно, я согласен, что здесь на Илимке люди жили богато. Этаким был построен коммунизм в отдельно взятом районе. Потому, что район этот особенный. Согласен. Ни на один район он не похожий. Они жили в достатке. И были счастливы. Вот и не видели они и не знают, что творилось в стране. И пусть не знают. Не надо знать.

Фёдор Мещеряков с молодой женой и двумя детьми сбежали из колхоза. Он пришел с фронта раненый в ногу. Женился. Думал, что заживет хорошо в колхозе. Жили впроголодь. Поспорил с председателем сельсовета. Обещали его отправить на Колыму. Вот и пришлось бежать. В Москве вербовали в Сибирь. Иркутская область и Якутия. У Фёдора была армейская книжка.

Вот по ней и завербовался. Сели в телячий вагон. Всю неделю стояли под Москвой. Меньшего сына похоронили на местном кладбище. Поехали. Через двадцать дней были в Иркутске. Там их на барже доставили до Заярска на Ангаре. За всю долгую дорогу много старых умерло. Похоронили и старшего сына. Анна осталась в Заярске. Устроилась в местную больницу. Она не захотела ехать до Илимска. Так они больше никогда не встретились. Слышал, что она вышла замуж, и они уехали на Дальний Восток.

Фёдор и ещё несколько мужиков пешком добрались до Илимска. Там как раз были геологи из Коршуновской экспедиции. Погрузились на маленький пароходик и отправились до села Шестаково. Там их ждали две лошадки, запряженные в две повозки. А сами шли пешком по грязи. Рядом проходила заросшая просека. В одном месте увидели заключенных. Они очищали просеку от мелколесья. В будущем здесь пройдет железная дорога. Шли подготовительные работы. Сибирь готовилась к большой стройке.

На следующий день Фёдора и трех вербованных обмундировали во всё новое, и с геологом отправили на лошадях в Братскую экспедицию. Даже побывали в Братске. Там, рассказывали мужики, будет строиться гидростанция. Слышались взрывы. За два дня получили на главном складе взрывчатые материалы для геологической партии. На катере перевезли до Заярска. А там, на лошадях по проселочной дороге добрались до поселка Коршуниха.

В лагере геологов были и ссыльные. В те годы ссыльных можно встретить везде. Потом появились и переселенцы из разрушенных городов, спецпоселенцы. Это тоже ссыльные, но семейные. Муж враг народа, а семью переселяют на север. Вот и называли их – спецпоселенцы. Были здесь вербованные, заключенные, условно-освобожденные, и прочий бродячий люд. Скрывались здесь и те, кто бежал от властей. Будущие северные стройки заполнялись именно этой категорией людей. Самая тяжелая работа досталась именно им. Это потом, в конце пятидесятых появились романтики, комсомольцы-добровольцы, по направлениям и вольнонаемные. Но вольнонаемные, почти все

из местных, были здесь всех раньше. С первыми геологами они и начали строить поселок Коршуниха.

Фёдор Мещеряков и несколько ссыльных вместе с рабочими-геологами таскали мешки с взрывчаткой. Готовили взрывы в штольне. Потом на тачках вывозили породу. Попадалась железная руда. Её клали отдельно. Геологи колдовали над ней. Ссыльные и рабочие копали шурфы по всей горе. Геолог Павел сказал:

– Окончилась война, ребятки. Теперь все силы на поиски руды. Разговор идет, что будут строить железную дорогу. Оживет Илимский край. Глядишь, и город начнете строить в этих местах. И будут здесь города. Поселки появятся. Перспективный край.

Фёдор и двое вербованных грузили тачки с породой. Двое их отвозили из штольни. Работа тяжелая, но заработки были хорошие. Деньги откладывали на сберкнижки. Доброй одежды не брали. Новая спецовка служила им на «выход».

Вечерами стали строить клуб. Рабочих прибавилось. И нужно было место для отдыха. Что нужно было для клуба, подсказывала гидрогеолог Нина Ивановна Сыриц. Она и станет первой на Коршунихе и всей нашей стройки заведующей клубом. Это был первый культурный центр. Она организовала и первую художественную самодеятельность, и первую библиотеку.

Деревья для клуба решили валить на месте, где будет расположен палаточный городок будущего города. Здесь лиственницы были в самый раз для строительства. По склону горы работали заключенные. Они расчищали место под домики. В начале, все думали, что здесь будет поселок для горняков. Но кто-то пустил слухок, что здесь будет город.

Из-за кустов вышел огромный медведь. Он удивленно уставился маленькими глазками на Фёдора. Он впервые увидел медведя. Ноги будто приросли к земле. Но успел сказать:

– Здравствуй, хозяин тайги. Ты уж, извини. Побеспокоили. Мы пришли сюда. Как будем делиться?

Медведь недовольно проворчал, развернулся, и повалил в кусты доедать смородину. Фёдор покинул это место. Сказал мужикам:

– Хозяин недоволен, что оторвали от завтрака.

Мужики спустились ниже по склону, и стали заготавливать бревна.

Неделю ушло на такую работу. Даже начальник геологов разрешил заняться заготовкой бревен для дома. Прибывали люди, а кроме конюшни, барака, одного домика и палаток ничего не было. Рядом с фундаментом будущего клуба сделали площадку для волейбола и городков.

Ударили первые морозы. Клуб был готов. Праздник 7 ноября проводили в клубе. Даже были короткие речи. Нина Ивановна Сыриц организовала художественную самодеятельность. Ссылные с женами разыграли сценки на местные темы. Даже ссылные пришли из села Шестаково. Танцевали. Пели.

Теперь часто собирались в клубе.

На танцах Фёдор познакомился с ссыльной из Шестаково.

Под новый год сыграли свадьбу. Первую свадьбу в новом клубе.

Фёдор Мещеряков работал в геологической партии, потом перешел на стройку. Работал в бригаде Леонида Дементюк.

Когда началось строительство Усть-Илимской ГЭС, с семьей переехал на новую стройку.

Тачкой управлять тоже надо уметь

1947 год. Павла Коновалова и несколько заключенных этапом доставили в Усть-Кут. Здесь размещался один из лагерей западного БАМлага. Часть этапа оставили в Тайшетлаге. Начальник даже речь закатил:

– Граждане заключенные, поздравляю всех вас с прибытием на великую стройку. В этом году принят окончательный вариант начало строительства Байкало-Амурской магистрали. Каждый из вас должен гордиться, что доверили такой объект.

– Он над нами издевается, – проворчал рядом стоящий человек с интеллигентной бородкой. – Постыдился бы.

–В то время, когда страна напряглась в последнем порыве на пути к коммунизму...

– Закругляйся! – крикнул кто-то. Начальник вздрогнул, но успел ещё сказать: – наш и ваш долг...

– Никому я ничего не должен! – крикнул ещё один. Начальник начал так кашлять, будто у него за пазухой сидел поросенок. Люди стали смеяться. И в этот момент раздалась автоматная очередь. Пули просвистели над головами заключенных. На зонах винтовки заменили автоматами ППШ. Все присели. Конвоиры быстро стали ходить среди заключенных.

– Кто кричал? – грозно спросил рядом стоящий с начальником офицер. Начальник перестал кашлять.

– У меня заговорите, – сказал он. – И здесь враги народа затесались. Будете так стоять, пока не признаетесь.

– Гражданин начальник, а чего признаваться? Вы бы спросили, а я бы ответил.

– Сюда его! Кто таков?

– Какая тебе разница, – засмеялся зэк. Его подхватили под руки, но он вывернулся, и сказал: – Зачем так, вертухай? Я сам пойду.

Но его сбили с ног и стали избивать. Окровавленного его подтащили к начальнику и бросили у его ног.

– Вот теперь не скажу! – громко ответил зэк. – Хоть убей, поросенок. Теперь на всей зоне твоё погоняло – поросенок. Свиныйчий огрызок.

Его уволокли. Начальник отряда не стал больше толкать речь. Заключенных загнали в дырявый сарай. Ночью лил дождь, и все были мокрые. Лежали на земляном полу. Свободного места не было. Трое суток держали в сарае. Когда выпустили, то несколько человек умерло.

Павла Коновалова, вошедшего в одну из групп, погнали в тайгу. Пригнали к крытым машинам. Один из зэков сказал, что того мужичка расстреляли. Он им смеялся в лицо.

– Какими глазами они посмотрят в будущем, когда эта эпоха закончится, – сказал человек с бородкой. – Будем знакомы. Пётр Фомич Афанасьев, доктор исторических наук, профессор, а также шпион от четырех государств. Как и положено – ложь. У нас привыкли лгать. Ложь в чести. Все заврались.

– Они будут спокойно смотреть в прошлое, – возразил Павел, и тоже представился. – Ордена и премии за нас получают.

Их привезли до деревни Хребтовая. Гнали пешком до Коршуновского лагеря.

– Здесь где-то отбывал ссылку великий гражданин России Радищев, – сообщил профессор Афанасьев. – Здесь он руду искал. Помяни моё слово, Павел, проснется этот край. Большие стройки здесь будут. Жаль, что не доживу. Да и мозг мой не выдержит. Обидно. Столько я бы сделал. Здесь есть один профессор математики. Он говорит, что Сталин ничего не знает про эти безобразия. Наивен человек. А вот то, что тот мужичок восстал, знает. Простой, безграмотный человек, а знает. Всё знает Сталин. Он – мучитель собственного народа. Он и есть настоящий враг народа.

Они валили лес и разговаривали. Старший конвоир заметил.

– Эй, антилигены, на каменоломню захотели?

Недалеко от лагеря заключенные стали вскрывать гору, чтобы добывать камень. Он пригодится на кладку под полотно железной дороги.

Через два дня Павла и Афанасьева перевели на каменоломню. Им вручили тачки.

– Чем ниже человек по сознанию, чем он недоразвитее, безграмотный, затурканный идеологами коммунизма, тем он больше ненавидит слово – интеллигент. Ты не обижайся на них. Их таких мама родила, а родина воспитала. Таких несчастных людей много. Они полезны такому государству, как наша страна. Эти люди – опора государства. Они пишут доносы. Так нужно этой системе. Я не успел уехать за границу, и сожалею об этом. Жаль. В этой стране мне делать нечего. Пойми, мы им не нужны. Мы им мешаем.

Тачкой управлять они быстро научились. Замешкаешься – получишь палкой по спине. Один узник упал с тачкой. Его стали бить палкой, и он умер.

Были на зоне и побегу. Люди не выдерживали тяжкого труда, баланды и побоев. Бежали в тайгу. Их догоняли, избивали, травили собаками, расстреливали. Если остался живой, то до-

бавляли ещё два года. Если начинал спорить и доказывать свою правоту, добавляли десять лет. На зоне надо молчать. Надо научиться терпеть унижения, голод, побои, мошку и вшей. Молчи и терпи. Может, и останешься живой.

Был такой случай. Валили деревья, убрали сучья и сжигали. Один политик сел отдохнуть. Голова от жары закружилась. Главный конвоир по фамилии Пастух был на редкость жестоким. Все знали, что в его смену сесть запрещалось. Павел запомнил эту редкую фамилию. Так устроен человек. Плохое вспоминается лучше. Зэк шатался и стонал. Увидел такое Пастух и к ээку. Ударил его два раза палкой. Узник упал. Бригадир продолжал бить.

– Встать русская свинья! На колени передо мной! Целуй сапохи, и можешь робить.

Политик встал и плюнул ему под ноги.

– Я фронтовик. Ты случайно попал в командиры над нами. Как? Кто тебя назначил? Тебя обида берет, что мы победили фашистов?

И рухнул. Сердце не выдержало. Двое заключенных схватили Пастуха, повалили на землю, и прижали его лицо к ногам бывшего фронтовика. Подбежали конвоиры, избили мужиков, и куда-то уволокли.

Дальше было ещё любопытнее. Через два дня Пастуха увезли в спецчасть. Во время войны он был полицаем. И как это так получилось, что ярый националист и полицейай, который издевался над мирными гражданами, угодил в охранники? Как? Там разберутся.

Удивительно было то, что двум хабрецам срок не добавили. После лазарета они просто попали на лесоповал.

После освобождения Павел отбывал ссылку. Женился на местной колхознице. Некоторое время работал плотником на стройке.

Уехал строить Усть-Илимск.

Вербованные

1947 год. В этом году, в августе окончательно принят к проектированию южный вариант Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Возобновилось строительство дороги от Тайшета до Лены. Эшелоны заключенных расселялись по лагерям. Вербовали и вольнонаемных. Заключали с ними договоры на три года. Устанавливали палатки, на скорую руку строили бараки. Вдоль будущей железной дороги должны появиться города и поселки. Так что, первыми строителями были заключенные, ссыльные и вербованные. Об этих людях отчего-то почти никто не писал. А ведь именно они первыми вбили колышки на будущих стройках. Были и такие, кто приезжали семьями, особенно из западных областей. Разруха, голод, непомерные налоги на любую живность, толкали людей вербоваться на север. Вот одна из таких семей.

Василий Клименков дошел до Берлина. Демобилизовался и приехал в деревню под Курском. Женился на местной красавице Ольге. Родила сына. Жилось плохо. Постоянно хотелось есть. Многие ходили в лаптях. А тут пришло письмо от бывшего фронтовика Ивана Бескова из Сибири. Василий уговорил жену бросить колхоз и уехать. Трудовых книжек всё равно нет. Оставили документы. Доехали до Москвы. А там завербовались в «Главвостокгеология». Тогда в селе Шестакова была временная контора геологов. Там Клименковы получили подъемные на питание, палатку. На лошадке добрались до поселка геологов Коршуниха. Какой поселок? Обыкновенная, маленькая деревушка.

Геологи, рабочие из вербованных строили столовую, и амбулаторию. Поселок состоял из барака для рабочих, мехмастерской, пяти домиков, клуба, бани, конюшни, и продуктового ларька.

Теперь люди заселялись здесь. Некоторые уже готовили лес для строительства собственных домов. Поселок разрастался.

Клименковых встретил Иван Бесков. Он пробивал штольню. Там брали пробы руды.

– Благодать здесь! – раскинул мощные руки Иван. – Питание отменное. Можно заработать. Воздух свежий, таежный, грибов

и ягод море. В Шестаково местную дивчину приметил. Вот что. Давайте на берегу Коршунихи дом построим с капитальной стеной на две семьи. Я уже лес стал готовить. Знал, что приедете.

– Клименков, ставьте палатку, – сказал начальник участка строителей Шестаков (Имя неизвестно), – надо строить себе дома. Будет общежитие для приезжающих. Будет начальная школа. Много работы. Будете строителями.

Утром Клименковы вышли на работу. Василий стал плотничать, а Ольга устроилась уборщицей. Маленького сына Ваню и ещё пять детей от ссыльных оставляли в комнатке, отведенной в конюшне. За ними присматривала бабка Фрося. Когда и откуда она здесь появилась, никто не знал. Она жила здесь в землянке ещё при знаменитом изыскателе Кошурникове. Готовила им обеды.

Поставили брезентовую палатку. Потом пошли валить деревья. Начали готовить бревна под дом. Кстати, их ставили без всякого проекта. Где кому нравится. Надо было к зиме срубить ещё три дома.

Ударил первый мороз. Всю ночь в палатке в железной печке горели дрова. Домик не успели построить.

Наутро несколько рабочих, в том числе Василий и Иван были направлены в штольню. Надо было поставить крепь, и проложить рельсы для вагонеток, чтобы вывозить породу. Вооружившись кайлами, лопатами, касками и шахтерскими фонариками вошли в штольню. В общей сложности, их было задействовано две штольни. С них и начался штурм железных гор Коршунинского месторождения. Было дано задание – подготовить результаты наличия руды. Бригада плотников Ивана Бескова в штольне работала по неделе. Другую неделю строили дома для рабочих и геологов.

Утром в теплушку, которая находилась в конюшне, пришел начальник.

– Берите инструмент, и пойдете строить первые дома для семей, которые будут в будущем обслуживать железную дорогу.

Бригада Ивана, в которой был и Василий, по таежной тропе пошли к месту назначения. Начали долбить пока ещё не промерзшую землю под стойки. Тут же валили лес для оклада. На

тракторе, который тащил сани из Хребтовой, доставили брус и пока два разборно-щитовых домика, из которых соорудят первый железнодорожный вокзал.

– Неужели здесь будет город? – спросил Василий.

– Если не сбежишь, то будешь в нем жить, – ответил Шестаков.

– Меня теперь отсюда палкой не выгнать, – ответил Василий.

Он начал собирать шишки с упавшего кедра. Надо угостить жену и сына. И тут он увидел медведя. В это время он должен быть в берлоге. Но активность человека, видимо, потревожила хозяина тайги. Медведь шел уверенно, наклонив голову. Василий крикнул, чтобы Иван, а он был близко от медведя, увидел зверя. Ружье было у местного охотника Перфильева. Он тоже нанялся на заготовку бревен. Он один знал, что делать. Медведь повернул к Василию. Он не мог сдвинуться с места. Зверь уже был в метрах пяти от Василия, когда раздался выстрел. Медведь ткнулся мордой в снег у самых ног Василия. Маленькие глазки продолжали зло смотреть на мир. Мужики подбежали к Василию.

– Молодец, – сказал бригадир. – На себя отвлек. Надо было бежать. Мы кричали тебе.

– Бежать не мог. Будто ноги к земле приросли. Я вас не слышал.

Все поздравляли Василия за мужество, а Перфильева за меткий выстрел. У Василия до вечера ноги тряслись.

Мясо отдали в столовую. Всем хватило на много дней. Шкуру Перфильев отдал Василию. Я как-то был у него. Она лежала у балкона.

Ставили первые столбики, на них бревна, а потом брус. Его привезли с ближайшей пилорамы, на которой работали заключенные.

– Вот, ребятки, начало есть, – сказал мастер Шестаков. – С южной стороны начали, а с северной стороны заключенные. Они лагерь расширяют. Клуб построили, первые щитовые дома. Уже назвали свой поселок – Северный. Мы начнем строить вокзал.

Пришли в поселок Коршуниха, а там прибыли новые вербованные с детьми. Грязные, в лхмотьях. Из-под Орла приехали.

На длинном столе в столовой появились разные продукты. Голодными глазенками дети смотрели на не виданные кушанья. Ольга и ещё одна ссыльная приготовили стол. Картошка с тушенкой, мясо кусками, сгущенное молоко, рыба разная, икра, шоколад для детей. А главное – хлеба много.

– Снабжение здесь отменное для нас, – сообщил Василий новеньким. – Всё-таки, мы первопроходцы. Руду ищем. Железную дорогу готовим, место для будущего города. А к мошке, и к морозам надо просто привыкнуть.

– Сегодня же лапти долой, – от порога столовой сообщил Шестаков. – Надо же, ещё лапти носят.

Утром новых работников обмундировали в новенькую спецовку. И на работу. Строить домики.

Детей определили в детсад, который находился в углу коюшны.

Так осваивались первые поселенцы из вербованных на Коршуновской земле.

На трассе

1948 год. Ивана Денисова осудили на десять лет по 58 статье за две строчки из частушки.

Было тогда Ивану семнадцать лет. Отправили его в Ангарлаг строить железную дорогу от Тайшета до Лены. Вместе с другими заключенными поселили его в бараке из щитов, и продуваемый всеми ветрами недалеко от поселка геологов Коршуниха. Получили старенькую спецовку, и были направлены таскать шпалу. Мастер сказал, что от Хребтовой другие заключенные тоже кладут рельсы. Оттуда на дрезине подвезли рельсы и шпалу. Закрепили к заключенным две лошадки Гнедко и Ваську.

Все узнали, что строительство этой дороги начинали в тридцатые годы. Началась война, и всё было остановлено. Рельсы, что были проложены, отправлялись на заводы на переплавку. И пока заключенные двигались по этой трассе, то оставляли за собой кладбища и отдельные братские могилы.

Гнедко наступил на бугорок. Иван увидел столбик. Понял – могилка. Еле прочел. Степан Мещеряков. 1936 год. В перерыве с двумя товарищами установили крест. Графитным карандашом написали фамилию. Подошел конвоир, съехидничал:

– Я заметил тебя, Денисов, ты настоящий враг народа. Три креста уже поставил. Нет Бога. Ничего нет. Столько здесь лежит, что леса не хватит на кресты. Строить долго. Где твой Бог?

– Он душу мою сохранил. Тебе этого не понять.

– Грамотный шибко? В эту могилку захотел? Устрою побег. Бери тачку, вражина!

Иван в тачке возил камень. Его укладывали на очищенную от грунта площадку. Землю копали вручную, и на тачках отвозили за отвал. Работу эту проверяли вольнонаемные инженеры-дорожники, присланные из Москвы.

Были здесь и бульдозеры, но они почему-то часто ломались. И людям приходилось работать с тачками. За весь день отдыхали два раза по десять минут. От баланды и кусочка хлеба, что давали в обед, хотелось ещё больше есть.

Как-то приехал на лошади начальник отряда Цубинов. Ткнул черенком кнута в Ивана Денисова и Иннокентия Максимова (мой дядя), и ещё в двух заключенных.

– Пойдете таскать буровые станки. Геологам надо помочь. Рабочие срочно строят для себя дома. К зиме надо достроить их.

– Товарищ Гусев! – крикнул начальник, – забирай политику. Эти не уйдут. Они идейные.

Подошел крепкий, светловолосый парень. Это был старший буровой мастер Георгий Гусев. После войны началось изыскание железной руды в Илимских горах, и Георгий с молодой женой Варварой были направлены в тайгу. Это были уважаемые в нашем городе люди.

Вручную, пробиваясь сквозь таежные завалы, тащили буровое оборудование. С политиками отправились и уголовники. Об этом попросил бригадир над заключенными Пушков. Почему-то конвоиры прислушивались к нему.

Перебрались через речку Коршуниха. Полезли в гору. Помогала тащить оборудование и лошадка Гнедко. Рядом с Иваном и Максимовым, пристроились два уголовника. Была распутица.

И конь скользил, и не мог вытянуть груз. Один из уголовников тихо сообщил:

– Мы чичас в ельник, а вы молчок.

– Догонят, ребятки, – сказал Максимов. – Всем хочется воли. Горы кругом. Тайга.

Политики отказались бежать.

Двое скрылись в ельнике. Минут через тридцать один из конвоиров обнаружил, что двоих нет. Остальных доставили в бригаду. И начались поиски беглецов. Через два дня беглецов обнаружили в зимовье. Они не захотели сдаваться. Их там и уничтожили. После того случая уголовников больше не отправляли к геологам, а только политиков.

Под конец смены руки едва удерживали тачку. Ослабляли людей не только голод, но и мошка и вши. В кровь заедали. Был такой случай. Один интеллигент даже уголовников на «вы» называл. Не выдержал голода, побоев и всяких других унижений.

– Лучше умереть, – сказал он. Страшно заревел и пошел на конвоира. Они тоже разные бывают. Стал пятиться, и упал. Политик стал у него отбирать автомат. Тут подбежал бригадир Пушков и ударил его тростью. И этим спас жизнь очкарику. Пушков хромал, и всегда ходил с увесистой тростью. Конвоиры избивали политика и бросили в грязь. Максимов решил помочь избитому, но от Пушкова получил удар тростью. Очкарик угодил в лазарет. Через три дня он умер. Максимов и Иван утащили профессора туда, где хоронили умерших. Поставили крест. Кстати, и это точно. Где бы, не хоронили людей вдоль дороги, не ставили тумб со звездочками, а только кресты. За зиму мертвых штабелевали за баракom, а весной клали в общую могилу.

– Надо выжить, Иван, – сказал Иннокентий Максимов.

Хоронили без гробов. Потом стали делать гробы, видимо, тронуло чье-то бессердечное нутро начальства, а возможно, из-за того, что после смерти Сталина начальником стал Ставицкий. Он потом будет трудиться начальником одного из участков в «Коршуновстрое». При нем на зону пришло облегчение. А пока, к политикам относились, как к живому материалу.

Суровый 1948 год по всей Сибири зима была жестокая. Для вербованных и ссыльных были активированные дни, для полити-

ков только после 51 градуса. Разрешали костры, но они не спасали. Ослабленные, падшие духом заключенные – замерзали. Их штабелевали в одном месте. Иван и Максимов держались вместе.

Немного было теплее, когда возили тачки, когда работали лопатами, кайлами. Кто если падал, бригадир бил их тростью. Сам постоянно сидел и костра и чифирил. Начальству было выгодно держать таких бригадиров. Как правило, это были люди с большими сроками. Они тоже совершали побег. И всё равно была опора на них. Перед ними люди были бесправны.

Максимову и Ивану сделали послабление. Их устроили в кузницу. Дело в том, что Максимов мог из куска железа сделать многое. На зоне специалистам делали «поблажку». Максимов подковывал лошадей, чинил сбруи, хомуты. Всё-таки, в Максимове цыганская кровь пригодилась. Вместе с Иваном они плели троса, паяли чайники, самовары.

В ту зиму много людей замерзло. Уснули и не проснулись. Страшный был год. Новый 1949 год встречали у печки, и грызли замерзший хлеб.

«Здесь будет город заложен»

1948 год. Кузьма Осипов бежал из колхоза. Завербовался в Иркутске в геологическую партию от «Главвостокгеология». Многие тогда бежали из колхозов. В геологию этих людей брали, хотя и не было у них документов. Деревенские люди надежные, честные. С ним на пару попал в экспедицию бродяга Петя Поздняков. Он бродяжничал, иногда зарабатывал деньги на шабашках. Спал на берегу рек, на чердаках, в подвалах. Как и Осипов отслужил армию, и устроился в колхоз. И тоже бежал отсюда. Геологи выслушали парней и приняли их в Коршуновскую геологическую партию.

Приехали в поселок Коршуниха. Их отправили в баню, обмундировали, накормили, и устроили в общежитие. Послали в бригаду Ивана Бескова. Начальник участка Шестаков. Вместе с ними работал и Клименков. Я уже писал о них. Жена Климен-

кова Ольга работала уборщицей. Они уже два года здесь. Даже дом стали строить.

– Потом в город переберемся, – сообщил им Василий. – Слух идет. Здесь будет город заложен. Благодать здесь. Заработки хорошие и продукты всякие.

Кузьме и Петру местность понравилась.

Геолог Ширяев взял с собой несколько рабочих. Среди них были Кузьма Осипов и Петр Поздняков. На двух телегах добрались до Хребтовой. Старые люди называли эту деревню Избушечная. Так же, как Братск, старожилы называли – Братска-острожна.

В Хребтовой они погрузили на телеги буровое оборудование, ящики с взрывчаткой. После дождей едва продвигались. Люди помогали толкать телеги. От Хребтовой была узкая, ухабистая дорога. По ней только к вечеру добрались до Коршуновского лагеря. Ночевали в бараке, в котором жили ссыльные. Геологи поделились с ссыльными мясными консервами. В ведрах сварили картошку с тушёнкой.

Ссыльные сказали, что из бруса будут делать шпалу. заключенные готовят трассу. Убирают землю, взрывают холмы. В карьере готовят камень под ложе трассы.

Кузьма и Петр видели сотни заключенных работающих на месте, где будет проходить железная дорога. Кругом заключенные, колючая проволока, конвоиры с автоматами, и злые собаки. Ужас охватил парней. Столько много врагов народа! Неужели их столько в стране? А другие лагеря? Там тоже – самое. Что это? Геолог Ширяев заметил удивление ребят.

– От Тайшета до Усть-Кута лагеря. Сотни тысяч на ней.

– Значит, они – рабы? – спросил Кузьма.

– Страшно, да? – спросил геолог. – Каждый из нас может угодить сюда. Лучше молчать. Порой у меня такое чувство, будто за каждым деревом нас подслушивают. Наше дело с вами работать, и меньше об этом говорить.

– Мне один ссыльный сказал, что наша страна сплошной лагерь. Кругом враги народа и уголовники. И все люди в нашей стране друг за другом следят.

Геолог и Петр молчали.

Утром они продолжили путь. Свернули с ухабистой дороги в тайгу, и по бездорожью стали пробиваться через трясину, речку, к горе. По склону горы они установили оборудование. Механизаторы тоже на лошадках привезли дизельный мотор, горючее для производства энергии.

Ночевали под открытым небом. Утром взялись за расчистку от деревьев места под установку бурового оборудования.

Буровой мастер Георгий Гусев указывал парням что делать. И сам помогал во всем. Вечером спустились с горы до поселка Коршуниха. В поселке было меньше мошки и комаров. Порой в тайге и накомарники не помогали. У всех были ранки на руках и лице.

Повара приготовили хороший ужин для геологов. Молодость взяла верх. Пошли в клуб. Там показывали кино «Свинарка и пастух».

Утром вернулись на место работы. Инструмент был разбросан, остатки пищи – колбаса и хлеб съедены медведем. На поляне были его следы. Осерчал хозяин тайги. Ягодные места заняли.

– Придется хозяину потесниться, – сказал Гусев. – Надо кого-то оставить дежурить двоих с ружьем. Будьте бдительны. Никого не подпускать. Из лагеря бежали уголовники. Эти страшнее медведя.

Вечером остались – Павел Неверов и Кузьма. Горел костер. Не спали. Звездное небо предвещало первые утренние заморозки, а днем жарко.

Медведь явился со стороны речки Коршуниха. Он гнал перед собой человека в лагерьной робе.

– Спасите, огольцы! – кричал мужик. – Он Балбеса завалил! И за мной идет. Спасите!

– Стой там! Стрелять буду! – крикнул Павел.

– Стреляйте! Лучше от вас, но только не от медведя копыта откинуть!

Человек подбежал к костру. Павел выстрелил вверх. Стрельнул и Кузьма. Медведь вильнул в сторону, и, ломая кустарник, скрылся.

Павел и Кузьма нашли зэка. Он был мертв.

Пришли к костру. Зэк сидел у костра, протягивая подрагивающие руки, к теплу. У него даже зубы стучали.

Парни заварили чай, вскрыли банку тушёнки и накормили беглеца.

– Всё. Больше никуда. Хватит с меня. Двое ушли, а мы держались. Не хотелось ещё восемь лет париться. Мы магазин разбомбили. Жрать хотелось. Я, Витька Попов. Из Черемхова я. Балбесу надо было ещё восемнадцать лет трубить.

Попова не выдали парни. Балбеса унесли. Попов даже помогал всем работать. Но кто-то доложил. Пришли конвоиры и увели беднягу. Он не сопротивлялся.

Через пять лет, когда Кузьма Осипов и Петр Поздняков готовили базу для будущего строительства города, и ставили первые пять палаток для вербованных, к ним подошел мужик лет тридцати.

– Я вас едва нашел. Не знал ваших фамилий. Я, Витька Попов. Бежал с зоны. Вы меня от медведя спасли. Освободили меня. Пять лет ссылки. Здесь буду работать.

Потом он работал в бригаде Николая Трифонова. Работал он плотником и в нашей бригаде у Николая Торкунова.

Кузьма уехал в Усть-Илимск. Петр Поздняков работал штурманом на пароходе.

Вот такие удивительные судьбы были на Илимской земле.

Живые трупы строили дорогу

1949 год. Много удивительных судеб я встречал на своем жизненном пути. Мне повезло в том, что каждую такую судьбу я пропустил через свой разум, через свое сердце. Многих людей мне помогла найти моя наставница, легендарная Лидия Ивановна Тамм. Вот одна из интересных судеб.

Геннадий Зимин был осужден на десять лет и пять лет поселения. На собрании выступил и покритиковал местного секретаря парткома завода. Зимина взяли ночью. Рассказывали, что на допросах бьют. Зимину, вроде повезло. Его допрашивал бывший фронтовик Ткачук. На груди орденские колодки. Следователь ласково улыбался.

– Будешь отпираться, искать правду – десять лет. Родненький ты мой, ты готовил покушение на секретаря? Скажи правду и пойдешь спать. Молодой ишо. Всё равно десятка. Признайся, родненький.

– За то, что он капнул на меня, и я готов убить его.

– Ну вот, – продолжал улыбаться следователь. Странно. Только глаза оставались цвета стали. – Это уже лучше. Коммунистов не любишь?

– За чо их любить? Лишь бы не работать, а дай только языком болтать.

– Вот видишь, как у нас с тобой хорошо получается. Значит, коммунисты лодыри и болтуны? Хорошо. Это уже лучше, – сказал он, и очень тихо спросил: – Ты бы их всех под корень? Правильно родненький?

– Без них в других странах живут и без них.

Ткачук продолжал нежно улыбаться. Опять тихо спросил:

– Какие страны? Мне по секрету скажи.

И тут Зимин почувствовал, что Ткачук играл с ним. Надо помочь. Ему можно, а почему Зимину нельзя?

– Например, есть земля Санникова. Туда бы мне отправиться. Страна Санникова.

Следователь грохнул кулаком по столу. Продолжал улыбаться.

– Слушай сюда! Я таких мерзавцев на фронте навидался. К оврагу, и пулю в затылок. Штрафные роты для вас были как раз.

И он ударил Геннадия. Вбежали охранники. Началось избивание. Выбили передние зубы, сломали нос, повредили руку. На суде зачитали, что он шпион от нескольких государств. 10 лет, и ссылка на пять лет на север. Следователь грозился Колымой, но Кузьму отправили в Якутию на заготовку дров для пароходов на реке Лене. Через год этап в сорок человек погрузили в трюм на пароход «Клавдий Краснаяр», и доставили в порт Осетрово. Здесь строилась дорога от Тайшета до Лены. Лагеря пополнялись. И вот после войны, лагеря стали заполняться врагами народа, бытовиками, полициядами, власовцами, народами с Западной Украины, из Крыма, с Кавказа, из Прибалтики. Так что, с

русским народом, а их было большинство, отправлялись на зону и другие народы. Все пострадали, а больше всех – русские.

Геннадий попал в бригаду, состоящую из ста человек. Заключение доставалось от бригадира и конвоиров. И вдруг, Геннадий увидел следователя Ткачук. Его направили, видимо, наводить «порядок» на зоне. Ткачук так же продолжал улыбаться. Зими́на он не узнал. Да и как узнать? Худой, грязный, в рваной телогрейке. Перед Ткачук выстроили бригаду.

– Граждане заключенные, родненькие вы мои! Мы строим дорогу. Она всем нужна. Она будет нами проложена в светлое будущее. Мы войдем в коммунизм, хоть нам и мешают враги народа. Мало их стреляли, вешали, а они ползут и ползут. Родненькие вы мои, план надо выполнять.

– С такой балладной мы план не выполним, – ответил рядом стоящий Зиминым мужичок. – Мясо давай!

Ткачук замолчал. Ещё шире заулыбался. Подошел к мужикам. От него пахло нежными духами. Он весь так и светился, только глаза были стальными.

– Мясо захотел? Конвой, увезти ко мне в кабинет. Кто ещё хочет мяса? Выходите, родненькие вы мои, не стесняйтесь. Я вам устрою мясо. А кто план будет выполнять?

– Смешно, – ответил Геннадий. – Вам бы на сцену.

– Да? – спросил Ткачук. – Кто ты, родненький?

Геннадий назвал, и даже статью сообщил. Так положено.

– Да? – опять спросил офицер. – И здесь пытаешься вредить. Что улыбаешься?

– Смешно. Веселишься, гражданин начальник? Или как?

– Конвойный. Ко мне в кабинет родненького. Там побеседуем.

В кабинете мужиков прилично избил. Первым начал хлестать по щекам Ткачук. Да ещё приговаривал:

– Ай, славно! Ай, хорошо! Скорей бы вас уничтожить, и сразу жизнь наладится! Ай, добро! Ай, хорошо!

Оба попали в лазарет. Врач спросил, кто это их избил? Бригадир?

– Под дерево угодили, – ответил Геннадий.

Врач всё понимал. Сказал:

– Ну, никак не успокоится Ткачук. Ведь на фронте был. Как же так?

Дело в том, что с войны пришли в администрацию лагерей и настоящие фронтовики. Это были другие люди. Они не издевались над заключенными, сочувствовали им. Врач тоже прошел войну. Был на Колыме. Там ещё более жестоко относятся к заключенным. Люди умирали от голода, от холода, побоев. Но Ткачуки везде есть.

Врач приписал мужикам дополнительный паек, выписал витамины. Странно устроен человек. Плохое запоминается лучше. Фамилию врача Зимин забыл. Только имя запомнил. Дядя Кеша. А вот улыбчивого Ткачука навсегда запомнил. Он улыбался, и говорил, что все они живые трупы, и должны строить дорогу.

– Вы и так не должны жить на свете, родненькие вы мои.

После лечения, к осени 1949 года вышли на работу. Катали тачки со щебенкой, и подбивали её под шпалы.

Зима была суровой. В самые морозные дни работали одни политические. Долго у костра не разрешали сидеть. Обмороженные лица, руки, ноги. Постоянно все эти части тела шелушились. И тонкую как сухую пленку снимали с тела. Появлялась новая кожа. Потом и её снимали. Так бесконечно раз менялась кожа. Откуда только она бралась. Сквозь рваные бушлаты пробивался мороз. На ногах сшитые из старых рукавов бурки, на головах стеганые шапки. Всё это не грело. Трупы складывали в поленницу. А когда теплело, рыли общую могилу.

Зимин выжил. В 1953 году после смерти Сталина немного легче стало. Тут его освободили. Поселился в старой Коршунихе. Устроился в «Кузнецктяжстрой».

Проявился талант к писанию. Приходил ко мне, а также к Лидии Ивановны Тамм. В 1958 году в Москве он стал членом союза писателей. В 1960 году, когда я был в Москве на слете молодых авторов, в гостинице я случайно встретился с ним. Всю ночь проговорили. Вскоре он эмигрировал за границу. Дальнейшая судьба неизвестна.

Сапоги со скрипом

1949 год. После войны люди вербовались на Дальний Восток и на север Сибири. Вербованные с западной части страны набивались в телячьи вагоны с нарами. Сибиряки с любопытством смотрели на оборванных и голодных людей. Было такое ощущение, будто весь запад после войны стал переселяться в Сибирь.

Виктор Пархоменко демобилизовался из армии и приехал в свой колхоз. Не стал устраиваться, а поехал в Москву. Решил записаться. Мечтал приехать в свою родную деревню на собственной «Волге». Построит добротный дом, разведет сад, и женится на местной красавице.

Из Москвы поезд подцепил несколько вагонов набитых людьми, и потянулся в Сибирь.

Виктор попал в экспедицию, которая находилась в какой-то Коршунихе. Заключение договор на три года, получил подъемные, и на повозке с тремя вербованными поехал по проселочной дороге в тайгу.

– Откуда вы такие? – спросила их повариха Ольга Клименкова. Она тоже из вербованных. Работала уборщицей, потом перевели в повара. – Сейчас лето, а двое в лаптях.

– У них лапти, а у меня обмотки, – ответил Виктор.

Ольга накормила их. Тут вошли в столовую главный инженер экспедиции Иващенко Максим Андреевич. В будущем одну из улиц в Железнодорожке назовут его именем. С ним был геолог Ширяев Павел Михайлович.

– Вот, Павел, и люди стали прибывать. Дела пойдут. Кто из вас плотники?

Все умели плотничать. Деревенские мужики. Умельцы.

– Скажи завхозу Ивану, пусть немедленно выдаст спецовку, – сказал Иващенко. – В первую очередь их в баню. Выдать мыло. Поставить на довольствие. Вот что, мужики, с утра пойдете на строительство домиков для железнодорожников и геологов на месте, где, возможно, будет город. Но в любое время вы потребуетесь в штольню и к буровикам. Всякие работы нужны.

После обеда получили спецовки, и даже выдали кирзовые сапоги. Гриша Пупков начистил их до блеска. Зачем, спросили ребята.

– Завтра схожу в Шестаково и сфотоюсь. Вышлю фотку домой. Пусть полюбуются. Я в сапогах. А лапти сожгу.

И он бросил их в печь. Ребята решили все сфотографироваться.

Наутро, получив ещё накомарники, отправились строить домики. Всё было бы хорошо, но мешала мошка. Маленькая, прыгучая, она лезла везде.

Природа удивила парней своей дикой красотой. Речки чисты и прозрачны. Каждый камушек виден. Парни впервые попробовали чуть подсоленного хариуса. Такую вкуснятину они ещё не пробовали. Рядом порхают рябчики и другая дичь. Однажды, на водопой вышло стадо сохатых. Удивленно посмотрели на людей в накомарниках, и спокойно удалились.

– Вот это Сибирь! – воскликнул Гриша Пупков. – Меня пугали.

– Посмотрим, как вы запоете зимой, – сообщил местный житель Иван Михайловский. Он жил в домике у самой речки Коршуниха. Кусты смородины окружали огород. Огромный куст черёмухи прикрывал дом. На самом берегу стоял стол. Рабочие и геологи часто приходили сюда поиграть в шахматы, шашки, а то и выпить. Вечерами пели. Старожилы должны помнить Михайловского и его домик с огромной черемухой. Рабочие построили клуб. И его заведующая Нина Ивановна Сыриц организовала художественную самодеятельность. Вечерами проходили танцы, показывали и кино. Была и маленькая библиотека.

Гриша Пупков утром пришел в новых лаптях. Спросили, почему?

– Сапоги хорошо начистил. Жалко марать. Завтра воскресенье. И пойду в Шестаково фотаться.

– Ты ведь лапти сжег!

– Это у меня запасные. Вот и пригодились.

Вечером он ходил по общежитию. Начищенные до блеска сапоги радостно и приятно скрипели. Утром пошли в Шестаково. Все вместе сфотографировались в блестящих сапогах и в новенькой спецовке. Прошли годы, и тот случай с сапогами мой друг Виктор Пархоменко вспоминает с юмором. А в то время было столько радости, что он сменял обмотки на скрипучие и новенькие сапоги.

Строили домик на две квартиры, и почти рядом заключенные укладывали камень, готовили площадку под рельсы. Здесь будет станция. И должен быть запасной путь.

К ногам Виктора упало что-то завернутое в платочек. Поднял. Там были деньги. Зачем? Что это? Один из старожилов сказал:

– На эти деньги они просят купить чай в пачках.

Виктор пошел в поселок. В магазинчике купил чай в пачках. Завернул в платочек, и когда конвоир отвернулся, бросил платочек в сторону заключенных. Так вербованные снабжали заключенных чаем для чифира. Порой добавляли лишние пачки, а то и сахар, конфеты. Снабжение в магазинчике было отменное. Например, Гриша Пупков всю жизнь мечтал о манной каше. Тут он заваривал её в большом тазу, и постоянно ел её со сгущенным молоком. Так вот, этого Пупкова прозвали – Гриша Манная каша. Поскрипывая сапогами, Гриша ходил по общежитию, и пытался всех угостить кашей. Такой уж был Гриша.

Однажды, пришли в общежитие – главный инженер Максим Иващенко, и старший мастер Георгий Гусев. Было воскресенье.

– Ребятки, у нас к вам просьба. На машине из Хребтовой доставили буровой станок. Машина в гору не идет. Надо помочь буровикам. Нужны добровольцы.

Делать было нечего. Надоело лежать на нарах. Собрались, а Гриши нет.

– Где Гриша Манная каша? – спросил Гусев. – Он за троих может работать.

– Кашу в тазу заваривает, – ответил Виктор.

– Иду, иду! – крикнул из кухни Гриша. – Товарищи Иващенко и Гусев попробуйте моей каши!

Он разлил кашу по чашкам. Бросил туда сливочного масла. Геологи съели кашу.

– Честно скажу, – улыбнулся Иващенко. – Такой каши в жизни не пробовал. Ты бы лишним маслом сапоги смазал. Скрипят громко. Ночью в нашем домике этот скрип слышно. Медведи ша-рахаются.

– Этот скрип душу мне радует. Не лапти ведь это. Да и на охране поселка они состоят. От лихого человека, зверья разного охраняют.

Пошли все рабочие. Тянули станки и другое оборудование. Некоторые вербованные и ссыльные копали шурфы на горе.

Станок установил по склону горы. Далеко внизу узкой ленточкой змеилась Коршуниха. Домики казались спичечными коробками.

В метрах двадцати вышел медведь.

– Он часто приходит к нам, – сказал Гусев. – Караулит, когда все после обеда уходят к станкам. Съедает всё, что осталось.

Минут тридцать медведь ходил кругами, а потом, недовольно поворчав, пошел туда, где росла рясная черника.

– Это он от скрипа твоих сапог шарахнулся, – смеялись мужики.

Помогли геологам установить палатку, и пошли в поселок. Дорогой набрали три ведра грибов. Отдали на кухню поварихе Ольге.

Нина Ивановна Сыриц обратилась к парням за помощью.

– Работа работой, но нужен и отдых. Нужна хорошая самодеятельность. Я слушала. Вы хорошо поете.

Гриша Пупков знал басни Крылова. Приходько играл на гитаре и пел. Виктор Пархоменко отлично играл на гармошке, а повариха Ольга пела русские старинные песни.

Несколько парней собрались в клубе на репетицию. Перед октябрьским праздником состоялся первый концерт.

Виктор Приходько остался здесь навсегда.

– Здесь моя родина, – ответил он мне. – У нас с моей бабушкой есть внуки и правнуки. Но молодость, как мы работали и жили в старой Коршунихе, часто вспоминаю.

Побег из неволи в будущее

1950 год. Вот уже месяц над тайгой стояла устойчивая жара. Мошка тучами вилась над людьми, кровянила лица, руки. Дышать было тяжело. От станции Затопляемая, так стали называть станцию у села Шестаково, появились первые рельсы. Как сказали мастера, это был самый трудный участок до самой Хребтовой. Юрий Ружников вот уже два месяца возил тачки с камнем.

В их бригаде было до ста человек. Руководил ею уголовник Пушкин.

Звеньевым был Виктор Капитонович Коротченко. Когда Юрия два года назад доставили сюда, то он пытался доказать начальнику участка, что его осудили напрасно. Он не виноват.

– Я жил в общежитии. Повесил картины из эпохи возрождения, а сосед по комнате капнул на меня, что я связан с иностранцем, который снабжает меня картинами и книгами. Был обыск. Нашли у меня стихи Гейне и Есенина. За это мне приговорили десятку.

– За дело, – ответил начальник. – За просто так – не садят. Все вы говорите, что не виноваты. За дело. Здесь тебя исправят.

И отправили его в бригаду уголовника Пушкина. Он был хромой, и носил тяжелую трость. И она часто опускалась на спины людей.

Понимал Юрия один Виктор Капитонович. Однажды он сказал:

– Все так называемые враги – невинные. Например, Ивана Денисова посадили за частушки. Иннокентия Максимова за то, что не так ответил начальнику. Меня за то, что как начальника ОРСа в Черемхово, подставил завскладом. Прилепили политику, что я, мол, пытался разрушить социализм. Если Пушкин сидит за то, что старушек обкрадывал, то ему облегчение. А профессору – тачка и кайла.

– Тогда я сбегу, – ответил Юрий.

– Редко кто совсем сбегает. Догонят и собаками затравят.

Но Юрий не захотел так страдать ещё восемь лет. За что? Не имеют право! Зимой замерзнуть? В эту зиму многие замерзли, а кого прикладами забили. Разве можно такое вычеркнуть из истории? Страшное было время. Он вспомнил, когда его допрашивали, то подвешивали на крюк, и тушили папиросы на теле. Что это за власть такая, что ничего нельзя сказать? На допросе он признался.

– Каюсь. Я шпион не только от Америки, но и от Сейшельских островов и от самой Антарктиды.

После такой шутки его изрядно избили. Он давно понял, что им можно шутить и приписывать шпионаж от нескольких го-

сударств. Почему ему нельзя шутить? Он им это и сказал. Пошутил.

Подвернулся случай. Юрий хорошо играл на гитаре и пел. Вот и пришло послабление. Он выходил на сцену. Пел для таких людей, как он. Но его заставляли петь и для начальника колонии.

Шел сильный дождь. Ветер. И Юрий бежал. С ним побежали два уголовника. Они тоже играли на сцене.

На третьи сутки вышли к маленькой речке. Нашли лодку и всю ночь плыли, а днем отлеживались. Лодку бросили. Опасно. Через неделю вышли к деревушке. Вошли во двор. Встретил их обросший дядя. Охотник. Он понял, кто перед ним. Накормил, и даже дал выпить. Потом одел их в свои одежды. Мужик рассказал, что в начале, тридцатых годах он тоже бежал из лагеря. Месяц скрывался в тайге, и вышел к этой деревне. В ней жили бывшие каторжане. Такие не выдадут. Недалеко была река Лена. Кузьма устроил их на погрузку карбасов. Выдали им справки. Юрий взял себе фамилию Кузьмин, в честь своего спасителя. Уголовники Костя и Фёдор тоже отправились с Юрием на север. Как-то они остановились в городе Олекминск. Кстати, в этих местах многие беглецы останавливались в этом благословенном краю. В те годы это был самый богатый район в Якутии. Там всех принимали. А его товарищи поплыли до Якутска. Больше они никогда не встретились. В те годы Якутия многих беглецов и разных бродяг принимала. Все они стали настоящими хозяевами. Юрий около года жил в деревне Абага в Олекминском районе. Работал плотником. Потом он работал завхозом в пригородном хозяйстве. Там и женился. Взял фамилию жены – Бутаков. Родились двое детей.

Однажды, в 1959 году в газете прочитал, что в Илимском краю строится город. И потянуло Юрия на старые места. Он знал, какие там прекрасные места. Потянуло его, хоть вой. Жена согласилась. Дело в том, что её родители из города Черемхово. Ещё в тридцатые годы были высланы в эти места.

И вот к концу 1959 года Юрий Бутаков с семьей переехал в Коршуниху. К этому времени, лагерь, где отбывал срок Юрий – исчез.

Устроился в бригаду плотников Николая Торкунова, а жена в детский сад няней. Я тогда жил в щитовом домике. И его семья была принята в мою семью. Полгода мы жили в одной комнате. Потом они получили квартиру.

Однажды, Юрий пришел ко мне на кружку чая. Принес бутылку.

– Захотелось с кем-то поделиться. Чего теперь бояться. Мне уже 78 лет. Жизнь на исходе. Здесь я когда-то жил. На зоне. Я в бегах.

И он поведал о своей судьбе. Я ему сказал:

– Взяли бы тогда все политики и побежали.

– Я также думал. Такое никому, видимо, в голову не приходило. Каждый думал, что там, наверху, не знают о безобразиях. Узнают, мол, и всё изменится. Были такие, как и я. Бежали под пули. Мне захотелось всем на зло – выжить. Там, в Якутии я знал многих, которые бежали от родной советской власти. Север многих уничтожил на зоне, но и спас, таких людей, как я. Все они потом стали прекрасными людьми. Настоящие труженики. Там они остались. Меня сюда потянуло. Могилки наших товарищей нашел. Крест поставил. Так за нас никто и не ответил. Те, которые нас допрашивали, ведь живы ещё. О чем они думают? И пенсии хорошие получают. Где справедливость? Кто расскажет о нас?

Он подошел к окну, постаревший и сторбленный. О чем думал он? Мой новый друг Ружников-Кузьмин-Бутаков что видел в темном окне? Может, видел прошлое, загубленных своих товарищей по зоне на строительстве этой дороги? Я не мешал ему.

Вспомнил слова моей наставницы, легендарной Лидии Ивановны Тамм:

– Почему-то я на тебя, Юрка, надеюсь, что когда-нибудь ты напишешь об этих людях. Будут писать о лагерях статьи. А ты напиши конкретно о каждом. Обещай.

И я обещал. Пишу вот эту книгу в виде художественных зарисовок.

Общак геологов

1950 год. До армии Юра Егоров жил и работал в колхозе. Мечтал вырваться из этой кабалы. Ничего хорошего в колхозе он не видел. На всех работах был. В армии служил танкистом. Демобилизовался в 1948 году. Стал путешествовать, бродяжничать. Случалось, и шабашил. Этим и жил. За два года изъездил почти всю страну. Стал настоящим тунеядцем. Он знал, что таких людей, как он, преследуют по закону. Бросают в лагеря за тунеядство. Ссылают. Познакомился с Гошей Семеновым. Стали бродяжничать вместе. Как-то судьба забросила их в Иркутск. На речном вокзале, как и на железнодорожном кого только не было. Даже перечислять всех категорий людей нет смысла. Ночь они спали, как и многие такие же, как они, под лавками, на берегу Ангары у костра. Забыл он, когда нормально ел. Военная форма износилась, сапоги стоптал. Гадость разную он не пил. На водку денег не было. Побирались они на свалках, порой и спали там.

– Может, на север рванем? – предложил Семенов. – Как-нибудь нырнем на пароход без билета. Там видно будет.

Семенов тунеядец со стажем. Пять лет бродяжничает. В 1944 году попал на фронт семнадцатилетним парнем. Даже имеет медали «За отвагу» и орден «Красной звезды». Демобилизовали по ранению. Трех пальцев нет на правой руке. Отца и мать немцы убили. Брата и сестру в какой-то детский дом отдали.

Сидели они на бревне на берегу Ангары, и решали, куда ехать? Тут к ним подсел чисто одетый мужик.

– Угол жизни, ребятки, ищите? Присмотрелся к вам. Менять жизнь надо. Пообносились солдатики. Отощали. Скажу прямо. Подходите вы мне. В геологическую партию пойдете? Сейчас в конторе всё оформим. И поедете со мной. Документы с собой?

Он бережно просмотрел паспорта, военные билеты и сказал:

– Не стыдно, товарищ старший сержант запаса Егоров? А вам не стыдно товарищ фронтовик и орденосец? Всё. За мной шагом марш.

Так закончилась бродячая жизнь двух друзей. Они теперь стали вербованными.

На пароходе они добрались до Заярска. Там на машине до деревни Хребтовая.

– Дальше пешком, – сообщил геолог. Это был знаменитый начальник геологической экспедиции Иващенко Максим Андреевич. В будущем его именем назовут одну из улиц в городе Железногорске.

По проселочной дороге. Да и какая это дорога? Почти тропа. Вся в колдобинах. Грязь, вода, упавшие деревья. Встретилось на пути зимовье. Здесь Иващенко достал консервы с говяжьей тушенкой. Дал парням по куску сахара и хлеб. Развели костер. Заварили таежный чай. Ужин получился отменный.

– Будем спать поочередно, – приказал геолог. – Здесь есть медведи. А ещё хуже и коварнее – беглецы из лагеря. Они тоже всякие бывают.

Ночь прошла спокойно. Утром отправились в путь. Миновали Коршуновский лагерь. Дошли до щитовых домиков и трех палаток, в которых жили ссыльные и вербованные.

– Вот на этом месте, запомните, ребятки, будет стоять город. Будет обогатительная фабрика. В Илимске Радищев ссылку отбывал. Вот в честь его и назвали бы город.

– Не разрешат, – ответил Юрий. – Скажут – древность. В честь какого-нибудь члена правительства назовут. У нас так принято.

– Я бы у народа спросил, как его назвать, – ответил Гоша.

Пришли к поселку геологов Коршуниха. Парней отправили в баню, выдали новенькую спецовку. Все сели за общий стол.

– У вас всегда так? – удивленно спросил Юрий у рядом сидящего геолога.

– Будем знакомы. Василий Клименков. Мы с женой Ольгой с 1947 года здесь. Завербовались. У нас тут всё общее. Настоящий общак геологов. Здесь жить можно.

Утром с геологом Ширяевым отправились в тайгу.

Копали шурфы, вывозили породу из тоннеля. Пробивали узкую просеку к топографическим вышкам, ставили стойки указывающие маршрут.

Заработали хорошие деньги и купили одежду. В общем-то, она и не нужна была. Ходили в спецовках даже в клуб на танцы.

Потом на берегу речки Коршуниха стали строить домик с перегородкой на две семьи.

– Больше я не куда не поеду, – сказал Юрий. Некоторые ссыльные и вербованные обживались в деревнях по Илимю. Построили дома. Председатели колхозов этих людей принимали с охотой. Это были хорошие труженики.

Иващенко сказал:

– Я бы вам посоветовал поставить щитовой домик на месте будущего города. Мне, кажется, наш поселок ненадежен. Железо кругом. Вдруг заставят снести?

– Пока здесь проживем, – ответил Юрий. Вербованные и геологи ставили домики без всякого проекта, где кому нравится. Никаких улиц и переулков. Даже огороды вскопали. Для общей кухни и овощи свои появились. Жили дружно. Вечерами ходили в клуб. И вдруг у некоторых рабочих стали исчезать деньги. Кстати, деньги никто не прятал. Они были у каждого в своей тумбочке. А тут такое случилось.

– У нас завелась крыса! – больше всех шумел Коля Свищев.

Коля из вербованных. Никто не знал, откуда он? Говорил, что из Ленинграда. Шустрый малый. Работал больше языком. Часть денег нашли под подушкой у паренька из переселенцев из Белоруссии. Парень отслужил армию и приехал в эти края. Мужики собрались у общежития. Коля всех громче кричал. Он бегал вокруг парня и размахивал руками.

– Крысятник! Тебя на зону надо!

Ударил парня. Он клялся, что не брал. Заступился за него пришедший к общежитию геолог Ширияев Павел Михайлович. Он посмотрел на всё это и подошел к Свищеву.

– Отойдем в сторонку, – сказал геолог. Коля кричал: – Нечего мне рот затыкать! Нет такого права рот затыкать!

Ширияев взял его за руку, и вошел с парнем в барак.

– Деньги верни ребятам. Завтра, чтобы тебя здесь духу не было. Не то тобой милиция займется.

Деньги Коля Свищев вернул. Как догадался Ширияев?

– Вокруг этого дела больше всех суетился. Да и знакомо. Два года назад такой случай был в Хребтовой. Бывший воришка завелся. Много шумел. Разоблачили. Свищ пришел к нам из заключения. Пожалели мы его. А на свободе обкрадывал пенсионеров.

На другой день Свищев исчез, но на прощание обокрал Ширяева. Украл ручные часы. Погоню не стали устраивать. Такой товарищ долго не погуляет. Убежденных уголовников, как Свищев, зона не перевоспитает.

Так что в геологические партии разные люди устраиваются. В основном – честные товарищи.

Бродяги Юрий Егоров и Георгий Семенов больше не бродяжничали. Здесь остановились. Когда поехали комсомолочки, то и невесты готовы. Построили дома.

Юрий Егоров переехал на Усть-Илим, а Георгий здесь остался.

Гулящие люди

1951 год. Павлик Коренев после службы в армии не поехал в колхоз на Брянщину, а завербовался в Сибирь искать железную руду. Тогда многие не хотели из армии возвращаться в колхозы, а вербовались туда, куда вербовали, лишь бы, не в колхоз.

Эшелоны состоящие из телячьих вагонов, набитые до отказа оборванными, голодными вербованными, ссыльными и просто бродягами от Москвы двигались на восток до 45 дней. Часть высаживалась в Иркутске. В этом городе был настоящий пересыльный пункт. Толпы злых обовшивленных людей собирались семьями на речном и железнодорожном вокзалах. Здесь были и искатели приключений, романтики, бежавшие из колхозов, от властей, цыгане и другие народности. Всех их ещё называли гулящие люди. В основном на Дальний Восток ехали только вербованные. Туда просто так не проедешь. Нужен вызов. Многие сейчас это не помнят, как и не знают, что такое вербованные. А их были сотни тысяч наводнившие север Иркутской области и Якутии. Об этом неожиданно все забыли, и не принято было писать в газету. Проще и надежнее писали о комсомольцах-добровольцах. Будто они начинали строить города. Это неправ-

да. Первопроходцами были те люди, о которых в этой книге рассказываю.

Гулящие люди. Мне очень хорошо знакома эта глубинная часть народа, так как я сам произошел из бродяг, гулящих. История должна знать прослойку этого обездоленного после военного времени народа. Это они, как и заключенные, начинали осваивать глухие места Сибири, строить новые города и поселки, открывать богатые залежи руды, строить железную дорогу. Особенно их везли в эти места, начиная с 1946 года. До этого года везли заключенных. Сотни тысяч заключенных направляли на строительство новой дороги, а также на лесоповал в Илимскую тайгу, на Лену, в Якутию.

На пароходе добирались до Заярска или до Братска. А там, через Ангару и на машину. Доезжали на них до Лены. На пароходах, карбасах, лодках, плотах двигались на север. А некоторые оседали в Илимских краях.

Сердобольные сибиряки, особенно на главной магистрали, как могли, помогали семьям с ребятишками, хотя и сами жили бедненько, но не голодали. Возможно, из-за того, что сами произошли от ссыльных, переселенцев и каторжан, и их предки были такими же.

Бродяг, нищих, вербованных с западной части страны надо было понять. Послевоенное время. Разруха, голод, неурожай, дикие налоги на последнюю курицу толкали людей туда, куда вербовали. Лишь бы выжить. А среди гулящих были всякие люди. Попадались и воришки. Последний кусок хлеба могли украсть. Таких воришек изгоняли из вагона. Попрашайничать или что-то обменять на хлеб – можно. Только не укради у такого же несчастного. Умри от голода, но не трогай чужого. На стороне можно, но только не в своем вагоне.

Павлик Коренев был из тех гулящих, которому было всё равно, куда определяют вербовщики. Кирзовые сапоги он давно сменял на хлеб. На свалке подобрал тапочки.

Вербовщик выдал справку, что он определен на поиски железной руды. Какая разница? Его товарищи с семьями были приписаны к какому-то колхозу. Приняли их на маленький пароходик и поплыл он по Илимю.

Павлик Коренев и ещё трое парней стояли перед начальником экспедиции Иващенко Максимом Андреевичем изможденные, в лохмотьях. Один в тапочках, двое в красных американских ботинках, которым сносу не было. В армии такие давали вместе с обмотками в конце войны. Опять забыли? Можно и умышленно забыть. Мол, ничего этого не было.

Завхозу сказал:

– Подстричь, отправить в баню, одежду сжечь. Выдать чистое белье, спецовку и сапоги. А потом уж накормить. Потом спать. Два дня отдыха. Всё.

Спали около двух суток.

На третье утро собрались в конторке геологов.

– Вот и отоспались. Это хорошо. Теперь покажите себя в работе, – сказал начальник экспедиции. – Пойдете с Павлом Михайловичем Ширяевым. Старший геолог. Он вам покажет, как и где копать шурфы. Там будут старшие рабочие Клименков Василий, и Иван Бесков. Они у нас с 1947 года. Трудяги отменные.

– Это гулящие люди! Не нужны они нам! – возразил рабочий Игнат. – Ещё договор с ними заключили. Получат деньги, и поминай, как звали. Ведь уже сбежали двое. Мошка им не понравилась. Где их искать?

– Я вот этим ребятам верю, – ответил Иващенко, – Подумаешь, гулящие. Значит, плохие люди? Глядишь, и город начнут строить. Детей наплодят. Пока аванс получите. Потом и по договору получите деньги. Разговор уже идет насчет города. За работу, ребята. У меня всё.

В это время вошел старший рабочий Василий Клименков.

– Мазь кончилась. От пота на шурфах мошка совсем заела. Обещали рабочих подкинуть. Где они?

– Забирай. Инструмент выдай.

– Они на второй день сбегут, – не унимался Игнат.

Клименков оглядел парней, улыбнулся и ответил:

– Эти не сбегут. А ты, Игнат, всех баламутишь. Ты и сбежишь.

Пришли к месту работы. Наложили мазь на лицо, шею, руки, одели накомарники. Василий выделил парням участок земли, объяснил им всё, и они приступили копать и долбить землю.

– По северному склону горы руда почти наверху, – сообщил Василий. – Даже душа радуется. Мы участники раскрытых огромных залежей руды. Мошка мошкой. Плохо то, что здесь иногда появляются беглецы из зоны. А они тоже разные.

– Мы тоже беглые, – ответил Павлик. – Бежали из колхозов.

– Мой друг Андрюха Овчинников с семьей были приняты в один из местных колхозов. Они тоже беглые. Здесь им дом дали, пашню. Скот развели. Помогают им в колхозе, – ответил Василий. – Витька Бычков тоже беглый. На местной колхознице женился. Даже в районной газете «Илимский партизан» отметили. В прошлом месяце двое беглых спрятались в штольне. Произошел обвал. Их недалеко закопали. Много таких могилко вдоль этой дороги.

Через месяц выдали зарплату. Куча денег. Пошли в село Шестаково. Купили костюмы, туфли, новые рубашки. Вместе сфотографировались. Знай, мол, наших.

Это вам не деревня и не колхоз. Тайга. Здесь ценится рабочий человек. Лишь бы честно работал.

Игнат сбежал. Получил деньги и сбежал. Павел Коренев остался в этих краях. Потом он строил город. В 1975 году уехал строить Усть-Илимскую ГЭС. До сих пор живет там. На пенсии.

Правильная бригада

1951 год. Черемховец Витька Кудрин со шпаной шныряли на базаре, обворовывали заезжих деревенских, ездили по поездам, обкрадывая пассажиров. У Витьки отец пришел с фронта раненым. Через два года умер. Старший брат ушел в армию. Остались трое маленьких. Тяжко жили. И надо было как-то помогать матери. После брата он теперь старший в семье. Собирались мальчишки в одну группу. Крали, что попадет под руку. Выбирали богатеньких. Надо сказать, что во время войны и после, на всех базарах была такая шпана. Я сам прошел воровскую-базарную жизнь. С четырнадцати лет Витька Кудрин жил такой жизнью. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, он попался. У базара обокрали ларек. Судили троих и определили на пять

лет в лагеря. В тюремных вагонах везли их пять суток. Уже тогда была железная дорога от Тайшета. Заключенные проложили её до Братска. Маршрутов для поездов ещё не было. Ходили только рабочие поезда. Да порой провозили в вагонах заключенных. Высадили в Братске. Определили в Братский лагерь. Приняли Кудрина в бригаду плотников строить первые брусчатые дома. Это потом будут трубить, что первыми были комсомольцы-добровольцы. Неправда. Первые дома в Братске тоже строили заключенные, ссыльные и вербованные. Такое нельзя забывать. Это наша история. Если хорошо капнуть мои материалы, что печатались в газетах в советское время, я восемьдесят процентов описывал бывших бродяг, вербованных или прошедших лагерь. И как постепенно они стали нормальными гражданами. Мне они были интереснее, ближе и роднее. О партийных деятелях не писал, потому что, как правило, они были скучны, вруны и все на одно лицо.

Бригадиром был бытовик Степа Хряк. До зоны Хряк работал кладовщиком. Потом была ревизия. Десять лет лагерей. Проявил себя Хряк перед начальством лагеря первосортным подхалимом. И его поставили бригадиром над сотней людей. Хряк не любил работать. Да и живот мешал. Но был подвижен, и как все подхалимы – сутул и на полусогнутых ногах. Такие бригадиры на зоне любили новичкам речи толкать. Таким был и Степа Хряк. Маленькие, пороссячи глазки так и сверлили тех, кому была назначена речь. Новичкам он говорил:

– Вы будете строить город будущего. – Сказал он это, и даже удивился. – Надо же! Как я красиво ляпнул. Тымотри, глядишь и лектором стану. И в коммунизм мы с вами вместе вползем. А чо? Коллективно вкалываем. В столовку строем ходим. Таперица за работу. А то я устал болтать. Говорить с вами, это тоже работа.

Витька Кудрин стал работать с идейным вором, но не блатным. Эта категория воров не работает. Это их закон. Серега Анин идейный вор. Только богатых обкрадывал. На десять лет осудили. Многовато. Он взятое раздавал бедным. А тут обокрал секретаря райкома партии, и его лихого дружка, начальника ОРСа. На войне не были. У них была бронь. Жировали во

время войны. Эти начальники требовали для молодых расстрел. Даже следователь говорил молодым, что им светит по три года. Начальники настояли на большой срок, если их нельзя расстрелять.

Брус поднимали вручную. Механизмов не было. Строительный материал подвозил трактор на «пене». Это огромный лист железа с отверстиями для троса. На этот лист клали брус и другой материал. Работы на первых домах на Падуне строили заключенные.

Начальство лагерей бригадирство не доверяли политикам. За отсутствием вольнонаемных мастеров и прорабов назначали бытовиков. Огромный женский лагерь недалеко от Усть-Кута вел все работы по прокладке железной дороги навстречу мужским заключенным. Работы в этом лагере было не меньше, чем в мужском. Ещё в 1962 году Лидия Ивановна Тамм познакомилась со мной с одной из бывшей заключенной. После освобождения осталась в Коршунихе. Места понравились. Разбитная женщина, но нервная. Вышла замуж за тихого сантехника. Она потом работала в нашей бригаде на подъемном кране. Больше из женщин из местных лагерей не знал. В основном, женщины возвращались на свою родину. Мужчины не очень привязаны к родным местам. Многие остались здесь. Кстати, каждая колхозница была рада расстаться с колхозной жизнью и перебраться на стройку. И выходили замуж за освободившихся мужиков.

Витька Кудрин и его товарищ Серега Анин стелили полы. Пришел бригадир Степа Хряк.

– Чо телитесь? Кушать захотели?

Все знали, что слово «кушать» у Степы означало бить палкой по спине.

– Сегодня комнату закончим, – ответил Виктор.

– Треп? На первом этаже профессор кушать захотел. Получил от меня по науке.

– Не стыдно старого обижать? – спросил Серега. – Попробуй меня ударить – загрызу. Он ведь старик.

– Старый. Там он был профессор. Антилиген. Институты есть. Надо мной он был. Я, например, совсем не учился. От школы меня тошнило. А здесь. Здесь я над ним. Полковники,

енералы подо мной ходют. Разе не антиресно? Терпеть не могу антилигенов. Ты ведь вор. Зачем профессора защищаешь? Вы оба воры. Чо вы так?

– Сволочь, ты Хряк, – тихо сказал Серега, но готов взорваться. – Стариков только и готов обижать. Двоих уже забил до смерти. А всё сперли, что он умер от сердца.

– Чо?! Чо ты сказал? – прошипел бригадир, и поднял палку, но Серега отобрал её, и выкинул в окно.

– Мотри у меня, – ответил бригадир и ушел.

– Теперь надо держать ухо востро. Стукачей своих нашлет, – сказал Витька. – Будем держаться вместе.

Надо сказать, что стукачество поощрялось, как на зоне, так и на воле. Все следили за каждым, и каждый за всеми. Такая уж была наша страна.

Через месяц Кудрина и Анина этапом отправили в Коршуновский лагерь. А с ними и Хряка. В бараке было холодно, и Хряк у одного политика отобрал свитер. У политиков отбирали теплую одежду, обувь. Это были совершенно бесправные люди. Анин у Хряка вырвал свитер и отдал политику. Лагерь – это особая страна. Там нет защиты, нет законов. Кто хитрее, ловчее, тот и прав. Там не любят интеллигентов. Особенно отличаются в подлости безграмотные, полудебилы, отсидевшие несколько сроков за ограбление стариков.

Кудрин и Анин и ещё несколько таких людей, как они, организовались и не давали себя в обиду. Защищали ослабевших от голода и побоев. Такие группы на зоне тоже были. Бригада возникла в бригаде. Бывали и стычки, поножовщина, смертельные случаи. Всякое было.

Начальник лагеря, бывший фронтовик, сам пришел в бригаду отчаянных и бывших честных воров. Похвалил. Назначил бригадиром Кудрина. На прощание сказал:

– Правильная бригада. Больше бы таких товарищей. И политиков защитили. Я видел их на фронте в одном окопе со мной. Отменно воевали. Это были честные солдаты. Защищайте их.

Через несколько дней Хряка перевели в другую бригаду. Главным бригадиром назначили Сергея Анина. Так что два друга стали бригадирами.

После освобождения остались в Коршунихе. После окончания института Сергей Анин по вызову уехал в Норильск. Был начальником участка. Кандидат наук. Виктор Кудрин уехал строить Саяно-Шушенскую ГЭС. Работал прорабом на стройке.

В медвежьем краю

1952 год. У Юрия Григорьева друг Борис демобилизовался и завербовался в Бодайбинский район. Решил Юрий испытать счастья. Поехал в Бодайбо на пароходе «Лермонтов». В те годы такой пароход ходил от Осетрово до Бодайбо. Потом его отправили на металлолом. Юрия устроили в бригаду золотоискателей. Не понравилось. В бригаде собрались алкаши и подхалимы. Зарботки низкие. Хватало на водку и еду. Всё шло бригадиру, мастеру и начальнику, и, как правило, подхалимским конторским, и ещё куда-то. Юрий возмутился, но алкаши поднялись против парня. Как же так? Новичок, и вдруг стал права качать! Начальство предложило ему – уволиться. Нашел Бориса. Сплавался мужик. Махнул на всё это Юрий, и на пароходе уехал до Осетрово. У одного вербованного, он был в Усть-Куте в командировке, узнал, что там, где он работает, очень хорошо. Можно заработать. И природа отменная. Познакомился с инженером геологом Витольдом Кравчук, (это отец той самой Татьяны, в день рождения которой назвали железорудную гору, а месторождение Татьянинское). Он осмотрел Юрия, проверил документы и сказал:

– На летуна не похож. Будешь руду искать. Подъемные получишь, одежду купишь, а то военную форму уже изорвал. Сейчас помощи с буровым оборудованием.

Так Юрий Григорьев завербовался в Коршунувскую экспедицию.

С другими мужиками загрузили на две машины буровое оборудование и поехали до Хребтовой. Там шли дожди. Перегрузили на телеги с двумя лошадками, и по бездорожью двинули через тайгу к поселку геологов Коршуниха.

На половине пути из тайги вышли трое. Было ясно, что это беглецы. Один из них подошел к Кравчуку и показал нож.

– Всё, чо есть пожрать – отдать. Шутить не люблю.
– Я люблю шутить, – ответил Кравчук. – Ищите да обрящите.
– Ты чо нам мозги полощешь? Жратву и махры. Нам надо одеться.

Витольд сделал быстрое движение, и заключенный выронил нож.

– Вон отсюда! – повысил голос Кравчук. – Повежем. Надо было у нас попросить, и мы бы дали, что надо. У нас такие товарищи тоже есть. Они честно работают. Я уверен, что вы старушек обкрадывали. На большее не годны.

– Откуда знаешь, чо мы старушек? – вставая, прохрипел уголовник. – Мы ишо встретимся на узкой дорожке.

– Нет узкой дорожки, все они широкие, – ответил Юрий Григорьев. – Выходи на честный бой.

Зэки скрылись в кустах.

Лошадки тянули телеги в гору. Парни рубили просеку. Через два дня добрались до места. В двух местах уже стояли буровые установки. Виднелись шурфы разной глубины. Недалеко черным провалом зияла штольня. Там копошились люди. Геологи, топографы и гидрологи основательно опоясали две горы.

– Столько руды? – спросил Юрий.

– Много, – ответил Кравчук. – Наметили строить фабрику. Вот там, где тайга.

С высоты через просеку была видна гора, где будет стоять фабрика. Тяжелые, дождевые тучи серой массой ползли по тому месту. Слева виднелся небольшой прогал. Там стояло несколько рубленых домиков и несколько щитовых домиков. Там будет город.

– Красота-то, какая! – воскликнул Юрий. – Никуда отсюда. Подамся в строители. Город хочу построить.

– Сейчас мы продолжаем подготовку базы для строительства города.

Как-то вечером Витольд Кравчук подозвал Юрия и сказал:

– Завтра с утра с топографом Павликом пойдете на место будущего города. Будете заниматься разметкой. Будешь рейку носить. Павлик учится заочно на геологическом институте. Он геодезист, топограф и искатель руды. Все здесь товарищи широ-

кого профиля. Поступай учиться. У Павлика Маркова многому научишься.

Утром он взял рейку, в рюкзак «сухой» паек в виде говяжьей тушенки, ружьё, и пошел с Павликом по таежной тропе до места будущего города. Там, где должна проходить железная дорога, уже стояли три брусчатых домика на две квартиры, и маленький вокзальчик. Если подняться выше с километр, там стояли три брусчатых дома. Их почему-то называли коттеджами. И было ещё несколько щитовых домиков на четыре семьи. А ещё стояло несколько брезентовых палаток. В километрах двух раскинулась зона Коршуновского лагеря. Заключение занимались лесоповалом, подготовкой бревен на брус на единственной пилораме, работающей от дизельного мотора. Работали также на стойках с длинными ручными пилами.

Сквозь тайгу строительство домов почти не видно. Глухая тайга шумела вокруг.

Недалеко от домиков вербованные обнаружили берлогу медведя.

– Надо же, в центре будущего города берлога, – улыбнулся Павлик. – Теперь за работу.

Павлик постоянно что-то записывал в толстую тетрадь, смотрел в чертеж. Юрий носил рейку. Вбивал столбики. Топором вырубал углубления и писал в них графитным карандашом цифры. Химическими карандашами геологи и топографы не пользуются. И старались их не брать. Химические огрызки нужны уголовникам. Они делают трафаретки для карт. Трафаретки накладываются на вырезанные самодельные карты из нескольких склеенных слоев газет и журналов, и обводятся химическим карандашом. Начальство лагеря предупредило геологов, чтобы они не передавали заключенным такие карандаши. Бывали случаи, когда малосрочники нападали на одного или двух геологов и обыскивали их, чтобы найти хотя бы огрызок химического карандаша, и передать на зону. Рабочие партий покупали чай, и перебрасывали через колючую проволоку. Отдельные рабочие, побывавшие на зоне, и отбывающие ссылку, перебрасывали даже водку и карандаши. Так что на зоне всегда были карты, водка и чай. Каждый ээк, даже политик, могут умело заваривать

чифир. Удивительный напиток, а если ещё заваренный в консервной банке на открытом огне.

Юрий встретился с медведем носом к носу. Он уже слышал, как надо вести себя при встрече с хозяином тайги. Юрий застыл, и не смотрел в глаза зверю. Это главное. Потихоньку отступал. Медведь вдруг пошел к Юрию. На задние лапы пока не вставал. Это признак того, что нападать не будет. Медведь подошел, обнюхал ноги Юрия, рейку и потянул рюкзак. Юрий снял его. Медведь рычал и рвал рюкзак. Оттуда вывалилась булка хлеба, круг колбасы, одна банка консервов, два больших куска сахара. Ружьё Юрий боялся снимать. Слышал, что при виде ружья медведь приходит в ярость. Это медведь, видимо, не пуганый выстрелами. Юрий отступал, а зверь сожрал колбасу, и принялся за сахар. Довольно урчал. Юрий отошел метров на двадцать и побежал. Павлик кричал, чтобы он остановился. Юрий добежал до четырех палаток. Там встретили его мужики. Смеялись. Им весело.

– Он никого не обижает, – сообщил ему бригадир Виктор Капитонович Коротченко. Он здесь отбыл срок. Досрочно освободили. Я уже писал о нем. – А вот уходить ему придется. Стройка начнется. И прощай медвежий край. Здесь есть ещё две берлоги. Одна семья куда-то ушла. В медвежьем краю живем. Приходи в гости чаю пошфыркать. Павлик сейчас придет. Привыкай.

Вскоре пришел и Павлик. Принес брошенную Юрием рейку.

Строители накормили геологов. Медведи приходят к краю палаток, а строители кладут там остатки пищи.

Строители тоже приходили к геологам и те тоже усаживали их за стол. В те времена так было здесь заведено.

Юрий Григорьев работал строителем в бригаде Дементюка и Трифонова. Построил город, как и мечтал.

Захарка Дурцев из Одессы

1952 год. «Пачками» везли заключенных на строительство железной дороги, городов и поселков. Об этом не писали. Как-то в районной газете «Маяк коммунизма» был напечатана статья Сергея Плющенко из Заярска «Правда о Гулаге». Отличный, правдивый материал. Но конкретно о простом заключенном он

не написал. Ещё в шестидесятые годы легендарная Лидия Ивановна Тамм просила меня собирать и записывать, а больше напоминать об освобожденных из лагерей людей. Когда-нибудь, мол, пригодятся. Прошли десятилетия. Теперь я думаю, можно рассказать правду об отдельном человеке, которые начинали строить наш город, и железную дорогу, по которой мы ездим. И многие, особенно молодежь, не знают, как она строилась, и как строился наш город.

Захарка Дурцев не служил в армии из-за ярко выраженного плоскостопия. Родителей он потерял во время войны. Детский дом эвакуировали в город Киров. После войны Захарка бежал в родную Одессу. Бродяжничал, воровал. Попался на пустыке. Снял с веревки чьи-то кальсоны и рубашку. Тут его и взяли. Оказывается, он пытался обокрасть секретаря парткома завода и члена райкома партии. Осудили Захарку за такую мелочь по 58 статье на 10 лет.

– За чо!? – возмутился избитый Захарка.

– Ты подорвал авторитет горячо любимой партии, пытался подорвать её основы.

– Я кальсоны у секретаря украл? Откуда я знал? За это? Но это ведь настоящий анекдот!

Сунули его в стольпинский вагон для зэков, и повезли через всю страну на перековку. Целый месяц везли их. Блатные смеялись над парнем. И рыженький Захарка Дурцев из Одессы рассказывал:

– Огольцы, я не знал, что он главный партиец. Я думал, что это кальсоны Федьки Кривого. Попутал чёрт меня. Я говорю этим зверьям – отпустите меня, Христа ради. За кальсоны десятку? За чо?

Маленький, рыженький, юркий он не походил на политика. Как все детдомовские ребята – общителен и смел. Он не боялся блатных. С разговорами он лез к политикам и к блатным. Никто из них не прогонял паренька.

Сгрузили их на станции Тайшет. Перегнали в телячьи вагоны, и поезд медленно двинулся по новой дороге до Братска. Дорогу ещё достраивали. Сдадут её в полную эксплуатацию в декабре 1958 года. Кое-какие участки отлаживались. Подбивали

щепенку, выравняли, строились полустанки, станции, поселки, отводные пути, перегоны. Работ было много. Строились заводы, фабрики, города. И требовались всё новые и новые этапы заключенных. Кому-то подходил срок освобождения. За малейшую провинность добавляли срок. Страна большая, а врагов народа и уголовников много. Так же, как много осталось безымянных могилок вдоль этой дороги. Не зря в народе говорили, что эта дорога построена на костях тех, кто строил её в тридцатые годы и после войны. Нужны были рабы. Сажали за колоски, за украденные кальсоны, за пачку соли, за опоздание на работу. В нашей стране человеческая жизнь за колючей проволокой, как в советское время, так и при царе не ценилась. Жизнь одного человека стоила дешевле куска хлеба, миски баланды. Странно, у нас всегда пытались замалчивать историю того времени. В этой книге я попытался рассказать о простых людям, их судьбах. Даже те же вербованные. Ведь не от хорошей жизни они вербовались в самые отдаленные уголки нашей страны. Вот три категории людей всегда волновали меня. Заключенные, ссыльные и вербованные.

Захарка Дурцев из Одессы стоял перед бригадиром и мастером. Бригада состояла из ста человек. Эти два человека решали судьбу каждого – кому жить, а кому пора умирать. Забивали палками до смерти. Они не трогали на работу блатных. Один мастер хотел их заставить работать, и его утопили в Рассохе.

Бригадир Пушкив был весьма хитрой бестией. В его руках была увесистая трость, и она «гуляла» по спинам заключенных. Его любимая фраза насчет битья – «дать покушать». Через вольных доставал водку, чай, и одаривал блатных. Так что он прекрасно уживался со всеми.

– Да какой из тебя враг народа! – засмеялся Пушкив. – Смех один, а не враг. Посмотрим, на чо ты годишься.

Захарка пытался катать тачку с гравием. Упал вместе с тачкой. Поставили подбивать гравий под шпалы. За это получил трость по спине. В часы отдыха Захарка классно отбивал чечетку. Этим он лечил своё плоскостопие. И, кажется, ноги стали крепче. В бараке блатные заставляли его под гитару и гармошку отбивать чечетку. На зоне таких людей уважали. Плясал до измождения.

Никто его не мог переплясать. Блатные выделяли ему хлеб, и лишнюю миску баланды. Всю эту драгоценность он нёс доходяге врагу народа Иннокентию Белобородову. Выходил умирающего товарища. Кормил его лично. Надо сказать, что на зоне каждый выживает по-своему. Каждый отвечает только за себя. Таков первый закон зоны. Захарка – редкое исключение.

Вши и мошка донимали бедных заключенных. Например, Захарка делал так. Снимал лагерную гимнастерку, и тряс над костром. На время приходило облегчение. Но от костра отгоняли конвоиры и бригадир. Захарку отовсюду убирали. Ничем нельзя было его уничтожить. Живуч.

И вот его и нескольких заключенных отправили принять с дрезины щиты для домиков. С ними были и вербованные во главе со старшим рабочим Клименковым. Я уже писал о нем в нескольких зарисовках. У них с женой Ольгой уже было трое детей. У заключенных был бригадир Виктор Капитонович Коротченко. Он отбыл срок, и остался в Коршунихе. Его даже заключенные уважали. Я тоже писал о нем.

На установленные столбики стали собирать щитовой домик. Коротченко сказал, что такие домики решили поставить в шести переулках. Народ, мол, прибывает, и надо куда-то их расселять.

Захарка неожиданно сказал:

– Пусть этот дом будет первым на Днепровском переулке.

В будущем этот переулок так и назовут.

Бывает исключение. Это сделали Захарке. По трудовым зачетам он освободился. Но надо было ещё отбывать пятилетнюю ссылку.

Виктор Капитонович Коротченко взял его в свою бригаду. Потом Захар женился на комсомолке, работающей в бригаде знаменитого в те времена Ивана Богуты. И сам устроился в эту бригаду.

После регистрации взял фамилию жены. И стал Захаром Белобородовым.

Ушел из жизни в 2000 году.

Жили надеждами

1953 год. Странно, но это был факт, после смерти Сталина миллионы заключенных жили надеждами на освобождение. Неожиданно выпустили из лагерей многих уголовников. Правда, многие из них долго не были на свободе. По всей стране, где они появлялись, начались разбои, убийства. Было такое ощущение, будто кто их специально выпустил. Их ещё называли «Птенцы Берии». На политиков амнистии не было. После расстрела Берии «враги народа» стали жить надеждой на полную реабилитацию. Тревожное было время. На тех уголовников, что не попали под статью на освобождение, ещё более озверели, и вымещали зло на «врагах народа», и на молодых уголовниках. Даже конвоиры боялись подойти ближе. Если уголовники приближались, стреляли. В такое время попал в Коршуновский лагерь семнадцатилетний воришка Колька Смирнов. Он на поле собрал два мешка колосков. Думал их обмолотить и смолоть на ручной мельнице, чтобы накормить меньших братьев и сестер. Отец пришел с войны инвалидом и вскоре умер. Объездчик поймал Кольку, избил и доставил в милицию. Там Колька стал рассказывать о семье. В общем, что-то не то сказал. И ему дали малый срок – по 58 статье на восемь лет за подрыв экономики страны. Были такие статьи за колоски от двух до пяти лет. Надо было заполнять освободившиеся места на зоне.

Кольку с этапом доставили до Хребтовой, а там по раскисшей дороге до Коршуновского лагеря. Надо сказать, что тогда ходили рабочие поезда от Усть-Кута до Хребтовой. Ходили поезда медленно, как говорили «на ощупь». Оставалось ещё пять лет до её пуска. Это случилось в декабре 1958 года.

Лучшие места в бараках да и по всем лагерям того времени были заняты уголовниками, ближе к печке, к пробивающимся лучам солнца. Политики и прочие доходяги у дверей. Уголовники играли в буру на одежду политиков и на их жизнь. 1953 год был сложным. Все понимали, что так долго длиться не может. Два тирана исчезли из жизни. Надо было терпеть и ждать. Это вселяло надежду к жизни. Меньше стало самоубийств. Товарищ

Кольки Чудов от невыносимой жизни бросился на колючую проволоку. Она была под током.

Колька жил с политическими. Грелись спина к спине. Летом в жару донимала мошка, комары и вши. Зимой были обморожены лица. К костру уголовники политиков не подпускали. Перевыполнение плана делали политики и бытовики. Трудовые зачеты шли всем, но не политикам. Конечно, деньги политикам давали. Можно было купить хлеба в ларьке, который находился в зоне. Хлеб могли отобрать уголовники. Один фронтовик побывал в плену у немцев в лагере. Он сказал, что разницы нет между советскими и фашистскими лагерями. Конечно, разница была. В фашистских лагерях все были равны.

Начиная с двадцатых годов, когда появились концентрационные лагеря, в общей сложности, как говорят историки, до 1956 года, погибло более двадцати миллионов заключенных. Вот такая была наша страна. И до каких пор будут ходить с портретами Сталина? Ради памяти погибших не надо бы это делать. Это ведь великий грех!

Надо было пополнять лагерь, вот и придумали – войну за колоски. В народе называли – колосковая война. Потом придумали ещё одну статью. За прогулы, за опоздание на работу от четырёх месяцев до шести лет, по статье за тунеядство. Миллионы людей пошли на зону по этому указу.

– Такой прыщ и против народа? – удивился бригадир. – Значит, грамотный? Грамотность вышибу! – сказал он так, и несколько раз ударил палкой.

Поставил Кольку катать тачку. Он её не удержал, и вместе с нею упал в канаву. Бригадир палкой стал избивать парня. В это время никто не должен вмешиваться. Таков был закон на зоне. Каждый отвечает за себя, и получает любое наказание за себя. Бригадир должен быть именно таким, чтобы показаться руководству лагеря с «лучшей» стороны. Хорошо бригада работает, почет и деньги бригадиру. Каждый бригадир боялся, чтобы не сняли его с должности. Тогда ему не жить. Ночью могли убить. Каждый бригадир, чтобы показать начальству свою преданность, пытался заставить работать блатных. Тогда он мог получить нож в спину. Должность бригадира была не завидной.

Надо было угождать и начальству и вора́м в законе. Жили бригадиры в отдельной секции. Вместе со всеми – боялись.

Кольке Смирнову добавили ещё два года. Бригадир написал докладную, что Колька отлынивает от работы, и не выполняет государственный план. Пожаловались на Кольку два мелких ворышка. Они хотели у Кольки отобрать кусок хлеба. И он их за это избил. Эти два парня заглядывали в беззубый рот бригадира, и писали докладные на врагов народа. Им добавляли срок. Среди стукачей, как правило, были мелкие ворышки. На зоне, чтобы выжить, это были надежные стукачи. Начальство их скрывало, но если блатные обнаруживали такого стукача, то на сходке воров в законе, приговаривали к смерти.

Кольку Смирнова после дополнительного суда направили на лесоповал для пилорамы. Кольке повезло. Мастер перевел его в бригаду условно-освобожденных и вербованных. Были и такие мастера. Он изучил дело Смирнова и сказал:

– Ты просто хотел накормить семью. Это смешно, считать тебя врагом народа. Иди к Капитонычу.

Бригадиром был Виктор Капитонович Коротченко. Я уже несколько раз его упоминал. Бывший начальник ОРСа из Черемхово. Его подставили. Осудили по 109 статье – служебное преступление. Он и тачки катал, рельсы укладывал, работал лопатой, кайлой. Даже год работал в конторе. И здесь его «подсидел» один счетовод. Снова отправили рельсы укладывать. В 1952 году срок сбавили, и остался он здесь на поселении. Бригаду подобрал сам.

Коротченко оглядел Кольку, дал ему два дня отдохнуть, и поставил срубать сучки. Некоторые возмутились, мол, появился любимчик. Бригадир ответил:

– Сами забыли, какими с зоны пришли? Доходягами были.

И бригада приняла Кольку. Николай окреп, повеселел, возмужал, и успевал за лучшими вальщиками. А потом и сам стал одним из лучших вальщиков.

Места ему здесь понравились. Заключил договор.

Строил город, фабрику. Награжден медалью «За трудовое отличие».

Был направлен на Усть-Илим. Работал там мастером на строительстве города.

Капитоныч

1953 год. Борис Рагозин хотел завербоваться на строительство Иркутской ГЭС. В отделе кадров ему отказали. Ему не было ещё семнадцать.

– Через месяц будет, – настаивал он. Не приняли. Отец после войны умер. Мать вышла замуж. Плевал он на отчима. Из Черемхово до Тайшета доехал без билета. Там его, как тунеядца, заставили месяц работать на железной дороге. Такие, как он бродяги, таскали щебенку, и подбивали под шпалы. Так что Борька Рагозин тоже принял участие в строительстве дороги. Потом он сбежал и опять без билета доехал до Иркутска. Пришел в приемную комсомола. Там выслушали печальный рассказ паренька, и предложили ехать в Братск. Там идет строительство Братской ГЭС. Пока там тайга. Борька завербовался. На пароходе добрался до места. На машине доехал до Падуна. Здесь работали вербованные из Западной Украины. Они строили первые брусчатые дома в два этажа на 16 семей. Попал он в бригаду гуцулов. Здоровые, работающие, угрюмые ребята. Вечерами собирались у палатки и пели песни на не понятном для Борьки языке. Бригадир Миронюк подал Борьке топор, чтобы он сделал к нему топорщице, и насадить.

– На чо насадить? Кого куда насадить? – спросил Борька.

– Я не понял, о чем это ты? – спросил бригадир.

– Топор куда насадить? – обозлился Борька.

– Топор насадить на топорщице, – ответил бригадир.

Наутро Борька принес топор, насаженный на простую палку. Бригадир повертел в руках строительное оружие, и спросил:

– Зачем краской выкрасил?

– Красивей чтобы было.

– Пошел вон из бригады! – неожиданно закричал Миронюк. Так Борьку вышибли из бригады. В будущем он со смехом будет вспоминать тот день, проведенный у гуцулов.

В отделе кадров были озадачены. Ничего не умел делать.

– Я щебенку умею таскать.

– Щебенку? Отправим тебя в Коршуновскую экспедицию. В тайге повзрослеешь, окрепнешь. Нам здесь такие товарищи не нужны. Там научат.

Сел он в рабочий поезд. И он медленно двинул в таежную даль. Здесь, вдоль дороги, стояли лагеря.

– Наверно, половину страны сюда загнали, – сказал Борька. Мужчина, сидевший напротив его, ответил:

– Ты, потише, паря. Не то загремишь на зону. Без суда и следствия. Я – Виктор Капитонович Коротченко. Выкладывай всё о себе.

И Борька снова стал рассказывать о себе. Тут же сидели парни. Они посмеялись над его топорщиком.

– Я – бригадир. Беру тебя в бригаду. Загибнешь в нашем медвежьем краю. За тобой глаз нужен. Взростешься, паря.

Была осень 1953 года. Капитоныч, так все звали бригадира, взял Борьку разнорабочим. В этой бригаде были механизаторы, плотники, и даже кочегары. Специальных бригад тогда не было. Была пока единственная на будущей стройке бригада Капитоныча. Специалисты в этой бригаде были на все руки. Здесь были вербованные, ссыльные, освободившиеся из заключения, и которым некуда было ехать, и просто бродяги, случайные люди без документов. Всех принимали. Выдавали им справки, а потом уж паспорта. Можно только представить, кто начинал строить наш будущий город. Вот они были и есть настоящие первопроходцы. В бригаде были два бывших полиция – дядя Яша и дядя Федя. Кого только не было в этой бригаде. В бригаде скрывались товарищи, бежавшие от властей. Капитоныч говорил:

– Отсеются. Кому надоело бегать – останутся. Мало ли, что было. Главное, чтобы в душе хоть капля человеческого осталось, и тогда – взростется.

Это было его любимое слово.

Строили домик недалеко от рабочей зоны. Рубили просеку для временной дороги. Тогда их здесь не было. Машины пробивались сквозь мелколесье и тайгу. Они вязли в липкой глине, и тогда на помощь приходил старенький трактор. Он был единственный, и часто ломался. Почему-то из Братска сюда ничего

хорошего не отправляли. Единственный рабочий поезд, с тремя старенькими общими вагонами, и с тремя платформами медленно ходил один раз в сутки. Заключение работали по всему пути. Подбивали щебенку под шпалы. Самый сложный путь от Тайшета до Лены от Черной до Хребтовой. Крутые повороты, подъемы, спуски. Весенние воды порой заливали рельсы. И надо было поднимать путь. До сдачи в эксплуатацию оставалось ещё пять лет, до декабря 1958 года. Наверное, не было свободного места, где бы, не работали, заключенные, вербованные и ссыльные.

Борис трудился на строительстве домика. Кругом тайга. Брус таскали на себе. Опять трактор сломался. На пару с Борисом трудился бывший политический Игнат Белобородов. Его только что освободили. Первыми освобождали по 58 статье пункт 10. К осени начали таких освобождать. Оставляли на поселении.

В бригаде появились изможденные, в оборванных одеждах политики. Обедали за общим столом в палатке. Если не было дождя, обедали за длинным столом у палатки. Каждый пытался подсунуть политикам лишний кусок мяса, сахара. Работали они хорошо. Лодырей среди них не было.

– Неужели в нашем правительстве не понимают, что рабский труд не годится. Историю надо знать, – сказал Борис одному из политиков. Борис грамотный. Он пять классов окончил.

– Из человека сделать раба. Это их план, – ответил политик. – Насмотрелся. Надо растоптать человека не только физически, но и духовно. Не склонишься – расстрел. Стране мы не нужны. Заработаю денег, уеду в Америку. На Аляску.

Помню, когда отец бежал из лагеря, то он тоже мечтал пробраться на Аляску. Там живут наши родственники. Ещё в двадцатые годы бежали от большевиков. Колыма оставила в нем болезни. Умер.

Работали они, и разговаривали. Вошел в разговор власовец Иван Непомнящий. Здоровый и жилистый мужик.

– Я мечтал уехать в Бразилию. Я не верил большевикам и Власову. Он обещал большевизм уничтожить. Ничего не вышло. Они у власти. Страна рабов и подонков в погонах. Когда только

эта власть рухнет? Мы были не против народа, а против большевиков. Вся беда от них. Нужна новая революция.

Подшел Капитоныч и всё слышал.

– Тише будьте. Могут кое-куда капнуть. Расстрел. Я с тобой согласен. Власть надо менять.

Всю свою жизнь я жил среди бунтарей. Все они так рассуждали. Многое что, я с детства слышал. Поэтому, видимо, я всегда выступал против тех, кто руководил советской властью. Про меня многие знали, особенно члены райкома партии и КГБ. И я всегда называл себя коммунистом-анархистом. Никогда не скрывал этого. Многие подтвердят моё отношение против властей и партии.

В бригаду попали два уголовника.

– О, тут и враги народа? Троцкисты. Вражины. Из-за вас мы так плохо живем.

Ударили политика и стали его избивать. Борис и власовец Иван Непомнящий защитили политика.

– В натуре, вы нас-то за чо? – удивились уголовники.

– Они такие же рабы, как и все мы, – ответил Борис.

Вошел Капитоныч. Он сказал, что если они не успокоятся, он выгонит их из бригады. Один ушел. Другой остался навсегда. Карпов живет в Железногорске. Есть внуки и правнуки. Всякие были судьбы. Стройка отбирала лучших людей. Таков, видимо, закон всех строек.

Капитоныч взял с собой Бориса, уголовника Карпова и власовца Ивана Непомнящих. Подвел он их к машине ЗИЛ-131. Капитоныч доверил подремонтировать машину Ивану. Когда-то он был шофером. Карпов возмутился. Мол, он тоже умеет управляться с машиной. Работали молча. Борис только инструмент подавал, да присматривался к работе двух ворчунов. В будущем Борис станет шофером. Иногда два врага ворчали друг на друга, но не ругались. К вечеру машину наладили. Ночевали у машины. Утром поехали. Сидел за рулем Иван. Когда приехали, Иван тихо сказал Капитонычу.

– Ты прав. Мне доверил. Карпов хорошо работал. Специалист. Что-то ещё во мне есть. Всё-таки, изменник был.

– Не в этом дело, Иван. Ты не понял меня.

– Понял. Специалист он хороший. Привыкну ли я?

Привык. Работали на пару. Ворчали порой, но не ругались. Мудрый, всё-таки, Капитоныч.

И дома построили рядом, бывший власовец и бывший уголовник. Женились, скотину завели. Бывало и ворчали, но не ругались. Порой за бутылкой вспоминали Капитоныча, и о том, как они работали. И только молодость не вспоминали. Ничего там хорошего не было.

Послабление

1954 год. Обидно было Кольке Герасимову. Десять килограмм зерна украл из амбара. И за это осудили его на восемь лет. Он хотел накормить мать и двоих меньших братьев. Даже не успел зерно смолоть на ручной мельнице. Кто-то видел и доложил. На суде ему сообщили, что он увез из амбара сто пудов зерна. Украл четырех поросят. Подорвал колхозное хозяйство. Отборное зерно украл. На Колыму его надо! Отправили в Тайшетлаг. Год камень добывал в каменоломне. Молот на мелкие фракции. Тачки возил из карьера. Сухие мозоли заработал. Окреп парень, раздался в плечах. Потом этапом отправили строить Братскую ГЭС. Экскаваторы убирали верхний слой, а заключенные долбили скальный грунт. И опять взрывы, тачки.

Потом опять этап. Сообщили, что отправляют в Илимскую тайгу. Еды не хватало. Этап доставили на заготовку бревен. Между Заярским лагерем и рекой Илим, стоял знаменитый лагерь на Буканке. В конце тридцатых годов по приказу из Москвы издевались над политиками, а пожилых забивали до смерти. Сильно старались в этом деле и подхалимничали перед лагерным начальством, мелкие уголовники. На воле обворовывали стариков, чтобы купить бутылку водки, попрошайничали в чайных. На зоне это самые сволочные, крикливые до визга подонки, подхалимы и стукачи.

Вольнонаемные пилили бензопилами, а заключенные двуручной пилой и топорами валили деревья.

Был такой случай, кажется, на Буканке. Один заключенный валил лес бензопилой. Голод, мошка, вши, побои довели мужика

до отчаяния. Он направил пилу на охранника. Убил его, а потом и двух уголовников. Они сидели у костра и чифирили. Они всех больше издевались над политическими. Потом и сам бросился на пилу. С тех пор эти пилы больше не доверяли заключенным. И вообще, если заключенный шел на охранника с топором – стреляли.

Колька Герасимов валил деревья на пару с бытовиком. До зоны он работал кладовщиком. Был толстый. И этот Петр Белых стал худеть. Он постоянно жаловался, что ему хочется есть.

– Ччас бы собаку сожрать. Уголовники всех собак съели.

Сам среди воришек жаловался, что никогда не голодал. Заведовал продуктами. И дома у него в погребке стояли ящики со сливочным маслом, крутами висела колбаса. Были и любые вина.

Надо сказать, что с весны 1954 года пришло послабление для политиков. Активированные дни давали, как и всем с 45 градусов. Хотя вольнонаемные бригады, шли на активированные дни с 41 градуса мороза. Прибавили паек. Даже некоторые пункты статей, кроме изменников родины, стали отпускать раньше положенного срока. Но пока оставляли на поселении. Все понимали, что после смерти Сталина и расстрела Берии, что-то должно было измениться. Ещё летом в 1953 году многих уголовников освободили, а политиков нет. Многие уголовники снова попали на зону. Вот и для политиков пришло послабление. Прекратились расстрелы, избиения. Лагеря стали возглавлять более грамотные офицеры, прошедшие войну в настоящих боях. В общем, все политики жили надеждами. Но пока ещё не наступил 1956 год, когда после XX съезда партии началось массовое освобождение политических. Пока ещё шел 1954 год.

– Хватит ныть, – сказал Колька. – Надоел. Я с голоду сдыхал, а ты жировал. За дело посадили. А мне за десять килограмм зерна восемь лет лагерей. Где справедливость? И тебе восемь лет. Капитоныч рассказывал, что они на зоне всех мышей и крыс съели.

Ещё в сороковом году как-то двое заключенных сняли с цепи собаку хозяина лагеря, и жарили мясо на костре. Этих двух кто-то выдал. Сам хозяин бил их и топтал, а потом отправил их в расстрельную команду. Так что, за собачку, двое лишились жизни.

Как-то у хозяина лагеря украли собаку и съели. Хозяин кричал:

– Как так можно?! Паек увеличили. Чего ещё надо? Вечерние школы есть при лагере. Самодеятельность есть. Проявляйте таланты. Какая жестокость! Даже животного не пожалели!?! Не стыдно? Совести у вас нет!

Не стал бить. Не стал топтать ногами.

И всё равно. Зона, есть зона. Неволя. Конвой. Собаки.

Колька и Петр Белых пилили лиственницу. Как положено, подрубили, и дерево упало. Откуда-то появился заяц. Конечно, сидел в снегу. Петр бросил топор, и попал в него черенком. Оглушил. По глубокому снегу Петр прополз к зайцу. Схватил его, и стал рвать зубами.

– Ты чего делаешь?! – закричал Колька. – Он ведь ещё живой!

– Я сам съем. Делиться не буду. Сам!

На зоне никто пайкой не делится, хоть умирай. Если повезло с посылкой – отберут уголовники.

Насытившись, он сел отдохнуть.

– Эй, колобок! – закричал бригадир. – Ты что это расселся? Будет перекур – пожалуйста.

Тут бригадир увидел шкуру зайца и измазанное лицо кровью у Белых. Закричал:

– Один съел, и даже не поделился? Теперь держись.

Бригадир ушел, а Белыха стало рвать. Пришли уголовники и начали бить его. Колька заступился за него, и ему попало.

Утром надо на работу, а Белых совершенно слег. Увезли в лазарет. На другой день он умер. Сказали, что-то случилось с его кишками. С тех далеких лет, Николай не ел мясо. Перед глазами маячил шевелящийся в зубах заяц.

Николай начал работать на пару с политиком Иваном Бельчиковым. В 1952 году он написал критическую заметку на мастера в стенгазету. Он был секретарем первичной организацией. Ивана через три дня арестовали. Осудили на десять лет за подрыв коммунистического движения. Нельзя было критиковать секретарей райкома партии, и вообще, райком партии. Навер-

ное, все забыли, что это безобразие длилось до 1990 года. И это тоже был факт.

Валили деревья. Попалась лиственница. Надо было спилить, и удалить сучки. Потом толпой тащили к дороге. Но в сторону нельзя было отойти. Стреляли. За каждого пойманного заключенного и подстреленного конвоирам платили деньги. Некоторые вертухаи, если они ещё живые, я думаю, что они постесняются возразить. Такое было во всех лагерях того страшного времени.

Лиственница была тяжелой. На ней и надсадился Колька. Появилась грыжа. От боли он упал, и попал в лазарет. С тех пор эта болезнь его не отпускала. Простуженные ноги на лесоповале, особенно ночами, под старость лет не давали спокойно спать. Никакие лекарства не помогают.

После освобождения Николай Герасимов остался на поселении. Жил в селе Шестаково, потом перебрался в Железногорск.

Часть четвертая. И будут здесь города

Судьба легендарного Николая Торкунова

1954 год. Коля Торкунов и несколько парней были сосланы на четыре года в Сибирь, в Илимские края. До этого Коля трудился в сапожной мастерской города Киров. В начале войны пошел работать в двенадцать лет. Трудился дворником, столяром, помощником кочегара, сапожником. Жили в дырявом бараке. Собрались парни, и пошли к начальнику требовать хорошего общежития и заработка. Начальник кричал:

– В то время, когда вся наша страна напряглась в последнем порыве к коммунизму, как вы можете тормозить поступь к сияющим вершинам...

– Мы тоже идем к этим вершинам, – перебил Коля. – И нам не хватит денег, чтобы до них добраться. И наш барак к тому времени развалится.

Что-то и другое говорили парни. В комнате для четверых жило пятнадцать парней. Потом собрали самых говорливых, и отправили в Сибирь, чтобы они не мешали другим двигаться к сияющим вершинам. Что-то уже нарушилось в юридической системе. Могли бы и политическую статью дать. А тут взяли и сослали. Надо было заполнять лагеря по Указу за прогулы. Начались новые стройки в Сибири – Ангарск, Усолье-Сибирское, Иркутская ГЭС, готовился плацдарм для Братской ГЭС. Работали разные экспедиции, строились новые города, поселки вдоль

новой железной дороги. Нужны были и вербованные с запада. По стране разъехались вербовщики. Увеличилось количество ссыльных за прогулы и антипартийные выступления. И Коля Торкунов попал под антипартийную статью. Заталкивали их в вагоны, в которых возили скот. И эшелоны один за другим двигались по Сибирским просторам. В Иркутске их распределили. Часть отправили на пароходе до Заярска, а там до Хребтовой. Коля и попал в этот этап.

На лошадях небольшой этап добрался до Коршуновского лагеря. Там Торкунова назначили в бригаду разнорабочих к Коротченко, или просто все его звали Капитоныч. Я писал о нем. Некоторых ссыльных отправили в строящиеся леспромхозы и в колхозы.

Пришли морозы. Коля и несколько товарищей разгребли снег и поставили палатку. Установили большую, железную печь, обложили её кирпичом. Так дольше продержится тепло.

В северной части будущего поселка строителей Коршунихи, стоял лагерь для заключенных. Оттуда их возили на машинах на работу к железной дороге, а также строить первые домики-коттеджи для начальства и передовиков производства. Готовили место под будущий кинотеатр «Молодежный». Вербованные и ссыльные стали устанавливать первые палатки и сборно-щитовые домики на две и четыре семьи. Устанавливали дизельные моторы для производства энергии. Наметили место под первую котельную. В общем, в 1954 году кое-какие работы велись на Коршунихе. Вначале думали, что хватит одного поселка для работ вахтенным методом. Но геологи, возглавляемые Иващенко Максимом Андреевичем показали, что в этих местах, особенно в двух горах, огромные залежи руды. И что для этого надо строить обогатительную фабрику. Тут ещё кроме Коршуновской и Рудногорской открыли и Татьянинское месторождение. Назрела необходимость в строительстве города со всеми видами соцкультбыта. За это взялся Ленинградпроект. В такое время и прибыл сюда Коля Торкунов. Капитоныч сказал:

– Я здесь с 1944 года. Отбыл срок по трудовым зачетам. Ехать мне некуда. Никто меня уже не ждет. Останусь здесь с вами. Бу-

дем строить комбинат, город. Теперь здесь моя родина. Принимай Торкунов звено. Будем готовить фундамент под дом.

– В натуре, ты тронулся, бригадир, – возмутился зэк Степа Карась. Фамилию его знал только Коротченко. В бригаде половина бывших уголовников, и других всяких элементов. – Я был старшим. Он ведь враг народа! Хотя и ссыльный, но он наш враг! Он вредитель!

Бывшие уголовники быстро собрались в кучу. Ссыльные, вербованные, и всякие другие элементы, даже два бывших полиция примкнули к Коротченко и Торкунову. Бригадир хорошо знал бывших. Он боялся конфликта. Знал, что начнется драка с применением ножей и заточек. Степу Карася оставлять звеньевым и его помощником нельзя. Бывшие уголовники часто сидели у костра и чифирили. Остальные работали. На перековку бывших зэков он не надеялся. Из сотни таких людей в нормальную жизнь вернутся единицы. Время ещё не пришло, чтобы исчезли слова «враги народа». Далек ещё был XX съезд партии 6 февраля 1956 года, когда Н.С. Хрущев разоблачит культ личности Сталина. Поэтому и настоящие и бывшие заключенные сквозь пальцы смотрели на бесчинства мелких уголовников по отношению к политическим и ссыльным. И, всё-таки, что-то изменилось к политикам. Не так стали зверствовать конвоиры и офицеры. Всё меньше стали привозить политиков, но увеличилось количество ссыльных и тунеядцев.

Две группы стояли друг против друга. Всё чаще стали возникать такие конфликты. Бригадирами стали назначать более грамотных политиков, а уголовников смещать с постов. Политики смелели и объединялись. К ним примкнули ссыльные, вербованные и отказники, осужденные за прогулы.

– Нам дали план на всех, – сказал Коротченко. – Если мы к концу месяца не справимся с планом, заработок упадет наполовину.

Было принято так. Уголовники чифирили, а политики вкалывали. Зачеты и заработок делили на всех. Особенно зверствовали мародеры на территории разрушенных городов войной. В эти годы таких людей было много на зоне. Воров в законе можно как-то понять. У них закон – не работать. Они занимали луч-

шие места в бараках, и повара не обижали их. Но когда мародеры стали объединяться и не выходить на работу, да ещё и здесь зверствовать, а их поддерживали мелкие воришки, стали возмущать политиков прошедших войну, бытовиков и ссыльных. Возмутились и воры в законе. Один вор в законе сказал:

– Вы с какого боку начали права качать? Вот вы есть пособники Гитлеру. С хлебом и солью встречали немцев. Мы таких изменников не уважаем.

Были стычки на ножах. Многих тогда мародеров на зоне резали, повесили или просто задушили воры в законе. Их поддерживали перекинувшиеся к ним мелкие уголовники. Некоторых из этих бывших мародеров освободили, но оставили на поселении на вечные времена. Была такая статья, для особо опасных в обществе. Этих людей надо было бы держать на зоне до конца дней.

Торкунов ответил мародерам резко:

– Во время войны мародерствовали, убивали мирных жителей. И здесь решили права качать? Вас даже воры в законе не приняли. И я, как звеньевой, не впишу вас в наряд. Натерпелись от вас. Пора и честь знать.

От бывших преступников отделились три мелких воришка.

И, правда, огольцы, чо это мародеры стали над нами командовать?

– От вас, мародеры, я отказываюсь. А этих трех беру в звено.

Пятеро бывших бандита обратились за помощью к блатным. Но те не поддерживали мародеров. Мол, враги народа уже не враги народа, а борцы за справедливость. И живут они по понятиям настоящих мужиков.

Потом с Торкунова снимут судимость. Он останется на стройке. Возглавит бригаду из разного рода парней. Всякие в ней были, и даже комсомольцы были. Бригаду он выведет в передовые на стройке. И этой бригаде первой на стройке присвоят звание бригады коммунистического труда. Потом эту бригаду доверит мне. Сам станет мастером, прорабом. В 1964 году его направят прорабом на строительство Саяно-Шушенской ГЭС.

Один из бывших воришек, которого принял в бригаду Торкунов, Венька Жуков станет инженером, и по вызову уедет в Братск, где станет начальником участка.

Вот вам и бывшие враги народа и воришки. Коршуниха многим дала путевку в жизнь.

Так начиналась Коршуниха

1955 год. После армии Игорь Алексеенко не захотел возвращаться на Кубань. Невеста не дождалась. В колхозах только в кино было хорошо. В реальности ничего хорошего. К весне вообще колхозники жили впроголодь. От зари до зари вкалывали, а гроши получали на трудодни. Служил Игорь в Нижнеудинске. Приехал вербовщик приглашать на север. Попал он в вагон с вербованными с запада. Несколько семей в вагоне. Страшно было смотреть на детей. В рваной одежде, голодные, больные. Часть семей высадили в Братске, а часть поехали дальше. Расселялись по местным колхозам, в геологические партии шли холостяки. Сибирь продолжала заселяться семьями и одиночками с западной части страны. В Братске Игорь сошел с поезда. Тогда на Падуне строили первые деревянные двухэтажные дома. Пришел Игорь в контору. Спросили:

– Механизатор?

– Танкист, – гордо ответил Игорь.

– Это хорошо. Ты, я смотрю, веселый парень. Поэтому ты едешь в веселые края, в Коршуниху. Сказочный край. Девственный. Короче. Надо туда доставить два буровых станка для геологов. Дрезина ждет. С тобой поедут два вербованных и двое освобожденных. Бригадиром у вас Бесков.

Иван Бесков, как оказалось, фронтовик. На Коршунихе с 1947 года.

Бесков здоровый, рыжий и загорелый мужик. Лицо широкое, веселое. Так и светится весь.

– Ничего, ребята. Подкормим вас, и будете в самый раз. К нам засылают, как в Братске говорят – отбросы общества. Все-кие у нас есть. А мы всем покажем, что мы тоже люди.

– Чо ты, паришь?! – возмутился бывший уголовник Юрка Соколов. – За пять лет на зоне навидался трепачей. Если мы все отбросы, то людьми нам не дадут стать. Значит, мы им такие нужны.

– Пошли за мной, – позвал Бесков. Недоверчиво улыбаясь, Соколов пошел за Иваном. За ними пошагал Игорь и остальные. Пришли к дрезине. Иван снял рюкзак, и выложил на доски консервы, связку колбасы, хлеб, жирную селедку. В общем, от такой пищи у голодных ребят глаза округлились.

Наелись отменно. Один из вербованных сказал:

– Такой еды от пуза ещё не видел.

– Вот теперь можно и кирнуть часок, – зевнул Юрка.

– Работать, кто будет? – удивился Иван.

– На зоне отпахал свое, – ответил другой бывший зэк.

– Вот что отпахальщики. Вас занарядили мне. Еду, вы больше не получите. Можете идти на голод, или на зону баланду хлебать.

– Ты чо сразу в пузырь, – миролюбиво улыбнулся Юрка. – Лично я пошутил. Ещё нас накормишь?

– По труду и кормежка хорошая будет, – ответил Бесков.

– Ты работу давай, – вступил в разговор Игорь Алексеенко. Второй уголовник вроде притих, затаился. Темные глаза зло сверкали.

Приступили к погрузке буровых станков на дрезину. Игорь увидел, как второй зэк вынул нож из-за голенища сапога, и стал двигаться в сторону Ивана. Игорь перегородил дорогу бандиту. Игорь выбил нож, а сзади Юрка Соколов ударил бандита по затылку.

– Я хоть и последний черемховский хулиган, по базару карманы чистил, а бандитом не был, – сказал Юрка.

– Всё равно не буду на вас пахать! – крикнул бандит и скрылся в тайге.

– Этого ничем не пронять, – сказал Иван. – Спасибо.

– У нас на зоне, в тюрьме не говорят спасибо. Делал по понятию.

Встретили их перед Коршунихой высоченные горы, бурные реки. Встретили их радушно. Пригласили к столу.

Мужиков обмундировали. Двое вербованных сбросили лохмотья и рваные тапочки. Вербованный Костя Лысенко из-под Винницы признался:

– С детства мечтал о таких кирзовых сапогах.

Весь вечер чистил их сапожной мазью. Утром на работу. И всех поражало то, как ловко Костя обходил лужи. К вечеру ребята пришли в грязи, а у Кости сапоги блестяли. Работал он хорошо. Всё-таки, деревенский.

– Семья у нас большая, – говорил он. – Полы у нас глиняные. Все в рванье, грязные. Я мечтал о чистоте. И вот я до неё добрался.

Каждый вечер Костя вытряхивал свою постель, заставлял всех мыть руки перед едой. Его сразу поддержал Игорь Алексеевич. Долго не поддавался Юрка Соколов. Не раздеваясь, умудрялся броситься на постель. И кричал, и скрежетал зубами, и обещал утопить Костю в Коршунихе. Но поддался. Тут был виноват не только Костя. Юрка влюбился в девушку из села Шестаково. Даже умудрился купить костюм и галстук. Потом неожиданно сообщил, что осенью женится. Попросил ребят, чтобы поставили им отдельную палатку.

Поставили палатку. Собрались у неё. Все в накомарниках. Мошка перед осенью зверствовала. Пришел только что назначенный управлением Братскгэсстроем начальником «Коршуностроя» Ковтун. Собрались строители. Ковтун сказал:

– Вы зачинатели новой стройки. Вот так вот и началась Коршуниха, когда-нибудь будете говорить. Вы – первостроители. Заключенные закладывают фундамент под кинотеатр, под первые многоэтажные дома, котельные. Вас пока мало. Надо закончить вокзал, построить контору, медицинский пункт. С вас всё и начнется.

Потом была свадьба. Юрка Соколов и Вера Шестакова поженились. У палатки стоял огромный пень. Он и послужил свадебным столом. Ковтун подарил отдельную палатку, тумбочку и железную печь. И это был лучший подарок на свадьбу.

Потом стройка на время останавливалась, и только в 1957 году из Братска по направлению треста «Кузнецктяжстрой» было направлено 200 человек. С того дня и начался отсчет времени.

Взрослешься

1955 год. Недавно я узнал удивительную историю одного моего знакомого, в прошлом бывшего депутата поселкового совета. Что побудило его рассказать мне про свою нелегкую жизнь, не знаю. Сергей Слободчиков воспитывался в детском доме. Убегал, бродяжничал, воровал. Побывал почти на всех морях нашей страны. Научился ловко «чистить» карманы богатых. В свои двадцать лет нигде не работал. Два раза судили за тунеядство до четырех месяцев. Долбил шамотный камень на Байкале для Хайтинского абразивного завода в Усольском районе. И вновь бродяжничал. Он не задумывался над своей судьбой. День прошел – и ладно. И всё-таки, он попался. Он «работал» один. Зачем только связался с местными воришками из Новосибирска. Обокрали киоск у вокзала. Унесли вино, разные продукты. Уснули у какого-то пьяницы на первом этаже. Повязали их ночью. Сергей пытался всё взять на себя. Но один из воришек подписал бумагу, и во всем признался. Сергея осудили на восемь лет.

Этапом доставили до Тайшета. Там загнали в телячий вагон, и паровоз потянул два вагона с заключенными, и пять платформ с кирпичом. Довезли до Братска. Ломал Сергей камни, возил их на тачке. Так что, Сергей принимал участие в строительстве Братской ГЭС.

Через год Сергея и несколько заключенных отправили в коршуновский лагерь. Сергей даже слышал, как какой-то гражданский чиновник сказал офицеру, который будет старшим над этапом.

– Здесь у нас не должно быть этой швали. Очистимся от них. Всю эту муть отправляем в Коршуниху. Все отбросы туда.

Надо честно признаться, хотя об этом нигде не писали, из-за этого на стройке была огромная текучесть кадров. Оставались самые сильные, мужественные духом. И эти люди остались здесь навсегда. И даже если потом некоторые уехали на другие стройки, то это были настоящие труженики.

Сергея отправили строить домик для руководства будущей стройки. Шел 1955 год. Здесь уже работали заключенные, вер-

бованные, ссыльные, освободившиеся их заключения. Даже тунеццы пытались работать, но не долго. Сбегали. Были из них и такие, кто остался здесь навсегда, и стали в городе уважаемыми людьми. Стройка, как сквозь сито пропускала людей. Я всяких навидался. Поэтому про все это хорошо знаю.

В августе Сергея освободили по трудовым зачетам за хорошую работу. Куда ехать? Опять воровать? Опять на зону? Надоело. Он вышел в узкую дверь лагеря. Вспомнил лагерную поговорку: « В зону широкие ворота, обратно – узкая дверь». Зона воспитывает человека? Неправда. Ломает? Да. Из нормального человека зона может сделать подонка. За паек хлеба может заложить товарища. Это зона. Убить за лишний кусок хлеба. Это зона. В своих записках я описал всяких. Зона переламывает миллионы человеческих душ. Зона оставляет отпечаток ненормальности. Никчемные, потерянные годы. Это зона. Там презируют умных, интеллигентных людей. Унижают их при удобном случае. Наша страна учила людей по формуле: « Будь как все». На зоне это понятие более осязаемо, откровенно до безобразия. Если ты научился по-особому ходить, говорить, брызгать слюной, обижать слабого, биться головой о стену, бить себя в грудь, визжать – ты свой. Это зона. Поэтому, у отсидевших товарищей, приличные сроки по политической, за колоски, за бутылку масла, кусок хлеба, я с силой вытягивал рассказы о зоне. Как правило, эти люди на воле молчаливы, работающие, честные и справедливые. Это не говорит о том, что их воспитала зона. Сами по себе они были такими всегда. Просто случай их столкнул с зоной. Именно о таких людях я и создал эту книгу. К таким людям и относился Сергей Слободчиков.

Ехать Игорю некуда. Да и местность понравилась. Глухомань. Люди такие же, как и он. Отсидевшие сроки, вербованные, ссыльные и просто бродяги. Все они не от хорошей жизни попали сюда. Надоели ему уголовные рожи, хотя и сам бывший уголовник. Просто душа спокойствия попросила. Да и надо бы подумать над своей судьбой. Стоила подумать, и решить, что делать дальше.

Ходил он по тайге, обнимал деревья, и кажется, даже чуть не прослезился от счастья. Сидел он на спиленном бревне. И решал – куда идти. Подсел к нему среднего роста крепкий мужчина.

– Гляжу по одежде – откинулся? Куда путь держишь? Что делать умеешь? Помочь могу.

– С зоны я. Надоело всё. Любуюсь свободой. Дышу ею.

– Я бригадир Виктор Капитонович Коротченко. Просто – Капитоныч.

– Слышал на зоне. Хорошо говорили.

– Ну и ладно. Иди ко мне в бригаду. Мы – разнорабочие. Правда, у всех есть профессии. Да и взростешься.

– У меня справка есть.

– Идем к начальнику в палатку. Как раз приехал. Строить город будут. Начальник стройки Ковтун Максим Фомич. Отличный мужик. Многие здесь прошли зону. Всякие есть у нас в бригаде. Всех принимаем. Одумаются – взростутся.

Оглядел Ковтун парня в лагерной форме и сказал:

– Капитоныч, скажи кладовщику, чтобы парню спецовку и сапоги выдал. Пиши, парень, заявление. Трудовую тебе нарисуем.

Поселился Сергей в палатке. Восемь человек здесь жило. Он девятый. Сказал бригадиру:

– Там есть щитовой домик. Мне бы его.

– Понимаю, – улыбнулся Капитоныч. – Скоро его закончат. Вселяйся.

Никто не обиделся, что он не хочет в коллективе, не засмеялись. Все понимали состояние парня. Каждый из них по-разному встречает свободу. Он вот так. Побывать в одиночестве.

Утром Сергей вместе с бригадой поместились в будке. Здесь была маленькая конторка. Тут же был инструмент. Немного почиририли, и вышли на работу. Сергей попал в напарники к угрюмому мужику дяде Коле. Сергей спросил:

– Что это бригадир не спросил меня, что я умею делать?

– Научисься, однако, – коротко ответил дядя Коля. Он со-сал самокрутку. Как потом узнал Сергей, что дядя Коля Гуцин чистый сибиряк с берегов реки Киренга, впадающей в реку Лена. Работал в зверосовхозе охотником. Безграмотный. Заведующий пунктом приема пушнины заворовался. Всё свалил на

двух охотников. Они, мол, его обманули, напоили, и унесли все шкурки. Дядя Коля ничего не трогал. Не смог доказать. Судили всех троих, в том числе и заведующего.

– Меня за что?! – удивился он. – Они крали, а я виноват?

– Все вы в сговоре. По восемь лет вам хватит.

По зачетам дядя Коля отсидел пять лет. Строил железную дорогу. Заведующий в первую зиму замерз.

Сергей и дядя Коля строили общий туалет. Бригадир сказал, что любая стройка начинается с трех китов – палатки, столовая и туалет. А вы, мол, участвуете во всем первыми. Гордитесь.

– Зачем, однако, много говорить? Работать надо, – ответил дядя Коля. Он помог парню сделать топорище к топору. Потом они строили временную столовую. Рядом стоял временный деревянный домик-вокзал.

Была весна. С гор побежали ручьи, и в первой на стройке столовой, стояла вода. Я бывал в той столовой. Там всегда пол был покрыт водой.

Потом столовую построят в 1958 году из бруса недалеко от палаток, Сдадут в эксплуатацию весной 1959 года.

После столовой перешли работать на установку щитового домика на четыре семьи. Одну комнату с отдельным входом обещал сам Ковтун Сергею. Там шла отделка.

Бригадир Капитоныч пришел и похлопал по плечу Сергея.

– Ну вот, и молодец. А говорил, что ничего не умеешь делать. Сегодня вам надо браться за кладку печей.

Так Сергей Слободчиков стал печником. Многому научил дядя Коля Сергея. Кажется, не было такой работы, которую не делал Сергей. Утром пришел бригадир.

– Водитель трактора заболел. Выручай, дядя Коля. Бери с собой Сергея. На пень загрузите кирпич. Он и вам будет нужен.

Слово разнорабочий – широкое понятие. Он должен уметь многое. Человек этот не узкой специальности, он разносторонний. Вот я и заинтересовался человеком, который работал настоящим разнорабочим.

Работали на тракторе. Что нужно – привезли.

Закончили одну печь, пришел Капитоныч. Надо провести электричество в столовую. Потом выгрузить кирпич с платформы.

Утром снова на дом. Через месяц его приняла комиссия. Одну комнату занял Сергей. С тощим рюкзаком он стоял посредине комнаты, и вдыхал запахи свежей краски. Это его первое жильё. На новоселье пришел Капитоныч, дядя Коля, начальник стройки Ковтун, и его новые товарищи по работе.

Сергей Слободчиков был даже избран депутатом в первый поселковый совет поселка Железнодорожск. Имеет медаль «За трудовое отличие». Работал мастером. По направлению был направлен на строительство города Усть-Илимск. Там и остался. До пенсии работал начальником участка механизации.

Становление

1956 год. В феврале этого года состоялся XX съезд партии, на котором Н. С. Хрущев разоблачил культ Сталина. Ещё в том году стали освобождать некоторых «врагов народа». А в этом году началось массовое освобождение по политическим статьям. Лагерное начальство, конвоиры уже не издевались над политиками. Они узнали, что миллионы заключенных были без вины виноватые. Стройки теряли кадры рабов. Измученные люди стали возвращаться на родину. Некоторые, потерявшие родных, оставались на стройке, уходили в леспромхозы, геологические партии. Лагеря надо было заполнять. Даже некоторые лагеря стали закрываться. Что-то надо было делать. Подросла молодежь из послевоенного времени. Бросили клич – молодежь на строительство городов в Сибири, на гидроэлектростанции, и на другие стройки. Даже называли стройки комсомольскими и ударными. Вербовщики поехали по стране, приглашая молодежь из колхозов и из армии, призывая через газеты и радио. Ехали молодые, семейные. А лагеря должны работать. Свободные места заполнялись прогульщиками, тунеядцами, хулиганами.

Лешка Сладкой после детдома, из которого часто сбегал, бродяжничал по стране, угодил в тюрьму на три года за хулиганство. Пострадал от чувства справедливости. У него был друг Юрка

Хвостов. Шли они по улице, и увидели, как трое бьют мужчину. Друзья решили защитить мужика. И началась драка. Приехала милиция. Всех арестовали. Вскоре троих выпустили, а Лешку и Юрку осудили. Те трое были сыновьями каких-то крупных начальников. Защитили на свою голову. Вот и пришлось отбыть два года на зоне. Один год они заработали по зачетам. После освобождения им надо было ехать в Братск. Им дали ссылку на два года на север области.

А они поехали на Байкал. Никогда не видели его. В Иркутске друзей арестовали, и с такими же товарищами, отправили в Илимские края отбывать ссылку. Капитан милиции сказал:

– Таких темных личностей, как вы, надо держать дальше от цивилизации. К медведям. К мошке. Бывал я там. Палками, палками вас подлецов! Прикладами вас учить. Лучше бы вас всех уничтожить, что от вас и духу не было. Мы коммунизм собрались строить, а вы под ногами крутитесь.

Сгрузили их в августе 1956 года на станции Коршуниха-Ангарская. Дорога ещё осваивалась. Кое-где что-то достраивали заключенные, вербованные и ссыльные. В печати так их не называли. Просто – вольнонаемные. Потом пошло и поехало – комсомольцы-добровольцы. Поверьте мне, бывшему бродяге, тунеядцу, эзку, гулящему. Я хорошо изучил низкие слои народа. Я родился и вырос среди этого народа. В те времена любая стройка из четырех категорий людей – заключенные, ссыльные, вербованные и бывшие заключенные, которые освободились и остались на стройке. А настоящие комсомольцы-добровольцы, в основном стали прибывать на эту стройку в 1958-1959 годах. Я о них много писал в разные газеты. Это были настоящие труженики. Честь им и хвала. А вот в этой книге я все свои очерковые художественные зарисовки посвящаю настоящим первопроходцам, о которых не писали, не говорили.

Лешка Сластной и Юрка Хвостов протянули свои справки первому начальнику «Коршуностроя» Ковтуну Максиму Фомичу. Конторка находилась в палатке. У палатки толклись парни с рюкзаками, и одеты прилично, не то, что эти два бродяжки. Это была бригада строителей из СМУ треста «Кузнецктяжстрой». Они должны были ставить сборно-щитовые домики на несколь-

ких переулках, а также ставить засыпные палатки с южной части будущего города. Здесь будет стоять палаточный городок. С северной части Коршунихи находился лагерь заключенных, да строящиеся деревянные дома в два этажа. Готовился фундамент под будущий кинотеатр, который потом назовут «Молодежный». И всё это было огорожено колючей проволокой.

Ночевали ссыльные и вербованные в палатке.

– Настоящие матрасы, – сказал один из бывших эков Гриша Цветков. – А у нас на зоне набивали соломой. Культура здесь. И кормежка отменная. Ковтун, что надо фраер. Я пять лет ждал такой жизни. Теперь меня отсюда палкой не выгонишь. Мой кореш Витька в колхоз устроился. Одет, обут и сыт. Даже отдельную комнату ему дали. Если женится, дом обещали построить. У нас на Кировщине колхозники ещё в лаптях ходят.

В палатке все общее. Всякая еда на столе. Такое ребятам в дикость. Даже чьи-то деньги лежали на тумбочке.

– Я был честный вор, – сказал Цветков. – Придут хулиганы. Этим всё до фени. Плевать им на порядки. На пропой возьмут.

– Были такие людишки, – сказал бригадир Виктор Капитонович Коротченко. – Мы выгнали их со стройки. Пойдете, друзья, в звено к Николаю Торкунову.

В будущем это будет легендарный бригадир. Лучшая бригада на стройке. В его бригаде было восемьдесят процентов бывших уголовников и бродяг. И вывел бригаду в передовые. Я в этой бригаде работал три года. Потом он стал мастером и прорабом, а я бригадиром.

– Кто владеет плотницким инструментом? – спросил он.

– Мы на зоне тачки возили, – ответил Гриша. – Лесоповал.

– Ясно. Будем учиться на ходу. Всё у нас будет культурно, вежливо и хорошо.

Любимая фраза Торкунова.

– Будем готовить фундамент под клуб.

– У меня название готово, – сказал Лешка Сладстой. – Назвать его так – клуб «Рудник».

Клуб этот, первый на стройке так и назовут «Рудник». Первый культурно-массовый очаг на Коршунихе.

Лешка воткнул лопату в неподатливую глину. Каменистая почва. Торкунов сказал, что клуб будут строить вечерами и в выходные. На общественных началах.

– Мы только под фундамент подготовим,- говорил Торкунов. – Потом пойдем ставить сборно-щитовые дома для семейных. Так что, ребятки, работы у нас много. И всё у нас будет культурно, вежливо и хорошо.

Ударили первые заморозки. Бригада из треста «Кузнецктяжстрой» уже ставили щитовые домики.

– Торкунов, бросай этих лодырей и дуй к нам! – кричали специалисты из той бригады.

– Мы посмотрим через годик кто лучше, – ответил Торкунов.

Лешка Сладной ответил специалистам:

– Мы дождемся первого асфальта, и тогда поедем начинать новую стройку до асфальта!

Однажды в бригаду пришли двое беглых. Пришлось их кормить. И даже прятали. Зимой они прожили в штольне, помогали рубить руду, и укладывать в ящички для пробы. Коротченко умудрился достать для них справки. Один уехал в Черемхово, а другой Виктор Дедюхин остался. Приняли в бригаду. Отрастил бороду. Отличный трудяга. Потом он трудился в моей бригаде. Работал на экскаваторе.

Когда появился первый асфальт Сладной и Виктор Дедюхин уехали строить город Усть-Илимск. Бывший беглец из лагеря до пенсии работал начальником участка механизации, а Сладной бригадиром сантехников.

Хочу город строить

1956 год. Игорь Карпов воспитывался в детском доме. Несколько раз убежал из него. объездил Игорь многие города. Нигде долго не задерживался. Ему было уже двадцать два года. Как-то он остановился в городе Горький. В армии он не служил. Плоскостопие. В милиции его предупредили, что если он не устроится, то его отправят в лагерь за тунеядство.

А тут в Сибири развернулись большие стройки. В Братске от него отказались. Сказали, что им летуны не нужны. Таких людей,

как он, в те времена называли летунами. Их обычно не брали на работу. В конторе ему предложили ехать в Коршуниху, там, мол, таких летунов и разных бродяг много. Туда всех засылают.

На станции сошел один. Горы, тайга, маленький вокзальчик. Встретили его комары и мошка. В избушке, где ютилась конторка, тоже отказали в работе. Заключенные и ссыльные строили первые дома. Игорю предложили устроиться на работу в Ленинградскую топографическую экспедицию проектного института Гипроруда, которая готовила данные для проектирования комбината.

Начальник оглядел парня. Пойдешь с рейкой в тайгу. По таблице наносить рельеф. Работа не тяжелая. Носи себе рейку, и вся работа.

– Я приехал сюда не отдыхать. Мне надо в лагере отмечаться. Мне документы нужны.

– Вот в чем дело! Документы надо заработать. Пойдешь шурфы копать. Там есть настоящий работяга – Михаил Перетолчин.

Игорь пришел к склону горы. Там две отдыхали. Познакомились. Это и был Михаил Перетолчин, сухопарый, жилистый мужик, а другой парень – Петр Зелинский. Они встали и стали копать шурфы. Глубина разная. Игорь не успел снять верхний злой земли, как Михаил и Петр врезались в землю. Долбили камни ломиками. Игорь взмок, а комары и мошка тучами над ним. Спасали от них накомарники, да мазь. Наверное, ему каменистый участок попался. Когда он одолел всего пятьдесят сантиметров, мужики выкопали в рост. Сели отдыхать.

– Другой работы нет? – спросил Игорь. – Дома надо строить. Всю жизнь собираетесь в земле ковыряться? Я хочу стать строителем, а не землекопом.

– Значит, летун, – нахмурился Михаил. – Мы вот механизаторы. Пока этого здесь ничего нет. Обещали из Братска прислать бульдозеры. Копаем. И нормально.

– Заключенные дома строят, а мы хуже их?

До конца смены он геологам предоставил два шурфа, а мужики по два каждый.

Так он работал неделю. Потом его отправили в штольню возить вагонетки с породой.

– На стройку пока никого не принимают, – сказал ему Петр. – Привыкай к любой работе.

Работал Игорь в штольне. Начальник «Коршуновстроя» Ковтун Максим Фомич некоторых механизаторов, в том числе Зелинского и Перетолчина определил на бульдозеры. Игорь нашел нового начальника.

– Я хочу строить город, – сообщил он начальнику. – Моих товарищей устроили на механизмы, а меня куда?

Ковтун улыбнулся и сказал:

– Молодец. Беру тебя. Будешь строителем.

Игорь Карпов отметился в лагере. Сообщил, что идет строить город. Пока никто не ехал строить город. Мало было людей. Игоря определили в бригаду разнорабочих к Виктору Капитоновичу Коротченко.

«Разношерстная», в прямом смысле этого слова, подобралась бригада. Сам бригадир был из бытовиков. Я уже несколько раз писал о нем.

– Значит, бродяга и бич, – отозвался бригадир об Игоре. – Не обижайся. Все мы здесь с изъяном. Время – великий определитель. Время, есть главный судья. На прошлое твое мне плевать. С чистого листа начинай жизнь. Стройка вылечит.

Игорь стал разнорабочим. И землю копал под фундамент, и первую больницу строил, большую двухэтажную контору строил, и столовую.

Направили его принимать разборные щитовые домики, за которыми подъехали на тракторах Перетолчин и Зелинский.

– Не удрал ещё? Молодец, – похвалил его Петр. – Мы с тобой город построим, и будем в нем жить. Я уже свою семью привез. Жену Зою с сыном поселю в первый щитовой дом на стройке.

И вот пришел приказ из Братска – свернуть работы. Многие уехали, и Игорю некуда. Опять пошел в тайгу с рулеткой, рейкой, а также копал шурфы. Как потом они узнали, что ещё не могли решить, что строить? Временный поселок для вахтовиков, или город?

Игорь первым увидел медведя. Геолог Павел Ширяев медведя не видел. Зверь медленно двигался к геологу. Что-то надо было делать. Бежать? От старого жителя поселка Коршуниха Игната

Шестакова он слышал, что при встрече с медведем нельзя паниковать. Зверь чувствует настроение человека. Надо медленно и спокойно уходить, и стараться не смотреть на зверя. Если Игорь побежит, то бросит парня в беде. Игорь решился на безумный шаг. Он закричал:

– Павел! Не двигайся! Не убегай!

Игорь вынул топор из-за пояса, и начал стучать по дереву. Медведь развернулся, и пошел на Игоря. Тогда парень неожиданно, даже для самого себя, упал на четвереньки, сбросил шляпу с накомарником, вцепился в неё зубами, и начал подпрыгивать и рычать. Зверь остановился, рыкнул, мотнул головой, и, Игорю показалось, что он даже плюнул. Потом ломая кустарник, ушел в тайгу.

Об этом трагикомичном случае в тайге писали в областных газетах и в «Комсомольской правде». Игорь попался на глаза начальнику Ковтуну.

– Вот теперь ты настоящий сибиряк-медвежатник. Через месяц стройка снова заработает. Хватит тебе по тайге шляндить. Там Виктор Капитонович Коротченко бригаду собирает. Пойдешь к нему.

Так Карпов снова попал на стройку. А когда Коротченко по направлению уехал в Братск, Игорь перешел в бригаду Николая Трифонова.

Шли годы. Игорь Иванович давно на пенсии, как и Петр Зелинский. Живут в Железногорске.

– Мне тот медведь долго снился, – как-то сказал мне Игорь Иванович. – Может из-за того случая я и остался в этих краях. Понял, что эти края – моя вторая родина.

Не потеряйтесь в жизни

1956 год. Дорога для будущего кандидата наук Виктора Кукуева была тернистой. За что посадили? С другом Костей Гловым ночью влезли в магазин через чердачное перекрытие. Проникли внутрь, и взяли четыре буханки хлеба, и четыре плитки шоколада. Никогда его не ели. Вечером их арестовали. Приписали им, что они вынесли три ящика масла, тридцать килограммов сахара, пять

мешков муки, и много денег. Ничего они этого не брали. Следовательно сказал:

– Всё равно из вас толку не будет. Какая разница, за что катать бревна.

Осудили их на десять лет, и отправили строить дорогу Тайшет-Лена. Катали тачки с камнем и гравием, прокладывали шпалы, рельсы, подбивали щебенку под шпалы. Так прошло пять лет. По зачетам, и за хорошую работу в марте его освободили. Была такая категория – условно-освобожденные. И отправляли таких людей на великие стройки. Приписали его к какой-то Коршунихе. Его друга Костю придавило листовницей на лесоповале.

Пока Виктору Кукуеву надо было отработать на лесоповале два месяца. Готовили бревна для пилорамы. Это была тяжелая работа. Один парень сказал, что Витьку, и других таких же, специально отправили в тайгу. Не справятся с работой – отменят освобождение. На этом лесоповале погиб ещё один друг – Вовка Стрижев. Другого товарища застрелили при побеге. Не выдержал. У каждого полустанка могилки. Безвестные бугорки. Кукуев назло всем, решил выжить. В свои двадцать три года он был сухощавый, жилистый.

– Слушай, Кукуй, держись, – сказал ему бригадир Кузнецов. – Я летом откинусь и поеду к морю, косточки погреть. Женюсь. Детей заведу. Как ты? Что задумал?

– Ван Ваньч, – ответил Виктор. – Кукуй на воле был. Сейчас я – Кукуев Виктор. Давай работать.

Виктор знал, что бригадир, приближенный к начальству, и скажи что не так – стукнет. Лучше сжать зубы и вкалывать. По пояс в снегу, в трескучий мороз, даже земля лопалась, а деревья надо было валить. У него уже подмерзли пальцы на ногах, лицо шелушится. Сегодня ему даже жарко стало. Доволен собой. Он самого бригадира заставил шевелиться. Не раскис.

Так Виктор отработал до марта. Потом ему дали направление в Коршуниху. Посадили в вагон, и он поехал.

В те годы железная дорога, которую прокладывал Виктор вот такой. Март. Ранняя, бурная весна. Поезд почти на ощупь шел. От станции Затопляемая до станции Коршуниха-Ангарская 18 километров. Это расстояние ползли четыре часа. С гор ринулась вода, речка Коршуниха вздулась. Вода затопила железную дорогу.

Старый и рябой, видимо, переболевший оспой, машинист беспрерывно давал гудки. Помощник у него совсем мальчишка, под очками выпученные от страха глаза. Виктор и его новый товарищ Олег Богров познакомились с дядей Колей. Дело в том, что Олег до заключения работал в Черемхово помощником машиниста на паровозе. Дядя Коля потому и не прогнал его с паровоза. Даже чаем угостил и печеной картошкой. Олег возьми и скажи:

– Дядя Коля, предложи меня в помощники.

Дядя Коля согласился поговорить с начальством. Пока «обмундировал» их резиновыми сапогами. Ребята шли впереди поезда по воде, и светили фонарями. Попадались бревна, и их надо было убрать. Вода блестела вокруг в лунном свете, как в хорошем городе асфальт после дождя. Рельсы под ногами хорошо видны. Проплепали ребята так километров пять и опять в кабину. Здесь был готов чай, и картошка печеная.

– Вода, знать, на убыль пошла, – сказал дядя Коля. – Когда вода прибывает, рельсов не видно. Самый трудный участок по всей дороге. Я эту дорогу, тоже строил в пятом строительном отряде.

– Мы тоже в пятом отряде вкалывали, – ответил Виктор. – Он был от Видима до станции Купа. Вот где могилки!

– За политику я сидел. Не знаю, за что взяли. Да так и остался здесь. Семей не обзавелся. А жизнь прошла. Вот Гришутку взял из детского дома.

– Станцию Купу, теперь Мерзлотной зовут, – сказал Гришутка.

Когда сходили на станции Коршуниха-Ангарская, дядя Коля соленых огурцов и помидор сунул в бумажном кульке.

– Главное, не потеряйтесь в жизни. Это я вам говорю. Она такая штука жизнь-то. И шторма бывают, а выстоять надо. Главное – остаться человеком.

Прибыли утром. С поезда они сошли двое. Видимо, мало кто ещё знал о Коршунихе.

– Здравствуй, Коршуниха, – сказал Виктор. – Надолго ли я сюда? Поживем. Посмотрим. Главное, дядя Коля прав. Там, далеко остался Кукуй. Здесь я, Виктор Кукуев. Здравствуй!

В скором времени он станет бригадиром. Потом прорабом.

Начальник Братскгэсстроя Анатолий Закопырин дал ему вызов на строительство алюминиевого завода в Норильске. Работал

бригадиром. Живет в Красноярске. И многие такие вот из бывших, которые строили эту дорогу, как Виктор Кукуев, станут руководителями, бригадирами, журналистами, писателями.

Как и Анатолий Закопырин я не пойму тех людей, кто при прочтении моей книги, начнет психовать, трястись и плевать. Найдутся такие «непонимающие» люди. Они до сих пор болтают, что всех врагов народа судили за дело. Хотя этих «непонимающих» можно и понять. В предисловии книги я о них написал. Просто они в те времена не катали тачки, не долбили камень и не ели лагерную похлебку. Я начал работать над повестью о таком вот «непонимающем» товарище. Современный «непонимающий» и трясущийся в злобе товарищ, попадает в прошлое, как враг народа, на строительство вот этой железной дороги. Вот такой будет странный сюжет повести. Потом он вернется в наше время. Что он потом будет говорить? Каким этот товарищ к нам вернется? Весьма любопытно. А может в прошлое ещё такого товарища послать? Вместе-то веселее будет катать тачки, ломать камни, получать удары палкой по спине, хлебать баланду. Вместе письмо будут сочинять Сталину, что они не виноваты. Есть хотелось, вот и украли с колхозного поля два килограмма зерна. За что им десять лет припаяли? Какие они враги народа? Они не подрывали советскую власть. И не какие они, не шпионы от восьми стран. А за это письмо им ещё впаяют по пятерке. Смешно? Плакать надо бы. Но так было. Может, этот «непонимающий» товарищ поймет и станет понимающим? А может и не поймет. Скорее всего, осознает. А может целую группу туда забросить? Эдакий будет десант «непонимающих» товарищей. В художественном произведении всё возможно. Это было бы интересно. Надо попробовать.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Часть первая. Работать по-Сталински.	7
Он хотел мира	7
Крестьянский сын	11
Терпеть и выжить	15
Раскулаченные	19
Все мы рабы	23
Мост	27
Ссылные	32
Судьба Прошки Комарова	36
Начало начал	40
Жестокость	44
Ссылный Федор Белобородов	47
Часть вторая. Лагерная страна	51
Подвиг Николая Елисеева	51
Сын врага народа	54
Неужели все были врагами народа	57
Так сказал Сталин	60
Дорога, политая кровью	63
Комиссии	66
Здесь нужны крепкие парни	70
За Веру и Отечество	73
Будущее России	76
Главное – молчать	80
Жили надеждами	84
Все мы были в общем лагере	87
Правду тяжело писать	90
Подвиг Шубина	94

Есть ли душа у вертухая?	97
Лагерная страна	100
Их бьёшь, бьёшь, а они плодятся	103
Они были против Советской власти.	107
Не смеши, майор	111
Часть третья. И могилки вдоль дороги	115
На лесоповале.	115
И будут здесь города	118
Тачкой управлять тоже надо уметь.	121
Вербованные	125
На трассе.	128
«Здесь будет город заложен».	131
Живые трупы строили дорогу	134
Сапоги со скрипом.	138
Побег из неволи в будущее.	141
Общак геологов.	145
Гулящие люди.	148
Правильная бригада.	151
В медвежьем краю	155
Захарка Дурцев из Одессы	158
Жили надеждами	162
Капитоныч	165
Послабление.	169
Часть четвертая. И будут здесь города	173
Судьба легендарного Николая Торкунова	173
Так начиналась Коршуниха	177
Взростешься.	180
Становление.	184
Хочу город строить	187
Не потеряйтесь в жизни	191

Юрий Стрелов
ПЕРВОПРОХОДЦЫ

*Художественно-документальные
зарисовки*

Отпечатано в типографии «Оттиск». Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 04.09.2013 г. Формат 60/84/16.

Усл. печ. л. 8,8. Уч.-изд. л. 11,5. Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Тираж 300 экз. Заказ № 276.

664025 г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26. Тел.: 34-32-34, 241-242.

E-mail: ottisk@irmail.ru. www.ottisk-irk.ru